

**VIII Международная научно-практическая конференция
«Уголовное производство: процессуальная теория
и криминалистическая практика»**

**23-24 апреля 2020 г.
Алушта, Республика Крым**

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Таврическая академия
Юридический факультет
Кафедра уголовного процесса и криминалистики

**УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО:
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(23-24 апреля 2020 года)
г. Симферополь-Алушта

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2020

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4
У 82

Редакционная коллегия:

Михайлов М. А., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Омельченко Т. В., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Составитель – Т. В. Омельченко

Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы У-82 VIII Международной научно-практической конференции, 23-24 апреля 2020 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко ; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – 74 с.
ISBN 978-5-907310-53-7

Сборник содержит материалы VIII Международной научно-практической конференции. Анализируются актуальные проблемы процессуального и криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по вопросам уголовного судопроизводства.

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4

*Материалы представлены в авторской редакции.
Ответственность за содержание докладов и тезисов несут авторы.
Материалы рецензируются оргкомитетом.*

Ануфриева Екатерина Андреевна
Крымский филиал ФГОУ ВПО
«Российский государственный университет
правосудия», кандидат юридических наук
(Симферополь, Россия)

Омельченко Тарас Владимирович
Таврическая академия Крымского федерального
университета имени В.И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО Ч. 1 СТ. 303 УК РФ

УДК 343.98

Аннотация: В статье рассматриваются типичные проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель в ситуации проведения доследственной проверки по факту фальсификации доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве и принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: фальсификация доказательств; доследственная проверка; возбуждение уголовного дела; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство.

Abstract: In this article considers typical problems of situation of conducting a pre-investigation probe into the falsification of evidence in civil and arbitration proceedings and the adoption of a decision to institute criminal proceedings.

Key words: the falsification of evidence, a pre-investigation probe, institution criminal proceedings, civil and arbitration proceedings.

Доказывание составляет неотъемлемую часть правосудия. Собираение, исследование и оценка доказательств лежат в основе вынесения судом законного справедливого решения по делу. Соответственно посягательство на процесс доказывания ведет не только к вынесению отдельного незаконного решения суда, но и подрыву авторитета судебной власти в целом [1, с.9].

Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств в качестве самостоятельной уголовно-правовой нормы появилась в российском законодательстве уже почти 25 лет назад. Однако практика привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по гражданскому или арбитражному делу по-прежнему недостаточно активна.

В большинстве случаев при выявлении фальсификации доказательств в гражданском или арбитражном процессе стороны не спешат обращаться с заявлением в правоохранительные органы. Санкция ч. 1 ст. 303 УК РФ является незначительной, в то время как для обеспечения возбуждения и направления уголовного дела в суд заявителям предстоит потратить не мало сил и времени.

Суд крайне редко выступает инициатором направления документов, отражающих факт фальсификации доказательств по гражданскому или арбитражному делу, в правоохранительные органы для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Сами же сотрудники Следственного комитета РФ, к чьей подследственности относится данный состав преступления, настороженно относятся к заявлениям о фактах фальсификации. Последнее связано с тем, что доследственная проверка по делам данной категории сопровождается рядом трудностей.

По результатам анализа судебно-следственной практики по ч. 1 ст. 303 УК РФ, а также трудов ученых, занимавшихся исследованием обозначенных вопросов, был

выделен круг наиболее распространенных проблем, возникающих при возбуждении уголовных дел по ч. 1 ст. 303 УК РФ:

1. Лицо, представившее доказательство по делу, не является субъектом состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ.

К данному аргументу не редко прибегают лица, представившие подложное доказательство по делу. Чаще всего речь идет о лицах, выступающих третьей стороной в споре. При этом в ряде случаев и следователи считают этот довод обоснованным для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, что противоречит нормам уголовного, гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства.

Субъектами преступлений, предусмотренного ст. 303 УК РФ выступают лица, достигшие 16-летнего возраста и обладающие специальными признаками в соответствии с функцией, выполняемой ими при производстве по конкретному делу. В соответствии с ч.1 ст. 303 УК РФ ими являются лица, участвующие в деле и их представители.

Согласно ст. ст. 34 ГПК РФ и 40 АПК РФ лицами, участвующими в деле, являются:

- стороны;
- заявители и заинтересованные лица;
- третьи лица;
- прокурор, органы местного самоуправления, иные органы, организации, граждане, обратившиеся в суд, в случаях, предусмотренных ГПК РФ и АПК РФ.

Ст. ст. 35 ГПК РФ и 41 АПК РФ закрепляет право всех участвующих в деле лиц представлять доказательства по делу.

Подтверждением статуса лица, представившего подложный документ по делу, является, например, определение суда о привлечении лица в качестве третьей стороны. Для проверки такой информации следователь может изучить непосредственно материалы самого гражданского или арбитражного дела либо материалы электронного дела с помощью сервиса «Мой арбитр» или на сайте суда.

2. Доказательства представлены лицом, являющимся представителем стороны по делу.

Как правило, в данном случае проблематично доказать наличие у представителя умысла на фальсификацию доказательств. Такие лица часто утверждают, что документы были ими получены от доверителей (клиентов), о факте фальсификации документов им не было известно и проверить подлинность документов они не могли. В то время как состав преступления ч.1 ст. 303 УК РФ предусматривает прямой умысел совершения преступления, то есть виновный осознает, что он искажает или создает искусственное доказательство, и желает совершить подобные действия.

Для опровержения данного аргумента следователю необходимо изучить биографию такого лица и его связи с другими фигурантами. Так, М. в 2013 году оказывал юридические услуги предприятию «1». Директором предприятия «1» в этот момент являлся К. В 2014 году решением наблюдательного совета предприятия К. был отстранен от исполнения обязанностей директора. Однако, в 2015 году К. используя поддельные документы произвел незаконную перерегистрацию предприятия «1» в предприятие «2», присвоив при этом имущество предприятия «1». В 2019 году предприятие «1» обратилось в суд с иском о признании недействительной

перерегистрации предприятия. Представитель предприятия «2» М. предоставил суду подложные доказательства. Соответственно, в данной ситуации говорить о неосведомленности М. о подложности предоставляемых им суду документов в качестве доказательств сложно, поскольку ранее М. оказывал юридические услуги предприятию «1» и знал, что К. отстранен от должности директора и выступать от имени предприятия для его перерегистрации полномочий не имеет [8].

Такие сведения следователь может получить в ходе проведения следующих проверочных мероприятий:

- опрос лица, представившего суду подложное доказательство;
- опрос иных лиц, участвующих в гражданском / арбитражном деле;
- изучение данных об иных исках, которые рассматривались в судах при участии юридических и физических лиц, являющихся участниками данного гражданского / арбитражного дела (сервис «Мой арбитр», сайт суда);

- изучение сведений об учредителях и представителях юридических лиц – участников по гражданскому / арбитражному делу (сайт ФНС России).

3. Подложный документ, представленный суду, не является доказательством.

Решая вопрос о возбуждении уголовного дела, следователю надлежит среди прочего определить, является ли конкретный документ доказательством по делу. После чего, можно будет сделать вывод о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ.

В соответствии со ст. 64 АПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

В качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы (ч. 2 ст. 64 АПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 75 АПК РФ письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, договоры, акты, справки, деловая корреспонденция, иные документы, выполненные в форме цифровой, графической записи или иным способом, позволяющим установить достоверность документа.

Ст. 55 ГПК РФ определяет, что доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Таким образом, в ст.ст. 55 ГПК РФ и 64 АПК РФ законодатель приводит неисчерпывающий перечень доказательств, указывая на иные документы и материалы. В

этой связи и возникают проблемы, поскольку правоприменитель вольно трактует положения закона, часто проводя аналогию между процессуальной формой доказательств по уголовному делу и по гражданскому / арбитражному делу, что нельзя признать допустимым.

Проанализировав гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ, можно выделить следующие признаки доказательства в гражданском / арбитражном судопроизводстве:

1. Представляют собой сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле.

2. Представляют собой сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела.

3. Получены в соответствии с порядком, предусмотренным ГПК РФ / АПК РФ.

Рассмотрим следующую ситуацию. К. и М., выступая представителями ответчика ООО «1», в целях введения суд в заблуждения, вынесения судебного решения в свою пользу и неправомерного завладения имуществом – домом отдыха, принадлежащим ООО «2», вопреки единственной позиции истцов ООО «2», заявили о полном отказе от иска от имени ООО «2», и предъявили следующие подложные документы в качестве доказательств по гражданскому делу, достоверно зная о подложности данных документов:

- доверенность на представление интересов ООО «2» К., удостоверенная нотариусом;
- заявление генерального директора ООО «2» об отказе от иска по делу;
- ходатайство генерального директора ООО «2» об отказе от иска по делу;
- договор между К. и ООО «2» на оказание юридических услуг;
- доверенность на имя К. за подписью Генерального директора ООО «2» [9].

Несмотря на тот факт, что все представленные документы являются подложными и были приобщены к материалам гражданского дела, доказательствами могут быть признаны только заявление и ходатайство генерального директора ООО «2» об отказе от поддержания иска. Данные документы:

- содержат сведения полностью противоречат исковым требованиям, заявленным ООО «2» а также позволяют ложно судить об обстоятельствах, обосновывающих возражения ООО «1» по заявленному к ним иску;
- содержит сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела;
- представляют собой письменные пояснения свидетеля по существу обстоятельств, рассматриваемых судом в рамках гражданского дела.

В то время как остальные документы не отвечают обозначенным признакам доказательств и являются лишь подтверждением полномочий представителя. Факт подделки таких документов должен рассматриваться в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Соответственно следователь Следственного комитета РФ должен направить материалы в органы внутренних дел для проведения доследственной проверки (ст.ст. 145, 150 -151 УПК РФ).

4. Подложный документ, предоставленный суду не был приобщен к материалам дела в качестве доказательства.

Среди рассмотренных выше признаков доказательств по гражданскому/ арбитражному делу был

назван следующий: «получены в соответствии с порядком, предусмотренным ГПК РФ / АПК РФ». Ст.ст. 57 ГПК РФ, 66 АПК РФ определен порядок приобщения доказательств к материалам гражданского / арбитражного дела. Факт приобщения документа в качестве доказательства по делу отражается в протоколе судебного заседания, с которым следователем может ознакомиться в ходе проведения проверки в материалах дела, в материалах электронного дела на сервисе «Мой арбитр», на сайте суда.

5. Подложные документы, предоставленные суду, были исключены судом из числа доказательств.

Данный аргумент является достаточно распространенным при формировании вывода об отсутствии в деянии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ. Однако, такое мнение совершенно безосновательно. Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, формальный и является окончательным с момента представления фальсифицированных документов суду и приобщения в качестве доказательств к материалам дела.

Подтверждением сказанному, служат также правовая позиция Верховного суда РФ и сложившаяся судебная практика применения ст. 303 УК РФ в целом.

В своем постановлении от 25 октября 2013 г. по делу №22-1796/2013 Воронежский областной суд указал, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ «признается окончательным с момента предъявления надлежащим специальным субъектом соответствующего предмета как доказательства для приобщения к материалам дела. Признание или непризнание впоследствии этого доказательства недопустимым не влияет на квалификацию содеянного как окончательного преступления» [7].

В Кассационном определении от 10.08.2010 года по делу № 66 – О10- 115 Верховный суд РФ указал, что «общественно-опасные последствия и мотив совершения преступления элементами состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, не являются» [4].

В Кассационном определении от 15.09.2010 года по делу № 46-О10-80 Верховный суд РФ указал, что «в соответствии с ч. 2 ст. 303 УК РФ преступление признается окончательным с момента предъявления надлежащим специальным субъектом доказательства как доказательства для приобщения к материалам дела. Признание или непризнание впоследствии этого доказательства допустимым или недопустимым не влияет на квалификации содеянного как окончательного преступления» [5].

Ч. 1 и ч. 2 ст. 303 УК РФ по своей конструкции являются идентичными. В этой связи изложенное в полной мере может быть применено и для оценки содеянного при квалификации по ч. 1 ст. 303 УК РФ.

Согласно Апелляционного постановления Владимирского областного суда от 2 марта 2017 г. по делу № 22-450/2017 «преступление, квалифицированное по ч. 1 ст. 303 УК РФ, считается окончательным с момента представления суду фальсифицированных доказательств и приобщения их к материалам гражданского дела и не зависит от принятого судом решения по делу» [6].

В качестве иллюстрации проанализируем следующий пример из практики. Представитель ООО «1» представил суду подложные документы, которые были приобщены к материалам дела. Спустя 5 месяцев представитель ООО «2» заявил суду ходатайство о проведении почерковедческой экспертизы на предмет принадлежности подписей в данных документах. В ответ

представитель ООО «1» просил суд исключить из числа доказательств по делу указанные документы. Суд, посещавшись на месте, определил исключить из числа доказательств указанные документы.

Таким образом, факт исключения указанных документов из числа доказательств после заявления ходатайства представителем ООО «2» о фальсификации доказательств, на квалификацию деяния не влияет. Согласие представителя ООО «1» на исключение данных документов из числа доказательств не может рассматриваться как добровольный отказ от совершения преступления, поскольку состав преступления окончен с момента передачи фальсифицированных документов в качестве доказательств суду [8].

В рамках настоящей статьи были проанализированы лишь некоторые наиболее распространенные проблемы, возникающие при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 303 УК РФ.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что слабая практика привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в гражданском / арбитражном судопроизводстве и безнаказанность ведут к регулярным нарушениям закона в данной сфере.

При этом трудности возбуждения дел данной категории обусловлены: 1) в первую очередь, несовершенством редакции ч. 1 ст. 303 УК РФ; 2) недостаточным знанием следователями норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, а также особенностей организации работы гражданских и арбитражных судов; 3) недостаточным знанием следователями особенностей методики расследования преступлений данной категории, хотя на монографическом уровне разработаны такие рекомендации [3]; 4) существенной нагрузкой на следователей Следственного комитета РФ по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений, что не позволяет уделять много внимания на проведение доследственной проверки и расследование преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 303 УК РФ, относящихся к категории преступлений небольшой тяжести.

Литература:

1. Ануфриева Е.А., Ладешкин А.С. Предмет преступного посягательства по делам о преступлениях, связанных с формированием доказательств в гражданском и арбитражном процессе // Сборник материалов криминалистических чтений. 2017. № 14. С. 9-10.
2. Ануфриева Е.А., Ладешкин А.С. К вопросу о допустимости использования знаний криминалистики в сфере гражданского, арбитражного и административного судопроизводства // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 109-115.
3. Ладешкин А.С. Особенности криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве: автореф-т дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 25 с.
4. Кассационное определение Верховного суда РФ от 10.08.2010 года по делу № 66 – О10- 115.
5. Кассационное определение Верховного суда РФ от 15.09.2010 года по делу № 46-О10-80.
6. Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 2 марта 2017 г. по делу № 22-450/2017.
7. Постановление Воронежского областного суда от 25 октября 2013 г. по делу №22-1796/2013.
8. Материал доследственной проверки, находящийся в производстве СО по Железнодорожному району г. Симферополя ГСУ Следственного комитета РФ по Республике Крым и г. Севастополю.
9. Уголовное дело, находящееся в производстве СО по Железнодорожному району г. Симферополя ГСУ Следственного комитета РФ по Республике Крым и г. Севастополю.

ПОНЯТИЕ РИСКА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ

УДК 343.1

Аннотация: Статья посвящена понятию и сущности риска, с которым сталкивается защитник в ходе осуществления защиты подозреваемых, обвиняемых в ходе производства по уголовному делу.

Ключевые слова: риск, защитник, уголовное судопроизводство, тактика защиты

Annotation: The article is devoted to the concept and essence of the risk faced by the defender in the course of the defense of suspects accused in the course of criminal proceedings.

Keywords: risk, defense-lawyer, criminal proceedings, defense tactics

В рамках осуществления защиты по конкретным уголовным делам, защитник системно сталкивается с насущной необходимостью принятия рискованных решений процессуально-тактического плана. Причем их принятие и, как следствие, реализация (либо напротив отказ от реализации) оказывали существенное влияние на достижение защитных целей.

В теории игр выделяются два классических случая:

1) собственно условия риска: когда возможно узнать или хотя бы оценить вероятность наступления тех или иных событий, в связи с чем можно планировать некоторую «среднюю выгоду»;

2) условия неопределенности: информация о вероятности наступления событий отсутствует или неизвестна лицу, принимающему решение; приходится строить предположения об оптимальности ходов

соперника и стремиться обеспечить себе некоторую «максимальную

гарантированную выгоду» (стратегия максимина).

Из этих исходных наиболее распространенными являются попытки определить риск как:

1) ситуацию (условия) принятия решения, последствия которого могут быть отрицательны по отношению к позиции защиты;

2) психологический компонент решения о выполнении действий в условиях вероятности наступления неблагоприятных последствий;

3) характеристику деятельности, подразумевающую неопределенность ее исхода и возможность неблагоприятных последствий в случае неуспеха.

Исходя из этого, по нашему мнению, определить понятие риска возникающего при осуществлении профессиональной защиты от уголовного преследования возможно лишь путем анализа причин и оснований его возникновения, общих условий и конкретных ситуаций его существования и путей преодоления либо оптимальной минимизации.

1. Первый вывод, к которому приводит вышеизложенный краткий анализ, заключается в том, что риск есть неизбежный элемент защитной деятельности. Избежать необходимости принятия рискованных решений при осуществлении профессиональной защиты невозможно. Учитывая, что профессиональная защитная деятельность (суть которой заключается в системе целенаправленных действий адвоката-защитника по собиранию, исследованию, предоставлению и

использованию доказательственной информации, направленной на оправдание подзащитного или смягчение его ответственности, полноценной реализации его прав и соблюдении интересов) практически всегда осуществляется в условиях потенциального или реального, непосредственного или опосредованного противодействия со стороны лиц и организаций, противостоящих защитнику при реализации им своей профессиональной функции, можно сделать следующий вывод:

2. Риск тем выше, чем острее конфликтность интересов процессуальных противников.

Поскольку средством оптимизаций путей достижения процессуальных целей в условиях противодействия служит тактика, то именно при принятии тактически значимых решений и реализации защитой конкретных тактических приемов ситуация риска наиболее типична и наиболее опасна, ибо может стать причиной отрицательных последствий. Однако степень риска возникновения вышеуказанных последствий не одинакова;

3. Как деятельностный фактор она поддается оценке, а следовательно, и корректировке. Основная задача защитника заключается в том, чтобы «избрать стратегию наименьшего тактического риска, предвидеть возможные отрицательные последствия своего решения и заранее продумать меры по ликвидации или ослаблению этих последствий, минимизировать риск».

Объективно на эффективность любых прогностических действий влияют три важнейших фактора:

1. процессуальная оснащенность;

2. информационная обеспеченность;

3. субъективные особенности лица принимающего решение в условиях неочевидности его последствий (знания, опыт, интуиция, способности к прогнозированию и т.п.).

Относительно первого из названных факторов необходимо сказать, что ни ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни уголовно-процессуальное законодательство формально не ограничивают круг прав адвоката-защитника при осуществлении им профессиональной деятельности, ставя их в зависимость исключительно от целей деятельности и законности путей их достижения. Однако если следственная и судебная деятельность соответствующих профессиональных участников стороны обвинения либо суда достаточно строго формализована, что позволяет им в определенной степени избежать неоправданного риска, то практически полное отсутствие подобной регламентации защитной деятельности достаточно часто ставит адвоката перед необходимостью решать достаточно рискованные задачи при выборе формы реагирования.

Особенно остро с данной проблемой защитник сталкивается в процессе реализации положений ч. 3 ст. 86 УПК РФ, посвященных собиранию им доказательств. Очевидное отсутствие реального механизма реализации указанных прав (за исключением возможности направления соответствующих запросов и получения заключений специалистов) и отсутствие механизма объективизации и самостоятельного процессуального закрепления полученных результатов позволяет в очередной раз с сожалением обозначить декларативность законодательного принципа состязательности нашего уголовного процесса и невозможность отнесения защитника к полноправным субъектам собирания доказательств. В этой связи необходимо отметить: точная, детальная и

всеобъемлющая процессуальная регламентация профессиональной деятельности защитника (то, что мы условно обозначили процессуальной оснащенностью) существенно снижает степень риска.

В отношении второго фактора необходимо отметить, что недостаточная и неполная информационная обеспеченность, сомнения в достоверности информации, находящейся в распоряжении защитника, а также в объеме информации (в особенности доказательной), находящейся в распоряжении процессуального оппонента, совершенно очевидно влияет на степень риска при принятии решения. Поэтому, по нашему мнению, первая задача защитника, принявшего поручение по уголовному делу, – путем использования всех процессуальных и непроцессуальных (но, безусловно, законных) средств собрать и оценить всю возможную доказательственную и иную информацию, имеющую значение для формирования правовой позиции по делу, стратегии и тактики предстоящей и осуществляемой защиты.

В этих целях возможны и целесообразны не только беседы с подзащитным и доверителем, не являющимися подзащитными, и ознакомления с материалами дела в рамках прав, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, но и беседы с процессуальными оппонентами (следователем, оперативными работниками и др.). Причем, оценивая полученную из этих источников информацию, нельзя не учитывать и возможную недобросовестность подзащитного либо его искреннее заблуждение, и возможную неискренность, а порой, напротив, искреннее желание со стороны процессуальных оппонентов ввести защитника в заблуждение. Обязательным является и использование всего наличного, пусть и справедливо критикуемого, арсенала возможностей, предусмотренных ч. 3 ст. 86 УПК РФ. На практике иногда оказывается целесообразным (несмотря на парадоксальность) даже бесперспективное в результативном плане обжалование решений следователя (дознателя), прокурора либо руководителя следственного органа, так как при судебной проверке их законности в порядке ст. 125 УПК РФ не исключена (а порой высока) вероятность получения доступа к ранее недоступной (либо непроверенной) информации.

Обращаясь к третьему – субъективному – фактору эффективности прогностических действий, отметим: безусловно, каждый участник уголовного судопроизводства обладает различными возможностями и способностями к прогнозированию, т.е. предвидению возможных последствий планируемых и (или) совершаемых действий (в зависимости от личных способностей, знаний, опыта и т.д.), поэтому, принимая решение в условиях риска, защитник должен исходить из реальной самооценки, «оценки его собственных возможностей и определения оптимальных путей использования своих резервов». Вот почему одной из основных задач каждого адвоката является постоянное и разностороннее повышение своего профессионального уровня. Чем выше прогностические способности защитника – тем меньше риск принятия решения либо совершения действия, влекущего отрицательные для позиции защиты последствия; Чем реальнее оценка собственных прогностических возможностей, тем меньше риск принятия такого решения.

К факторам, влекущим необходимость принятия рискованного

решения, необходимо, по нашему мнению, отнести следующие:

– «Штатный цейтнот» – регулярная необходимость принятия решения в режиме ограниченного времени. Это могут быть процессуальные сроки, связанные с обжалованием тех или иных решений следователя, прокурора, суда; процессуальные сроки, с которыми законодатель связывает явку для участия в процессуальных или следственных действиях; моменты заявления определенных ходатайств – о вызове и допросе свидетелей, подтверждающих алиби, заявление отводов и др., – поскольку их своевременное не заявление лишает возможности совершить данные действия в дальнейшем. Порой дефицит времени не позволяет восполнить информационную неопределенность и в достаточной мере оценить и проанализировать имеющуюся информацию на предмет ее объективности и полноты, что также влияет на степень риска.

– Достаточно жесткая связанность действий защитника позицией подзащитного. Несмотря на свою процессуальную самостоятельность, в том числе в выборе тактики защиты, адвокат объективно связан позицией и волеизъявлением подзащитного, в том числе и в вопросах, принятия решений и совершения действий, сопряженных с потенциальным риском наступления неблагоприятных последствий.

Подзащитный может настаивать на проведении определенных следственных и процессуальных действий, о чем самостоятельно заявлять соответствующие ходатайства и настаивать на участии в них защитника, может настаивать на истребовании и приобщении каких-либо материалов и т.д. И каким бы рискованным не казался защитнику предлагаемый шаг, в случае, если ему не удастся разубедить своего подзащитного в нецелесообразности его совершения, и последний, несмотря ни на что, будет настаивать на своем, защитник, по нашему мнению, обязан, несмотря на риск совершить либо принять участие в соответствующем действии. В этой ситуации его основной задачей будет минимизировать возможные неблагоприятные последствия.

Вышеприведенный анализ факторов риска возникающих при принятии решений и совершении действий в рамках осуществления профессиональной защиты по уголовным делам не претендует на абсолютный характер, но, как нам представляется, является достаточным, чтобы предложить следующее определение:

Риск, возникающий при осуществлении профессиональной защиты от уголовного преследования, есть неизбежный (закономерный), поддающийся прогнозированию, количественной и качественной оценке, системообразующий фактор, характеризующий как защитную деятельность в целом, так и ситуативную деятельность защитника по принятию решений и совершению действий в условиях неопределенности и потенциальной возможности наступления негативных для защиты последствий, наличие и степень которого находится в зависимости от конкретной защитной ситуации (в том числе от отношения к ней подзащитного), уровня конфликтности интересов процессуальных противников, информационной обеспеченности, процессуальной оснащенности и субъективных прогностических особенностей принимающего решения лица.

ВНОВЬ О ПРИГЛАШЕНИИ СПЕЦИАЛИСТА

УДК 343.1

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с участием к уголовному делу специалиста, приглашённого защитой. Несмотря на ряд недавних поправок к УПК, формально расширяющих возможности защиты, реальных препятствий по-прежнему слишком много¹.

Ключевые слова: приглашение специалиста, уголовное дело.

Abstract. The article discusses some problems associated with the participation in the criminal case of a specialist invited by the defense. Despite a number of recent amendments to the Code of Criminal Procedure, formally expanding the possibilities of the defense, there are still too many real obstacles.

Keywords: invitation of a specialist, criminal case.

Ряд поправок, внесённых в последние годы в уголовно-процессуальное законодательство, вновь оживили интерес к проблемам участия в уголовном процессе специалиста, приглашаемого стороной защиты, наделяемой свободой привлечь именно того специалиста, которого считает нужным, и задать ему именно те вопросы, которые сочтут уместными.

Как верно отмечает С.А. Касаткина [1], в настоящее время в УПК РФ "механизм реализации стороной защиты права привлечь специалиста отсутствует, внесённые в закон изменения² можно охарактеризовать как усиление "пассивных гарантий", которыми невозможно воспользоваться напрямую, а можно лишь надеяться и уповать на "добрую волю" и согласие должностного лица, выступающего процессуальным противником, на надлежащее выполнение возложенных на него обязанностей". Сходной позиции придерживается и В.А. Лазарева, полагающая право защитника привлечь специалиста не более чем декларацией, т.к. в соответствующих нормах о процедуре взаимодействия защитника и специалиста ничего не говорится [2, с. 300]. Фактически защитнику дано лишь право на заявление следователю, суду соответствующего ходатайства.

Однако ст. 58 УПК не даёт ответа на основной практический вопрос: кто определяет, является ли данное лицо специалистом или нет? Часть 2 данной статьи явно ссылается на случаи, когда специалист вызывается судом или стороной обвинения; однако статьёй 53 защитник тоже явно наделён правом привлечь специалиста – того, кого *он* считает специалистом. На практике, однако, участие такого специалиста может быть заблокировано следствием и судом, не признающими за ним статуса специалиста (подробнее см.: [3, с. 332–336]).

Шагом в правильном направлении следует признать ФЗ-73, дополнивший ст. 58 УПК новой частью 2¹, согласно которой стороне защиты *не может быть отказано в привлечении специалиста* за исключением случаев, предусмотренных ст. 71 УПК. Но этот шаг недостаточен – обратим внимание на то, что решение об отводе специалиста отдаётся на усмотрение следователя, выступающего на стороне обвинения.

Можно возразить, что постановление об отводе, вынесенное следователем, защитник может обжаловать и даже добиться его отмены; но к этому времени следственное действие уже произведено без отведённого специалиста и вряд ли его результаты будут признаны недопустимыми доказательствами.

Проанализировав этот круг проблем, мы приходим к выводу, что часть 1 ст. 71 УПК, фактически разрешающая следователю самостоятельно решить вопрос об отводе специалиста, приглашённого защитой, нарушает принцип состязательности сторон – отвод такого специалиста по ходатайству стороны обвинения может быть разрешён только судом. Для реализации этой идеи ранее уже предлагалась новая редакция ст. 71, п. 2 части 1 которой имел вид [4, § 4.3]:

Статья 71. Отвод специалиста

1. В ходе досудебного производства по уголовному делу:

<...>

2) отвод специалиста, приглашённого подозреваемым, обвиняемым, их защитниками и законными представителями, а также потерпевшим, гражданским истцом или ответчиком, их законными представителями и представителями, может быть по ходатайству любой стороны разрешён судом в порядке статьи 125 настоящего Кодекса.

<...>

Для совершенствования института привлечения специалиста (как носителя специальных знаний) в уголовном процессе необходимы и иные коррективы и дополнения некоторых положений законодательства:

дополнить наконец ст. 307 УК РФ указанием на уголовную ответственность специалиста за дачу заведомо ложного заключения (тем более что ответственность за дачу заведомо ложных показаний уже предусмотрена) – соответствующее предупреждение специалисту может быть объявлено при его допросе;

закрепить обязанность следователя в любом случае приобщить к делу заключение специалиста, представленное защитой (допрос такого специалиста следователь (дознатель) производит по своему усмотрению);

формулировка части 4 ст. 271 УПК нуждается в коррективах, поскольку текущая её редакция открывает суду формальную возможность отказать в допуске и допросе специалиста, коль скоро он вызван лишь одной из сторон;

целесообразно явно указать в ст. 58 УПК на возможность привлечения специалиста для проверки и оценки заключения эксперта.

С учётом новой части 2¹, введённой ФЗ-73, ст. 58 УПК может быть уточнена и дополнена следующим образом [4, § 3.13]:

Статья 58. Специалист

1. Специалист – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое судом или любой стороной:

1) для участия в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом;

2) для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов; в собирании

¹ В расширенном виде статья публикуется в журнале "Публичное и частное право", 2020, № 1.

² Имеются в виду недавние поправки, внесённые Законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ (далее везде: ФЗ-73).

доказательств в порядке части третьей статьи 86 настоящего Кодекса, их проверке и оценке;

3) для исследования материалов уголовного дела с применением технических средств;

4) для постановки вопросов эксперту, проверки и оценки заключения эксперта;

5) для разъяснения сторонам и суду иных вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

<...>

2¹. Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. При установлении оснований, предусмотренных статьёй 71 настоящего Кодекса, специалист подлежит отводу, а данные им до того заключения и показания признаются недопустимыми доказательствами в порядке статьи 75 настоящего Кодекса. Факт оплаты услуг специалиста одной из сторон сам по себе не является доказательством заинтересованности специалиста в исходе уголовного дела.

<...>

В целях регламентации привлечения специалиста к участию в назначении судебной экспертизы и оценке её результатов нами ранее было предложено дополнить УПК РФ двумя новыми статьями: ст. 206¹ "Особенности проверки и оценки заключения эксперта" и ст. 206² "Участие специалиста в производстве экспертизы и проведении исследований", подчёркивающей обязательность приобщения к делу заключения специалиста [5, § 11.11]:

Статья 206². Участие специалиста в производстве экспертизы и проведении исследований

<...>

3. Участники со стороны защиты <...> вправе пригласить специалиста для оказания помощи по вопросам, указанным в частях первой и второй настоящей статьи.

4. Заключение, представленное специалистом, приглашённым в порядке части третьей настоящей статьи, удовлетворяющее требованиям части третьей статьи 80 настоящего Кодекса, признаётся доказательством и подлежит приобщению к уголовному делу. В случае если приглашённый специалист, давший заключение, явился в судебное заседание по инициативе стороны, ходатайство о его допросе подлежит удовлетворению в порядке части четвёртой статьи 271 настоящего Кодекса.

Частично эта статья дублирует новую часть 2² ст. 159 УПК, также введённую Ф3-73, что нам представляется уместным. Однако и часть 2² ст. 159 вновь "наступает на те же грабли": что имеет значение для уголовного дела, решает следователь, а защите, не согласной с его решением, остается рассчитывать на представление данных документов непосредственно в судебное заседание [1].

Весьма показателен текст постановления об отказе в удовлетворении ходатайства защиты, приводимый известным адвокатом Р.П. Коблевым.

"20.11.16 от адвоката Г., осуществляющего защиту обвиняемого Б. по уголовному делу №..., поступило ходатайство о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК в связи с отсутствием в деянии Б. состава преступления. Изучив данное ходатайство, орган предварительного следствия приходит к выводу, что данное ходатайство подлежит отказу в удовлетворении".

Между тем в ходатайстве адвокат ссылался на заключение эксперта, выводы которого опровергал специалист со стороны защиты, в допросе которого следователь отказал, – анализируя подобные процессуальные решения по уголовным делам, Р.П. Коблев заключает, что "качество законодательства не имеет значения, если правоприменитель игнорирует его предписания" [6].

Еще одним подводным камнем, препятствовавшим участию приглашённого специалиста, была ст. 161 УПК, используя которую следователь имел возможность запретить защитнику разглашение ставших ему известными результатов произведённой судебной экспертизы и тем самым исключить возможность обращения к специалисту.

На наш взгляд, ст. 161 УПК страдала совершенно неизлечимыми недостатками, поэтому в [5, § 9.6] была предложена совершенно новая её редакция; однако законодатель пошёл по иному пути – Ф3-73 переформулировал всю ст. 161 целиком, и в части 6 её появился весьма примечательный п. 2:

6. Не является разглашением данных предварительного расследования:

<...>

2) *предоставление сведений по уголовному делу лицу, привлекаемому к участию в этом деле в качестве специалиста, при условии дачи им письменного обязательства о неразглашении указанных сведений без согласия следователя, дознавателя.*

Однако и здесь у следователя остаётся немало возможностей помешать участию специалиста. Действительно, каким образом будет оформлена эта пресловутая дача письменного обязательства? Кому его надо дать? Очевидно, сам защитник не уполномочен принимать от специалиста такое обязательство. Значит, его надо дать следователю; но это означает, что защитник должен заранее "раскрыть карты" – сообщить следователю о том, что он хочет привлечь специалиста, причём указать, какого конкретно и с какой целью, и заявить следователю письменное ходатайство об отобрании у конкретного специалиста обязательства о неразглашении данных предварительного расследования. Далее, чтобы специалист дал такое обязательство, его надо вызвать, но вызов специалиста для подобной цели Кодекс не предусматривает вовсе. Ещё далее, что делать, если следователь не торопится с вызовом (или вообще саботирует его, ссылаясь именно на то, что такого в Кодексе нет)? Наконец, специалист обязан *дать* подписку, но обязанность *принять* её у следователя отсутствует.

Идея зафиксировать пресловутую подписку иным путём, например нотариально, не выглядит перспективной. Единственным выходом остаётся, предупреждая адвоката-защитника о неразглашении тайны следствия, подчеркнуть, что он вправе воспользоваться услугами специалиста, но должен в свою очередь предупредить и его о неразглашении и нести ответственность по ст. 310 УК наравне с ним. Конечно, такая оговорка заметно утяжеляет часть 6 ст. 161 УПК, но без неё ситуация всё ещё остаётся плачевной.

Обратим внимание и на ряд проблем, связанных с участием приглашённого специалиста в судебном заседании.

Одна из проблем, с которой сталкивается приглашённый (защитой) специалист, пришедший в суд в порядке части 4 ст. 271 УПК, состоит в том, что его статус и компетенция нуждаются в подтверждении, причём форма и

порядок этого подтверждения практически никак не регламентированы. Действующая редакция УПК РФ не презюмирует явно, что специалист (в отличие от эксперта) приглашается стороной и считается компетентным *a priori*, пока обратное не доказано (или хотя бы не поставлено под серьёзное сомнение), так что любые формальные доказательства его компетентности: дипломы, аттестаты, сертификаты, свидетельства и т.п. – могут быть объявлены судом недостаточными. С подобным судебским произволом нам уже приходилось сталкиваться.

С другой стороны, коль скоро специалист, приглашённый стороной, в суд явился и у суда нет оснований сомневаться в его компетентности, та же часть 4 ст. 271 требует его допросить в обязательном порядке. Тем самым в определённой степени ущемляется право другой стороны заявить этому специалисту отвод по каким-то иным основаниям и исключить его участие в процессе.

Серьёзные проблемы возникли в последнее время и в связи с неожиданной, извращённой трактовкой той же нормы. Согласно части 4 ст. 271, *суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон*. В соответствии с принципом состязательности, представляется совершенно очевидным, что оборот "*по инициативе сторон*" следует понимать только в смысле "*по инициативе одной из сторон*". Однако нам уже известен ряд случаев, когда суд отказывал стороне защиты в допросе явившегося в суд специалиста на том основании, что сторона обвинения-де не поддерживает такого ходатайства.

Несколько прояснило ситуацию Постановление Пленума ВС РФ № 28 от 21.12.2010 "О судебной экспертизе по уголовным делам", часть 22 которого уточнила, что речь идёт именно об *инициативе любой стороны*, и обязала суд *проверять, обладает ли данное лицо специальными знаниями в вопросах, являющихся предметом судебного разбирательства*. Осталось непонятным, впрочем, как суд это может сделать, коль скоро сам он такими знаниями заведомо не обладает. Заметим, что по смыслу того же Постановления сам факт приглашения специалиста стороной вовсе не означает, что он должен считаться заинтересованным, однако случаи отказа суда допустить такого специалиста именно из априорного предположения о его заинтересованности, увы, нередки [7].

В той же части 4 ст. 271 есть ещё один малозаметный подвох. Закон обязывает суд допросить специалиста, но вовсе не уточняет, что это должно быть сделано *в том же заседании!* Таким образом, у судьи открывается заманчивая возможность просто затянуть с нежелательным для него допросом, отложив его фактически на неопределённое время, – а там, глядишь, специалисту ждать и надоеет. И с этим изощрённым приёмом мы уже тоже встречались.

Резюмируя всё вышеизложенное, предложим новую редакцию частей 1 и 4 ст. 271 УПК и дополним эту статью новой частью 5 [5, § 11.12]:

Статья 271. Заявление и разрешение ходатайств

1. Председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове или допуске в судебное заседание новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или об исключении доказательств, полученных с нарушением требований настоящего Кодекса. Лицо, заявившее ходатайство, должно его обосновать.

<...>

4. Суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе любой из сторон. Если такое ходатайство подано в начале очередного судебного заседания, допрос этого лица производится в том же заседании.

5. Заявление ходатайства о допросе специалиста, явившегося в суд по инициативе одной из сторон, не препятствует заявлению отвода этому специалисту. В случае заявления ему отвода суд разрешает этот отвод до начала допроса специалиста.

Литература:

1. Касаткина С.А. К вопросу о привлечении специалиста защитником на досудебной стадии (в свете изменений, внесённых Федеральным законом № 73-ФЗ от 17.04.2017) // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2017. Том 3. Вып. 4. С. 113–120.
2. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование. 2009.
3. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007.
4. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить *нельзя* поправить. Том 1: Общая часть. М.: Юрайт, 2017.
5. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить *нельзя* поправить? Том 2. Досудебное производство. М.: Юрайт, 2017.
6. Коблев Р.П. Заключение специалиста как доказательство защиты: сложности для адвокатов // Уголовный процесс. 2017. № 6. С. 44–49.
7. Бодров Н.Ф. Проблемы оценки сведений, сообщённых экспертом в ходе допроса // Матер. V Межд. научно-практ. конф. "Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях". М.: Проспект, 2015. С. 71–75.

Ватутина Оксана Юрьевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СПЕЦИАЛИСТА И ЕГО ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

УДК 343.131

Аннотация: В настоящей статье автор исследует специфику правовой регламентации процессуального статуса специалиста, в уголовном процессе России. Выявляет правовую неопределённость процессуального статуса специалиста. Дает анализ составляющим процессуального статуса специалиста, как лица, обладающего специальными знаниями. Автором формулируется тезис о необходимости нормативной регламентации процессуального статуса специалиста.

Ключевые слова: специалист, специальные знания, регламентация, процессуальный статус специалиста.

Annotation: In this article, the author examines the specifics of legal regulation of the procedural status of a specialist in the criminal process of Russia. Reveals the legal uncertainty of the procedural status of the specialist. Provides an analysis of the components of the procedural status of a specialist, as a person with special knowledge. The author formulates a thesis about the need for regulatory regulation of the procedural status of a specialist.

Key words: specialist, special knowledge, regulation, procedural status of the specialist.

Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства регламентирован положениями глав 5 - 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Содержание процессуального статуса участника, как правовая категория, имеет как доктринальное решение, так и определенную регламентацию в законодательстве, представляя собой совокупность реализуемых участником судопроизводства прав и обязанностей, а также процессуальные гарантии их реализации. Общие положения о процессуальном статусе, относятся в

равной мере ко всем, в том числе, иным участникам процесса, к которым в настоящее время, отнесен и специалист. Однако, для определения процессуального статуса специалиста, имеют существенное значение цели и задачи его вовлечения в процесс.

Итак, содержание процессуального статуса специалиста составляют его права, обязанности, процессуальные гарантии их реализации, ответственность, а также цели и задачи, определяющие участие специалиста в процессе. Совершенно очевидно, что использование в уголовном процессе специальных знаний является целью участия специалиста, в то время как к задачам, разрешаемым специалистом, можно отнести помощь в принятии обоснованных и законных процессуальных решений лицам, уполномоченным на принятие таких решений. При этом, разрешение задач специалиста по уголовному делу, не носит постоянного характера, например, М.С. Строгович отмечал, что иные участники процесса призываются к участию в производстве различных следственных и судебных действий и по выполнению своих обязанностей фактически выбывают из процесса [1, С. 204 - 205].

Исследуя правовую единицу процессуального статуса специалиста, можно выделить его содержательную сторону, то есть функции, связанные с особой ролью специалиста в уголовном процессе. УПК РФ в статье 15 упоминает три основные функции уголовного судопроизводства - обвинения, защиты и разрешения дела, в связи с чем, понятие процессуальной функции, толкуют в соотношении с направлениями уголовно-процессуальной деятельности, выделяя три основные функции - обвинения, защиты и разрешения дела, как основы состязательного процесса [2, С. 52]. Таким образом, выделение иных функций не представляется очевидным, но, поскольку, функция характеризуется не каким-либо одним действием, а определенной деятельностью, т. е. совокупностью действий и решений, объединенных целью, на достижение которой они направлены, и порождающие (воплощающие) правовые смыслы для всего уголовного судопроизводства. Это позволяет определить процессуальные функции, как вид, направления уголовно-процессуальной деятельности, различающиеся по особым, непосредственным целям, удовлетворяющим правовым интересам её субъектов и достигаемым в итоге производства по делу [3, С. 36, 39-40.]. Поэтому, в науке уголовного процесса, существует точка зрения, в соответствии с которой, специалист, как иной участник уголовного судопроизводства, осуществляет вспомогательную функцию или функцию содействия правосудию [4, С. 52], несмотря на то, что еще М.С. Строгович предлагал иных участников процесса вообще не считать таковыми на том основании, что они, якобы, не выполняют никакой процессуальной функции [1, С. 111]. Однако, сегодня можно с уверенностью сказать, что специалист осуществляет процессуальную функцию содействия правосудию, являясь участником процесса. Процессуальная функция специалиста позволяет сформировать его процессуальный статус и отграничить от процессуального статуса других участников.

К элементам процессуального статуса специалиста относятся принципы его участия в процессе, к каковым относятся компетентность и незаинтересованность специалиста в деле. При этом, в статье 58 УПК РФ «Специалист», границы его прав и обязанностей определены весьма размыто. Также, к дискуссионным можно

отнести вопросы незаинтересованности и независимости специалиста в деле: например, проблема независимости специалиста, приглашенного стороной защиты, не теряет своей актуальности. Предполагаемая заинтересованность специалиста, приводит к тому, что на зачастую на практике заключениям специалиста не придается доказательственного значения, поскольку, при их получении не разрешался вопрос ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения, не удостоверилась его компетентность.

Являясь составляющим элементом процессуального статуса, компетентность специалиста, процесс ее подтверждения и оценки является существенным, но не урегулированным. На практике вопрос выявления уровня компетентности лица, обладающего специальными знаниями, осуществляется посредством «внутреннего убеждения лица», ведущего расследование или разрешающего дело, поскольку, нормативно закрепленные критерии такого определения - отсутствуют.

Специалист, как участник процесса, безусловно, имеет права и обязанности, в частности, он не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя и в суд, а также разглашать данные предварительного расследования. На специалиста распространяется ответственность, аналогичная ответственности эксперта, иного лица, обладающего специальными знаниями, как то, привод и штраф, предусмотренный статьями 117, 118 УПК РФ, специалисту может быть заявлен отвод, в порядке ст. 70 УПК РФ. При этом, как было отмечено ранее, вопрос определения ответственности специалиста нельзя признать урегулированным в полном объеме.

К составляющим процессуального статуса специалиста, относится также его регламентация в действующем законодательстве, которая реализована в соответствующих нормах уголовно-процессуального кодекса, но и сегодня, многими учеными и практиками признается неудовлетворительной. Существенным недостатком правового регулирования института специалиста является отсутствие законодательно определенных порядка и формы получения доказательств, производимых специалистом (заключения и показаний специалиста) [5, С. 180], проблемы регулирования ответственности специалиста о чем уже было сказано в настоящей работе, отсутствие законодательного закрепления процедуры допроса специалиста и др.

Итак, в части нормативной регламентации процессуального статуса специалиста усматривается определенная пробельность, поскольку, его конкретизация не произведена до настоящего времени, что влечет за собой неоднозначную оценку фигуры специалиста, как самостоятельного участника уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. - Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. - М.: Издательство «Наука». 168. - 468 с.
2. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. Монография. - СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. Гос. Ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ. - 2007. - 407 с.
3. Танцеров М.В., Стойко Н.Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. - Красноярск. - 2003. - 100 с.
4. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. - М., - 1976. - 143 с.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. - 3-е изд. перераб. и доп./Л.Н. Башкатов [и др.]; отв. Ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. - Москва: Проспект. - 2011. - 688 с.

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 343.1

Аннотация. Рассматривая актуальные вопросы досудебного производства автором анализируются причины низкой эффективности ряда процессуальных институтов, включая стадию возбуждения уголовного дела; реализацию нормы-принципа о разумном сроке уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ); потребность разработки протокольной формы предварительного расследования; внесение в УПК РФ изменений, устанавливающих правила заключения под стражу по судебному решению обвиняемых, скрывшихся от органов предварительного расследования и объявленных в федеральный розыск.

Ключевые слова: прокурор, следователь, дознаватель, суд, предварительное расследование, процессуальные сроки, предъявление обвинения, заключение под стражу, протокольная форма расследования.

Annotation. Considering the current issues of pre-trial proceedings, the author analyzes the reasons of the low efficiency of certain procedural institutions, including the stage of initiation of criminal proceedings; the implementation of norm-the principle of reasonable term of criminal proceedings (article 6¹ of the CPC RF); the need for the development of the Protocol forms the preliminary investigation; the introduction of the code changes, establishing the rules of detention of the judgment of the accused, who escaped from the bodies of preliminary investigation and declared the Federal wanted list.

Keywords: prosecutor, investigator, inquirer, court, preliminary investigation, procedural terms, indictment, detention, Protocol form of investigation.

Проблемы низкой эффективности основных институтов современного досудебного производства автор рассматривает одновременно и с точки зрения представителя научного сообщества, и практикующего юриста-следователя¹. С учетом этого, определяющим в обеспечении прав и свобод участников уголовного судопроизводства в настоящее время является, по нашему мнению, необходимость разработки концепции предварительного расследования, принципиально отличающейся от его современной модели. При этом, в качестве первоочередной задачи необходимо указать на сложившуюся еще в рамках действия УПК РСФСР и перетекшую в УПК РФ заформализованность и забюрократизированность российского уголовно-процессуального законодательства, одной из последствий которых является низкая

эффективность досудебного производства. Как следствие, значительно (с 36 % в 1999 г. до 23 % в 2019 г.) сократилось количество направленных следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных за два последних десятилетия.

Одновременно к числу причин снижения эффективности судопроизводства относятся и значительное увеличение объема следственной работы по уголовным делам, сложность доказывания новых видов преступной деятельности и ряд других факторов, среди которых и значительные изменения, внесенные в УПК РФ за последние почти 18 лет его действия (более, чем 260-ю федеральными законами). При этом, часть законодательных новаций носила несистемный характер, однако большинство из них обуславливалось потребностями современной правоприменительной практики и одновременно влиянием на эти процессы компромиссных решений законодателя при принятии УПК РФ и отказ при его подготовке ко второму чтению от реформирования отдельных процессуальных институтов [4, с. 74-82], а также имевших место за эти годы контрреформ отдельных норм УПК РФ [2, с. 9-11; 5, с. 37-41].

Реформирование уголовного судопроизводства обусловлено также тем, что:

во-первых, многие из внесенных изменений – результат введения вновь или совершенствования ряда институтов действующего УПК РФ. В их числе:

- выведение Федеральным законом от 05.06.2007 №87-ФЗ² из состава органов прокуратуры следователей с последующим образованием Следственного комитета РФ; передача руководителю следственного органа полномочий по процессуальному руководству следователями и с сохранением за прокурором надзорной функции за их деятельностью; исключение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, как и его право принятия данного решения;
- введение в УПК РФ в качестве участника уголовного процесса начальника подразделения дознания³ и начальника органа дознания⁴;
- включение в УПК РФ института досудебного соглашения о сотрудничестве⁵;
- значительное расширение перечня следственных и иных процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении и возвращение в досудебное производство сокращенной формы дознания⁶;
- введение в УПК РФ нормы-принципа – ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» и ряд других нововведений, на принятии которых автор, как правоприменитель, настаивал ещё в конце 90-х гг. при подготовке УПК РФ ко второму чтению;

¹ До 2007 г. автор занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от

30.12.2015 № 440-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ст. 60.

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

⁶ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

во-вторых, нормы ряда процессуальных институтов УПК РФ содержат в себе немало положений УПК РСФСР 1922 и 1960 гг;

в-третьих, отдельные нормы УПК РФ принимались в условиях компромисса, к которым следует отнести ряд переходных положений¹, предусматривающих сохранение до 1 января 2004 г. санкционирование прокурором следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также продление срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражу с санкции прокурора². Последнее явилось основанием для принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 14.03.2002 №6-П³ о признании положений уголовно – процессуального закона, предусматривающих санкционирование прокурором заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу, во исполнение которого законодатель еще до вступления в действие УПК РФ Федеральным законом от 29.05.2002 №58-ФЗ⁴ внес в него изменения, предусматривающие ограничение прав и свобод участников уголовного процесса исключительно по судебному решению.

Одновременно представляется вряд ли возможным в современных условиях радикальные изменения уголовного судопроизводства, предусматривающие пересмотр форм предварительного расследования, что предлагают ряд ученых-процессуалистов [1, с. 304]. С учетом этого позиция автора закрепляется в более последовательной политике законодателя по пересмотру отдельных процессуальных институтов, учитывая при этом мнение научного сообщества и практикующих юристов.

По нашему мнению эти изменения должны быть направлены на:

- пересмотр положений ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке следствия, что не соответствует введенной в УПК РФ норме-принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 29.03.2016 № 11-П⁵ по уголовным делам не должен превышать 4 лет, а сама эта норма «пришла» из УПК РСФСР, 1922 г.;

- увеличение первоначального срока содержания обвиняемого под стражей (2 месяца), в который согласно ч.1 и ч.1¹ ст.221 УПК РФ входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток в редакции УПК РФ 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) ответственного решения (ч. 1 ст. 227 УПК РФ);

- на исключение из УПК РФ института предъявления обвинения, поскольку на протяжении ряда десятилетий предъявление обвинения служило основанием допуска защитника к участию в уголовном деле, однако сегодня участие адвоката-защитника предусмотрено уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении и более того закон нивелировал различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). Кроме того, в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания без «классического» предъявления обвинения. Не предусматривали его и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864г.;

на введение в УПК РФ протокольной формы, предусматривающей расследование уголовного дела в отношении конкретного лица в течение 48 часов при признании им факта совершения преступления и при условии, что не потребуются производство всего комплекса следственных действий. Данная форма расследования не должна содержать процедуру возбуждения уголовного дела;

на введение процессуальных правил о «заочном» избрании по судебному решению меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск Их число ежегодно достигает 100 тыс. в год. При задержании такого лица вне места производства предварительного расследования оно в течение 48 час. должно быть доставлено в суд по месту задержания, где в судебном заседании устанавливается личность задержанного и проверяется не отменено ли решение суда о заключении данного лица под стражу. При доставлении к месту расследования данное лицо доставляется в суд для решения вопроса об оставлении меры пресечения в виде заключения под стражу или её изменении.

В числе наиболее актуальных проблем, связанных с реформированием досудебного производства, автору видится:

- с одной стороны, обоснованность реформирования досудебного производства [5, с. 37-41; 6, с. 18-25; 7, с. 19-26] путем реализации Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ⁶, о чем, в частности, свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие автору сделать вывод о более высоком в условиях изменившегося закона:

¹ О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4924.

² О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.

³ По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 г. №6-П // Собрание законодательства РФ, 2002. №12. Ст. 1178.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от

29.05.2002 № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: [электронный ресурс] // режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

а) уровне процессуального контроля и прокурорского надзора за состоянием законности при расследовании уголовных дел:

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219
2018	405 – 1,2	158	591 – 5,5	271
2019	412 (-0,7%)	142	629 (+21,9)	303

б) и, одновременно, о повышении надзорной деятельности прокурора к качеству их расследования, что

обеспечило многократное сокращение количества дел возвращенных судом прокурору в порядке ст.237 УПК РФ:

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом прокурору в порядке ст. 237 УПК (судом для доследования)	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокурат. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2018	17791	5,6	3569	3,6	6468	4668 – 1,1%
2019	18543	6,3	3374	3,6	6466	4417 – 1,0%

с другой стороны, необходимость исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,45 млн.) на протяжении последних 10-ти лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн. количества «отказных» материалов при

фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях, о чем автором подробно изложено в ранее опубликованных материалах [3, с. 74-78].

	2006	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	11,7	11,8	12,2	11,6	10,3	9,8	9,9
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,78	1,73	1,89	1,85	1,78	1,65	1,7
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях (в %)	30,8	15,2	14,6	15,5	15,9	16,8	16,8	17,1
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,7	6,7	6,8	6,8	6,3	6,0	6,0

Исключение ст.ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда РФ¹ и Верховного Суда РФ [8, с. 20-22] судебной практикой о необходимости возбуждения самостоятельного уголовного дела при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого оно ранее было возбуждено, или при установлении нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено основное дело, что, по нашему мнению, противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении уголовного дела и ч. 1 ст. 448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении уголовного дела, если оно возбуждено в отношении другого лица.

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства поддерживаются в российском научном сообществе и среди практикующих юристов. Задача перед законодателем состоит в

формировании доктрины досудебного производства, отражающего произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов.

Литература:

1. Александров А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарий к ней. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 304 с.
2. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда Российской Федерации // Избранное. 2010. Юрайт. С. 9-11.
3. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74-78.
4. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика/ Б.Я. Гаврилов, В.П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74-82.
5. Гаврилов Б.Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. №1. 2018. С. 37-41.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80,

частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О // [электронный ресурс]: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

6. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1. – С. 18-25.

7. Гаврилов Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 2. – С. 19-26.

8. Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20-22.

Горский Вадим Вадимович

*Воронежский государственный университет
кандидат юридических наук
(Воронеж, Россия)*

ОБ УЧАСТИИ ПОТЕРПЕВШЕГО НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

УДК 343.9

Аннотация. В статье исследованы положения российского законодательства, наделившие потерпевшего правами на участие в данной стадии уголовного процесса. А также проанализирован опыт Великобритании, где потерпевший имеет достаточно широкие права на стадии рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении заключенного. Особое внимание уделено Законопроекту о заключенных (раскрытие информации о жертвах), поступившему на рассмотрение в парламент Великобритании в начале 2020 г.

Ключевые слова: потерпевший, адвокат-представитель, исполнение приговора, возмещение вреда, безопасность, уголовный процесс Великобритании.

Annotation. The article examines the provisions of Russian legislation that give the victim the rights to participate in this stage of the criminal process. It also analyzes the experience of the United Kingdom, where the victim has fairly broad rights at the stage of consideration of the issue of parole of a prisoner. Particular attention is paid to the Prisoners (Disclosure of Information About Victims) Bill, which was submitted to the British Parliament in early 2020.

Keywords: victim, lawyer-representative, execution of the sentence, indemnification, safeness, UK criminal process.

В 2013 г. законодатель наделил потерпевшего, в т.ч. и его представителя (адвоката) правами на участие в заключительной стадии уголовного судопроизводства – стадии исполнения приговора. Федеральным законом от 23.07.2013 № 221-ФЗ статья 399 УПК РФ дополнена частью 2.1, согласно которой потерпевший, его законный представитель, представитель вправе участвовать в судебном заседании при решении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со статьей 79 УК РФ, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со статьей 80 УК РФ, а также о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы, в порядке, установленном статьей 148 УИК РФ (в ред. Федерального закона от 30.03.2015 N 62-ФЗ). Появление в тексте УПК РФ данной нормы можно признать первым шагом в регламентации, формальной определенности процессуального статуса потерпевшего при исполнении приговора [8, с. 347].

Возможность участия потерпевшего в данном судебном заседании является еще одним подтверждением многогранного характера его деятельности в уголовном судопроизводстве, которая, как мы уже отмечали [2; 3; 4; 5], не может быть связана исключительно с

возмещением вреда, причиненного преступлением. Как верно замечает В.В. Иванов, потерпевший должен быть уверен в том, что справедливое и беспристрастное судебное разбирательство, завершившееся приговором, гарантирует ему в дальнейшем спокойную жизнь и безопасность. Под безопасностью в данном случае автор понимает не только меры физической защиты, предпринимаемые в ходе расследования уголовного дела и его рассмотрения судом. Безопасность — это и право потерпевшего на спокойную жизнь на протяжении всего периода исполнения наказания, назначенного осужденному в соответствии с приговором суда, в первую очередь, наказания в виде лишения свободы. Это гарантия того, что на протяжении времени, необходимого, по мнению суда, для исправления осужденного, тот не совершит повторных противоправных действий в отношении потерпевшего и его близких [6, с. 84]. Данное направление деятельности З.В. Макарова называет уголовно-процессуальной функцией охраны прав и законных интересов потерпевшего (чтобы не путать с уголовно-процессуальной функцией защиты). Поскольку, что главным для потерпевшего, по мнению автора, является восстановление его нарушенных прав, его безопасность, недопущение нарушений его прав, свобод, законных интересов в ходе уголовного судопроизводства, т. е. его в уголовном процессе следует оберегать, охранять. В содержание данной функции включается: выяснение обстоятельств, уличающих обвиняемого или отягчающих его ответственность (обвинение), выявление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего и реагирование на них в установленном законом порядке; выяснение обстоятельств, положительно характеризующих личность и поведение потерпевшего; выяснение и обоснование обстоятельств, подтверждающих причиненный потерпевшему вред и принятие мер к его возмещению или денежной компенсации [7, с. 25].

Обновленная редакция статьи 399 УПК РФ корреспондирует ряду международных актов, в частности Рекомендациям Комитета Министров Совета Европы от 14 июня 2006 года Rec (2006) 8 «Об оказании помощи потерпевшим от преступлений», согласно которым в целях защиты потерпевших, в отношении которых могут иметь место запугивание, оказание давления либо повторные случаи виктимизации, предупреждение которых должно стать обязательным элементом стратегии оказания помощи потерпевшим и предотвращения преступлений, необходимо принятие мер, гарантирующих их извещение об освобождении преследуемого или приговоренного лица; при этом потерпевший имеет право отказаться от получения такой информации, за исключением случаев, когда она сообщается в обязательном порядке в соответствии с условиями уголовного судопроизводства (пп. 10.2 - 10.5).

Однако некоторые ученые и правоприменители усомнились в целесообразности участия потерпевшего на данной стадии уголовного процесса, в связи с чем, часть 2.1 статьи 399 УПК РФ стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который отметил, что конституционно-правовой, а также процессуальный статус потерпевшего по уголовному делу предполагают его право довести до суда свою позицию по вопросу об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного по данному уголовному делу, которая, не предопределяя самого по себе решения по существу вопроса, позволит учесть в рамках судебной процедуры

конституционно оправданные интересы потерпевшего, связанные с обеспечением его личной безопасности, защитой его семьи и близких от угроз со стороны лица, совершившего преступление (выделено нами – В. Г.), либо с получением реального возмещения причиненного этим преступлением вреда [1].

Аналогичные проблемы возникают в правоприменительной практике зарубежных стран. В этой связи, особый интерес представляет опыт Великобритании, где потерпевший имеет достаточно широкие права на стадии рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении заключенного [14] именно по причине необходимости обеспечения его безопасности. Полномочия по рассмотрению данных вопросов возложены на Совет по условно-досрочному освобождению, являющийся независимым органом, который был создан в 1968 году в соответствии с Законом об уголовном правосудии 1967 года и стал независимой исполнительной вневедомственной общественной организацией 1 июля 1996 года в соответствии с Законом об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 года. При этом отдельной задачей, стоящей перед Советом, является обеспечение вовлеченности потерпевших в процесс условно-досрочного освобождения [10].

В случаях, когда лицо является потерпевшим от насильственного или сексуального преступления и преступник приговорен к 12 месяцам и более лишения свободы, он имеет право на получение информации из Системы контактов с потерпевшими [the Victim Contact Scheme – VCS].

Присоединение к данной системе означает, что за потерпевшим будет закреплен конкретный Офицер по связям с потерпевшими, в функции которого входит:

- разъяснять потерпевшему, как исполняется приговор;
- держать потерпевшего в курсе о тюремном заключении и освобождении осужденного;
- информировать потерпевшего о том, имеет ли осужденный право на слушание в Совете по условно-досрочному освобождению;
- разъяснять, как составить заявление, которое будет представлено на слушаниях в Совете по условно-досрочному освобождению;
- оказывать помощь в направлении запроса об «условиях лицензии», например, запретить преступнику каким-либо образом контактировать с потерпевшего или приближаться к его дому;
- оказывать помощь в обжаловании решения об условно-досрочном освобождении, если Совет по условно-досрочному освобождению решит, что заключенный может быть освобожден.

Решение о присоединении к Системе потерпевший принимает самостоятельно и может изменить его в любой момент исполнения приговора. При этом потерпевший должен сообщать прикрепленному Офицеру по связям с потерпевшими об изменении своих контактных данных, чтобы служба могла поддерживать с ним связь.

Однако даже такая проверенная временем система поддержки потерпевших не лишена изъян. В связи с чем, в октябре 2019 года Королева Елизавета II, в своей ежегодной речи к парламенту Великобритании [13] отметила, что ее правительство привержено решению проблемы насильственных преступлений и укреплению общественного доверия к системе уголовного

правосудия. В связи с чем, ей будут выдвинуты предложения для обеспечения того, чтобы «потерпевшие получали поддержку, в которой они нуждаются, и справедливость, которую они заслуживают». Будут введены законы, гарантирующие, чтобы система условно-досрочного освобождения признавала страдания потерпевших и их семей, причиняемые преступниками, отказывающимися раскрывать информацию, касающуюся их преступлений [Законопроект о заключенных (раскрытие информации о жертвах)] [11]. Законопроект (на момент написания настоящей статьи принятый Палатой общин и находящийся на рассмотрении в Палате лордов – В. Г.) является ответом на кампанию за «закон Хелен», возглавляемую Мари Маккорт, чья дочь Хелен была убита в 1988 году. Тело Хелен Маккорт так и не было найдено. Законопроект также касается дела Ванессы Джордж, работницы детского сада, которая была осуждена по нескольким пунктам обвинения в сексуальном насилии и получении и распространении непристойных изображений детей, отказавшейся назвать имена жертв.

Цель данного законопроекта состоит в том, чтобы наделить Совет по условно-досрочному освобождению при рассмотрении материалов дела обязанностью учитывать обстоятельства, при которых осужденные за убийство, непредумышленное убийство или получение (изготовление) непристойных изображений детей, не желают раскрывать определенных подробностей своих преступлений, в частности, данные о местонахождении останков жертв и личности детей-жертв в непристойных изображениях, причиняя, тем самым, дополнительные страдания жертвам и их семьям даже после вынесения обвинительного приговора.

В действующей на сегодняшний день в Великобритании процедуре по рассмотрению вопроса об условно-досрочном освобождении отсутствуют указания на необходимость учета каких-либо данных (соображений), которые должен (или не должен) принимать во внимание Совет при оценке материалов дела, хотя Справочник члена Совета по условно-досрочному освобождению содержит непредусмотренные законом руководящие указания для членов о том, как подходить к рассмотрению дел, а общие принципы публичного права подразумевают, что все соответствующие данные (соображения) должны приниматься во внимание. Законопроект изменяет это положение, закрепляя обязанность Совета принимать во внимание факт неразглашения заключенным информации при рассмотрении указанных категорий дел в рамках более широкой процедуры принятия решения о возможности условно-досрочного освобождения осужденного [9]. Следует отметить, что новое правило будет применяться только при условии, если Совет по условно-досрочному освобождению полагает, что у заключенного есть информация о том, где и как были захоронены останки жертвы (независимо от того, относится ли эта информация к действиям заключенного или любого другого лица), которую заключенный не раскрыл Совету по условно-досрочному освобождению. («Неразглашение заключенного») [12].

На наш взгляд, такое повышенное внимание законодателя как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах к роли потерпевшего является оправданным. И не следует останавливаться на достигнутом. Сказанное подтверждает вывод о том, что задачи, стоящие перед потерпевшим и его представителем (адвокатом) в уголовном процессе, носят более широкий характер и не

закрываются только на возмещение причиненного преступлением вреда.

Литература:

1. По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 N 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 3.

2. Горский В.В. Ознакомление потерпевшего с состоянием расследования преступления на различных его этапах // Воронежские криминалистические чтения. – 2008. – № 10. – С. 147-164.

3. Горский В. В. Право потерпевшего на ознакомление с жалобами и представлениями, поступившими по уголовному делу // Воронежские криминалистические чтения. – 2009. – № 11. – С. 145-151.

4. Горский В. В. Тактика участия адвоката-представителя потерпевшего в производстве следственных действий // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы: Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею юридического факультета Воронежского государственного университета. редколлегия: О. Я. Баев, В. В. Трухачев, Ю. В. Астафьев. – Воронеж, 2009. – С. 51-68.

5. Горский В. В. Участие потерпевшего и его представителя в достижении целей уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера // Уголовное право и криминология: Современное состояние и перспективы развития: сб. науч. трудов. – Воронеж, 2007. – Вып.3. С. 84-91.

6. Иванов В. В. Обеспечение прав потерпевшего на стадии исполнения приговора // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/1 (122). – С. 84-88.

7. Макарова З. В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. – СПб.: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 338 с.

8. Николок В. В. Остается ли потерпевший обвинителем, участвуя в разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора? // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева. Санкт-Петербургский государственный университет; Под редакцией Н.Г. Стойко. – СПб, 2015. – С. 337-349.

9. Equalities statement // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/856318/prisoners-disclosure-bill-equalities-statement.pdf (дата обращения: 30 марта 2020 г.)

10. Our Commitment to Victims of Crime / The Parole Board // URL: <https://www.gov.uk/guidance/the-parole-boards-commitment-to-victims-of-crime> (дата обращения: 30 марта 2020 г.)

11. Prisoners (Disclosure of Information About Victims) Bill 2019-21 // URL: <https://services.parliament.uk/bills/2019-21/prisonersdisclosureofinformationaboutvictims.html> (дата обращения: 30 марта 2020 г.)

12. Prisoners (Disclosure of Information about Victims) Bill // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/856314/prisoners-disclosure-information-about-victims-bill-jan-2020.pdf (дата обращения: 30 марта 2020 г.)

13. Queen's Speech 2019 // URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/queens-speech-2019> (дата обращения: 30 марта 2020 г.)

14. The Code of Practice for Victims of Crime // URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/476900/code-of-practice-for-victims-of-crime.PDF (дата обращения: 30 марта 2020 г.)

Горский Максим Вадимович

Воронежский государственный университет
кандидат юридических наук
(Воронеж, Россия)

Малык Александра Владимировна

Воронежский государственный университет,
(Воронеж, Россия)

ВЛИЯНИЕ АКТИВНОЙ РОЛИ СУДА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО ТАКТИКИ

УДК 343.98

Аннотация: в статье высказывается мнение о том, что судья является субъектом криминалистики, поскольку, будучи беспристрастным, он создает сторонам условия необходимые для осуществления их прав и исполнения обязанностей, именно им производится активная деятельность по исследованию доказательств с применением различных криминалистических знаний.

Ключевые слова: субъекты криминалистики, криминалистическая тактика, тактика суда, тактические приемы и рекомендации.

Annotation: the article expresses the opinion that the judge is the subject of criminalistics, because, being impartial, he creates the conditions necessary for the parties to exercise their rights and fulfill their duties, he is the one who is actively involved in the study of evidence using various criminalistics knowledge.

Keywords: subjects of criminalistics, criminalistics tactics, tactics of court, tactics and recommendations.

Является ли судья (суд) субъектом криминалистики? Каким бы банальным не казался данный вопрос, однозначного ответа на него не существует в криминалистической науке и по сей день. Обращать внимание на данную проблему ученые-криминалисты стали еще тогда, когда в полной мере еще не сложился предмет и система криминалистики, а раздел тактика в большинстве работ еще именовался уголовной (например, в работах И.Н. Якимого). К концу 30-х годов XX века в учебниках по криминалистике параллельно стал употребляться термин тактика расследования преступлений [10, 7; 11, 5]. Но именно в эти годы и появились работы, в которых поднималась проблема использования тактических средств в судебном следствии. Так, в 1938 г. впервые эти вопросы были затронуты известным ученым А.Л. Цыпкиным в журнале «Социалистическая законность» [13], а в последствие развиты в его кандидатской диссертации «Судебный допрос в советском уголовном процессе» (1938 г.). Но тем не менее до середины 50-х годов дискуссии в криминалистике велись относительно следственной тактики, пока в 1955 г. Г.М. Миньковский не затронул проблему о том, что в научных обсуждениях отсутствует указание на тактику судебного следствия [6, 286].

С этого времени стало появляться все больше определений криминалистической тактики, которые распространялись не только на предварительное, но и на судебное следствие. Здесь можно выделить работы Р.С. Белкина [7,71], И.Ф. Пантелеева [12,20], более поздние работы В.Е. Коноваловой [9,40] и др. Но серьезным вкладом в развитие данного направления стали работы Л.Е. Ароцкера, посвященные непосредственно вопросам тактики судебного следствия и тактики производства отдельных судебных действий (допроса, следственного эксперимента и др.) [2;3]. Однако, и после оставалась дискуссионная проблема использования специфических

криминалистических познаний судьями. Так, А. Н. Васильев считал, что для предварительного следствия уже разработано достаточно тактико-технических приемов и, соответственно, нет необходимости в разработке новых тактических приемов и методов судебного разбирательства [8, 19-20]. Другие ученые, в том числе Р. С. Белкин, считали необходимым разрабатывать такие криминалистические рекомендации, которые предназначались бы именно для суда, учитывали специфику судебного следствия и его отличия от предварительного расследования. Более того, разработку этого направления Р. С. Белкин называет одной из важнейших тенденций развития криминалистической тактики [6, 298]. Оба мнения имеют право на существование. Возможно, действительно необходимы рекомендации судьям, для того чтобы избежать размывания определенных границ их участия в процессе, а целый ряд специфических условий не позволяет применять тактические средства из арсенала следователя (например, только в суде возможен перекрестный и шахматных допрос).

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с развитием состязательных начал уголовного судопроизводства и одновременным снижением активной роли суда стала возобладать противоположная точка зрения о месте суда в криминалистической деятельности. Так, известный российский ученый-криминалист О. Я. Баев дает однозначный ответ – «задача суда – единственного органа осуществления правосудия по уголовным делам – слушать, исследовать и принимать законное, обоснованное и справедливое решение. Суд по определению решает задачи не поискового, а чисто исследовательского характера... Не суд как таковой, а две состязющиеся в суде стороны (обвинения и защиты) являются субъектами криминалистики при судебном рассмотрении уголовных дел: прокурор – государственный обвинитель и адвокат – защитник подсудимого» [4, 28].

Такой подход ученого вполне понятен и объясним. Ведь ст. 15 УПК РФ закрепляет положение о том, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Однако, это не означает, что судья не должен обладать криминалистическими познаниями, наоборот, он обязан грамотно их использовать для принятия правосудных решений.

Действующий УПК РФ не может охватить все возможные на практике ситуации, с которыми сталкивается судья и применения одних только норм права для принятия правильного и обоснованного решения не всегда достаточно. Известно много случаев, когда судьи принимают активное участие в судебном следствии, умело используя различные тактические и технико-криминалистические средства, не вступая при этом в конфликтное противоборство со сторонами. Приведем несколько примеров. Судья, столкнувшись с тем, что допрашиваемый плохо слышит, по согласованию со сторонами решил письменно предоставить допрашиваемому список вопросов, на которые последний ответил четко и внятно. Другой пример: судья, в ходе допроса потерпевшей от изнасилования при обсуждении обстоятельств преступного посягательства, заметив, что ее состояние находится на грани нервного срыва, решил отвлеченным вопросом на нейтральную тему переключить ее внимание

(что по сути является тактико-психологическим приемом).

Из приведенных ситуаций видно, что нельзя делать однозначные выводы о том, что судья не является субъектом криминалистики, ведь, участвуя в процессе и, отталкиваясь от конкретных рассматриваемых дел и даже от специфических особенностей участников процесса, судья, не отходя от духа и буквы закона, обязан принимать незамедлительные решения, от которых в наибольшей степени зависит вынесение правосудного приговора. А не говорит ли это нам о том, что судья самый непосредственный субъект криминалистики?

Еще больше в этой позиции можно убедиться, проанализировав нормы главы 37 УПК РФ «Судебное следствие», касающиеся отдельных судебных действий. Ведь большинство из них напрямую говорит о главенствующем положении и об активной роли именно суда при их производстве, а не сторон. Так, ч. 2 ст. 284 УПК РФ устанавливает, что осмотр вещественных доказательств может проводиться судом по месту их нахождения. В соответствии с ч. 1 ст. 287 УПК РФ осмотр местности и помещения проводится судом с участием сторон. А в ч. 2 этой же статье конкретизируется, что по прибытии на место осмотра председательствующий объявляет о продолжении судебного заседания и именно суд приступает к его осмотру. Часть 1 ст. 289 УПК РФ закрепляет, что следственный эксперимент производится судом с участием сторон. Аналогичные положения можно встретить и при производстве других судебных действий следственного характера.

При производстве названных выше следственных действий судья, также как и следователь, обязан применять соответствующие технико-криминалистические и тактические средства. Так почему же, когда следователь избирает соответствующий способ осмотра участка местности (например, концентрический), он является субъектом криминалистики, а когда тоже самое делает судья, мы не должны признавать его таковым? В этой связи, хотелось бы отметить, что при производстве названных действий суд не только проверяет и оценивает уже собранные в ходе предварительного расследования доказательства. Суд имеет право производить и ранее не проводимые (то есть по сути первоначальные) осмотры, допросы и другие действия, а, следовательно, и получать ранее не имеющуюся в материалах дела доказательственную информацию. В связи с чем, не можем согласиться с приведенным выше мнением О. Я. Баева о том, что суд по определению решает задачи не поискового, а чисто исследовательского характера. Справедливости ради следует отметить, что и сам ученый, проводя аналогию с военной тактикой, отмечал, что у каждого вида вооруженных сил и родов войск есть своя тактика, а значит и средства и способы отдельных субъектов криминалистической тактики тоже различны [5, 30-31].

Мы согласны с позицией ученых о том, что судья, в некотором роде, «стоит особняком» от других участников, поскольку он действует в процессе независимо и самостоятельно, однако, при этом сам Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет судью рядом специфических процессуальных полномочий, тем самым, расширяя границы его участия и «рождая» различные дискуссии по поводу места судьи в криминалистической деятельности. На наш взгляд, судья является субъектом криминалистики, поскольку, будучи беспристрастным, он создает сторонам условия необходимые

для осуществления их прав и исполнения обязанностей, именно им производится активная деятельность по исследованию доказательств с применением различных криминалистических знаний. Кроме того, на практике судьи решают разнообразные тактические задачи, выстраивают собственные аргументированные линии поведения, принимают решения, используя целый арсенал криминалистических знаний. Поэтому, говоря о тактике стороны защиты и тактике стороны обвинения, нельзя упускать тактику, непосредственно, самого суда, поскольку это триединая, комплексная структура уголовного судопроизводства. И хоть каждая из них различается своими объемами, методами, приемами и средствами, вся система эффективна только благодаря согласованному взаимодействию суда с обеими сторонами. Это позволяет говорить нам о необходимости разработки и применения различных самостоятельных криминалистических рекомендаций.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174 – ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – ст. 4921.
2. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел / Ароцкер Л.Е. - М.: Юрид. лит., 1964. - 223 с.
3. Ароцкер Л.Е. Тактика и этика судебного допроса / Ароцкер Л.Е. - М.: Юрид. лит., 1969. - 120 с.
4. Баев О.Я. К дискуссии об объекте, предмете и субъектной системе современной криминалистики / О.Я. Баев // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. трудов. - Вып. 15 / под ред. О.Я. Баева. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – С.18-40.
5. Баев О.Я. Сущность криминалистической тактики и ее субъекты / О.Я. Баев // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию юбилею кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (6 октября 2017 года). – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – С. 28-34.
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 томах. Т. 1: Общая теория криминалистики. / Р.С. Белкин – М., 1997. - 408 с.
7. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Белкин Р.С. - М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1970. - 130 с.
8. Васильев А.Н. Следственная тактика. / А.Н. Васильев – М., 1976. - 200 с.
9. Коновалова В.Е. Криминалистическая тактика: принципы и функции / В.Е. Коновалова // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, - 1981. – Вып. 22 С. 38-46.
10. Криминалистика. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений / Под ред. А. Я. Вышинского. М., - 1935. – 251 с.
11. Криминалистика. Техника и тактика расследований преступлений / Под ред. А. Я. Вышинского. М., - 1938. – 540 с.
12. Криминалистика / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. М., 1988. – 670 с.
13. Цыпкин А.Л. Судебное следствие и криминалистика / А.Л. Цыпкин // Социалистическая законность. – 1938. - № 12. С. 44-46.

Григорьев Виктор Николаевич,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

О ПЕРСПЕКТИВАХ ТАКТИЧЕСКОГО ПРИЕМА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ ПО «УСЕЧЕННОЙ» МЕТОДИКЕ

УДК 343.985

Аннотация. Суть тактического приема осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике состоит в отказе от поиска и описания в протоколе таких деталей обстановки, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления. В основе такого приема – чрезмерное количество подлежащих одновременно осмотру мест, хроническая нехватка следователей и невозможность отложить работу из-за угрозы утраты доказательств. Перспективы дальнейшего развития – определение содержания и степени возможного усекования фиксируемых сведений применительно к конкретным ситуациям и составам преступлений с прогнозированием путей воспроизведения и пополнения таких сведений в ходе последующего производства.

Ключевые слова: следственные действия; осмотр места происшествия; тактика осмотра; чрезвычайные условия; расследование в чрезвычайных условиях; фиксация доказательств.

Annotation. The essence of the tactical method of inspecting the scene of an accident in investigating crimes under emergency conditions using the “truncated” method consists in refusing to search and describe in the protocol such details of the scene of the incident that are irrelevant in terms of proving the corpus delicti. The basis of this technique is an excessive number of places to be examined simultaneously, a chronic lack of investigators and the inability to postpone work due to the threat of loss of evidence. Prospects for further development - determination of the content and degree of possible truncation of recorded information in relation to specific situations and corpus delicti with prediction of ways to reproduce and supplement such information in the course of subsequent production.

Key words: investigative actions; inspection of the scene; inspection tactics; emergency conditions; emergency investigation; fixing evidence.

В существующем виде тактический прием осмотра места происшествия по «усеченной» методике сформировался во время расследования массовых беспорядков. При чрезмерном количестве подлежащих осмотру мест, хронической нехватки следователей и невозможности отложить работу из-за угрозы утраты доказательств возникла дилемма: либо работа будет выполнена с определенными отступлениями от установленных правил и тактических рекомендаций без критического ущерба для полноты фиксации доказательств, либо она вовсе не будет выполнена. Выбор был сделан в пользу первого варианта. Чтобы решить проблему быстроты и качества осмотра мест происшествий, на практике применялись различные тактические приемы. Один из них заключается в проведении осмотра по «усеченной» методике, суть которой состоит в отказе от поиска и описания в протоколе та-ких деталей места происшествия, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления.

При таком порядке значительно экономилось время проведения осмотра без ущерба его качеству. При этом

достигалась наглядность в отображении погрома или поджога, сохранялась возможность восстановления деталей обстановки по имеющимся снимкам, обеспечивалась допустимость изъятых с места происшествия объектов в качестве доказательств по уголовному делу. Последующая работа по уголовным делам подтвердила допустимость такой тактики проведения осмотра места происшествия, так как вся требовавшаяся информация (которую реально можно было получить во время осмотра) оказывалась отраженной в материалах уголовного дела [1, с. 27-32].

Рекомендация об осмотре места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике не осталась незамеченной в юридической литературе. Некоторые исследователи прямо высказались в ее поддержку [2, с. 227-233]. Однако были опубликованы и критические оценки.

Так, профессор из Военного университета Министерства обороны Российской Федерации С.В. Маликов, отвергает ее путем приведения цитаты из статьи известного профессора М.С. Строговича:

«Однако более правильна точка зрения М.С. Строговича: «...ни в каком случае нельзя признать допустимым сокращение, сжатие протоколов допросов и осмотров. Наоборот, они должны в боевой обстановке составляться еще более полно и подробно, чем в мирных условиях, исходя из соображения, что допущенную неполноту допроса или осмотра восполнить не удастся, а свидетеля, может быть, не придется допросить в суде» [3, с. 342].

Первое, на что следует обратить внимание в представленной критике, – это предмет высказывания М.С. Строговича: идет ли в приведенной цитате речь об уголовно-процессуальной норме или о тактической криминалистической рекомендации. С.В. Маликов однозначно связывает высказывание М.С. Строговича с последней и с очевидностью отдает ему предпочтение. Однако, сопоставляя две позиции, С.В. Маликов не приводит анализа их содержания. Поэтому в споре складывается по сути ситуация, когда «слово против слова». Для меня, например, основания предпочтения позиции М.С. Строговича не являются очевидными, особенно с учетом конкретной обстановки, в которой она была сформулирована. Это сегодня профессор М.С. Строгович позиционируется как опередивший время [4, с. 118], известный ученый и во многом непререкаемый авторитет в науке уголовного процесса. Однако в рассматриваемой ситуации – это призванный в июле 1941 г. на военную службу как военный юрист I ранга запаса и направленный для прохождения службы в Военно-юридическую академию, которая с ноября 1941 по сентябрь 1943 гг., как раз в период написания процитированной статьи, находилась в эвакуации в Ашхабаде [5]. Можно предположить, что из глубокого туркменского тыла многие вещи виднее, однако вряд ли это относится к тому, как проводить осмотр места происшествия в боевой обстановке. В основе же другой позиции – о тактических рекомендациях проведения осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях – непосредственное участие в течении трех лет в работе ряда следственных групп, расследовавших массовые беспорядки и вооруженные столкновения, выявление, формулирование и проверка («апробация») многих рекомендаций и тактических приемов буквально в полевых условиях. Конкретно тактический прием производства осмотра места происшествия по «усеченной»

методике был сформулирован в период несения службы в составе взвода особого назначения сводного батальона Ташкентской высшей школы МВД СССР, прикомандированного к следственной группе Прокуратуры Союзной ССР, расследовавшей массовые беспорядки в Нагорно-Карабахской автономной области, по результатам работы вместе с подчиненными курсантами по оказанию содействия и помощи следователям в проведении осмотров мест погромов и поджогов [6].

Однако ошибочность позиции профессора С.В. Маликова заключается, на мой взгляд, не в том, что он без достаточных оснований отдал предпочтение рекомендации М.С. Строговича, а в том, что ошибся с определением ее предмета: М.С. Строгович в своей статье не формулировал криминалистические тактические рекомендации, он писал о недопустимости отступления от уголовно-процессуальных законов в боевой обстановке. В основе такого моего утверждения – и традиционная уголовно-процессуальная специализация М.С. Строговича, и очевидное отсутствие в его рассуждениях криминалистического материала о тактике производства следственных действий в боевой обстановке, и, наконец, свидетельства исследователей истории военной юстиции о предмете его рассуждений в упомянутой статье [7, с. 78].

Уважаемый профессор С.В. Маликов не приводит своих критических формулировок в адрес «усеченной» методики осмотра, ограничиваясь словами М.С. Строговича. В них указывается на недопустимость двух следующих приемов при производстве осмотра в боевой обстановке: сокращение протоколов осмотров и сжатие протоколов осмотров. Из контекста можно понять, что речь идет по сути об одном и том же – чтобы протоколы были информативны, чтобы при описании обстановки на месте происшествия следователи не пренебрегали ее деталями и не «ужимали» тем самым объема текста протокола. Если такое понимание цитаты сопоставить с другой приведенной профессором цитатой – формулировки «усеченной» методики, то без труда можно увидеть, что в последней отсутствуют рекомендации к сокращению протоколов осмотров, в ней рекомендуется другое – отказываться от поиска и описания в протоколе таких деталей места происшествия, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления, что не одно и то же. Юристам хорошо известно, что для одних составов преступлений важны одни свойства и признаки обстановки и предметов, обнаруженных на месте происшествия, для других – другие и т.д. Отказ от поиска и описания в протоколе именно таких деталей места происшествия, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления, имелся в виду, что подтверждается последующим изложением конкретизирующих этот тезис примеров: на детализации каких свойств и предметов не обязательно концентрироваться при расследовании массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами и поджогами, а какие подлежат тщательному осмотру с применением технических средств [8, с. 340-344; 9, с. 167-169]. При этом специально подчеркивается, что «различные тактические приемы организации и проведения осмотра не имеют ничего общего с тем примитивизмом, случаи которого иногда встречаются на практике» [8, с. 343], с приведением системы рекомендаций, как целесообразно действовать и как нельзя, и

конкретных примеров из практики расследования массовых беспорядков в разных регионах страны.

И еще одно обстоятельство, свидетельствующее о необоснованности критики «усеченной» методики осмотра. М.С. Строгович объясняет заботу о необходимости полноты и подробности протоколов осмотров в боевой обстановке тем, что допущенную неполноту осмотра восполнить не удастся. Оставленная без комментариев, эта часть цитаты, приведенной в противовес «усеченной» методике, вполне может быть воспринята как еще одно доказательство ее неприемлемости. Между тем, в авторской характеристике «усеченной» методики без труда обнаруживается положение, снимающее указанную проблему: «...Последующая работа по уголовным делам подтвердила допустимость такой тактики проведения осмотра места происшествия, так как вся требовавшаяся информация (которую реально можно было получить во время осмотра) оказалась отраженной в материалах дела» [6, с. 72-73].

Оценивая тактический прием осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике с точки зрения сегодняшнего дня, когда чрезвычайный характер условий диктуется уже иными обстоятельствами, среди которых Пандемия COVID-19, я не вижу причины отказать от него. С одной стороны, основания для его применения в виде несоизмеримо большого объема работы в соответствующих ситуациях по-прежнему актуальны. С другой, этот прием вполне вписывается в систему общих положений криминалистики о фиксации результатов осмотра места происшествия, отражает следование версиям при осмотре в ситуации максимального ограничения их числа при очевидности события преступления [10, с. 35].

«Усеченная» методика осмотра не равнозначна сокращенной, как можно подумать без конкретного ознакомления с описанием деталей применения такой методики. И уж тем более она не имеет ничего общего с установленными в УПК РФ особыми порядками производства в сокращенной форме (гл. 40, 40-1, 32-1, 51-1 УПК РФ). Это своеобразные антиподы: одна нацелена на то, чтобы как можно полнее выяснить и зафиксировать обстоятельства в условиях ограниченного времени и сил и точнее разобраться с происшедшим; другая – чтобы завершить производство по уголовному делу и вынести приговор, по возможности, ничего не выясняя и ни в чем не разбираясь.

Перспективы развития тактического приема осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике видятся в том, чтобы определить возможное содержание и степень усечения отыскиваемых и фиксируемых в ходе осмотра сведений применительно к конкретным ситуациям и составам преступлений с непрерывным прогнозированием путей воспроизведения и пополнения таких сведений в ходе последующего производства по уголовному делу как своеобразной компенсации усеченности. На первый план при этом выдвигается учет конфигурации чрезвычайности условий и, естественно, структуры и содержания состава преступлений, вызвавших чрезвычайные условия либо ими обусловленных.

Литература:

1. Григорьев В.Н. Организация и тактика проведения осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях (варианты на примере массовых беспорядков) // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы

международной научно-практической конференции. – Краснодар: ООО «Издательский Дом-Юг», 2015. С. 27-32.

2. Енгибарян В.Г. Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы (по материалам Республики Армения): Дисс. ... докт. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД России, 2015. – 422 с.

3. Маликов С.В. Военно-полевая криминалистика. – М.: «За права военнослужащих», 2008. – 512 с.

4. Ветрова Г. Н. «Опередивший время» – Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 118-137.

5. Военно-юридическая академия РККА // https://ru.wikipedia.org/wiki/Военно-юридическая_академия_РККА#Кафедры Академии по состоянию на 1943 год [дата обращения – 05.04.2020].

6. Григорьев В.Н. Первоначальные действия следственной группы в условиях особого положения: Методическое пособие – Ташкент: Следственное управление УВД Ташгорисполкома, 1989. – 137 с.

7. Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. – М.: РГУП, 2017. – 564 с.

8. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): Дисс. ... докт. юрид. наук – М.: Академия МВД Российской Федерации, 1993. – 565 с.

9. Григорьев В.Н., Рогов Ю.Д. Феномены перестройки: Чрезвычайное положение: Монография – М.: Вердикт, 1994. – 224 с.

10. Бирюков В.В., Бирюкова Т.П. Осмотр места происшествия: организационно-тактические основы оптимизации его производства и фиксации результатов // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 33-40.

Грицкевич Ольга Юрьевна

*Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
(структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им.
В.И. Вернадского»
(Симферополь, Россия)*

Захарова Анна Николаевна

*Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
(структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им.
В.И. Вернадского»
кандидат медицинских наук, доцент
(Симферополь, Россия)*

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ВНУТРИГОСПИТАЛЬНЫХ САМОУБИЙСТВ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА.

УДК: 616.89-008.441.44

Аннотация: в статье освещены данные о статистике внутрибольничных самоубийств, выявлена проблематика роста суицидов, определены причины, возможные меры определения суицидального поведения, а так же рассмотрен вопрос об ответственности медицинского персонала в ходе суицида, совершённого пациентом.

Ключевые слова: самоубийство, внутрибольничный суицид, внутригоспитальный суицид, ответственность.

Annotation: the article highlights relevant data on the statistics of nosocomial suicides, identifies the problems of suicide growth, identifies the reasons, possible measures for determining suicidal behavior, and also addresses the issue of the responsibility of medical personnel during a suicide committed by a patient.

Key words: suicide, nosocomial suicide, responsibility.

Классическим для самоубийства является определение Эмиля Дюркгейма (1858-1917) – французского социолога и философа. Он относил к суицидам каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершённого самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах [1]. Таким образом, внутригоспитальным

(внутрибольничным) самоубийством можно назвать вышеописанные смертельные случаи, которые произошли на амбулаторном этапе оказания медицинской помощи или самоубийства, совершённого человеком во время пребывания на стационарном лечении. Подобные жизненные исходы становятся трагическим событием не только для близкого окружения этого человека, но и для всего медицинского персонала, который был связан с пациентом во время лечения. По данным статистики, взятой из Британского журнала психиатрии, среди психически больных пациентов, находящихся на лечении в стационаре, около 40% из них имеют те или иные проявления суицидального поведения, а самоубийства совершают 13,7% на 10000 госпитализаций [2,3]. Доктор медицинских наук Джеймс Нолл из США приводит следующие данные: из 35000 самоубийств в год в США около 1800 (6%) приходится на внутригоспитальные самоубийства. За год даже 2-3 завершённых акта самоубийства внутри больницы в отдельно взятом городе могут вызвать долгосрочные масштабные юридические конфликты и судебные разбирательства из-за неспособности защитить пациентов от причинения вреда самим себе, что, несомненно, сказывается на психологическом состоянии медицинского персонала и отражается на качестве его работы. Американский учёный Хенк Найман в своей статье, указывает на то, что медсестре психиатрической больницы приходится переживать суицид пациента в среднем каждые 2,5 года [4]. К. Миденс, С. Грегори и Р. Стэнли описывают сложное эмоциональное и психическое состояние медицинских сестёр и способы выхода из него после суицида пациента, отмечая, что именно младший медицинский персонал большее количество времени проводит в непосредственной близости и общении с пациентом [5]. Психиатр, доктор медицинских наук, профессор Юрьева Л.Н. в рамках программы исследования синдрома выгорания у 223 врачей-психиатров изучила вопрос изменения ментального состояния врачей после суицида пациента [6]. В результате глубокого психологического исследования поведенческих реакций были выделены три стадии последствий самоубийства пациентов у медицинского персонала: острые, подострые и отдалённые. Острые реакции представлены состоянием отрешённости, оцепенения, хронической бессонницы, приступами агрессии и перевозбуждения или же, наоборот, состоянием испуга и апатии. Подострые реакции выражались в виде ухудшения настроения, глубокого чувства вины, как перед пациентом, так и перед его родственниками, чувства тоски, отчаяния, а порой это перерастало в депрессию, угнеталась самооценка и создавалось ощущение безнадёжности. Медицинский персонал нередко был объят чувством страха перед следствием, судебными расследованиями и неизбежным наказанием. На этом фоне возникали конфликты, внутри коллектива искали виноватого в произошедшем, а так же учащались случаи врачебных ошибок при ведении других пациентов. Не редкими были идеи самообвинения, пациенты, которые имели тенденцию к суицидальному поведению, получали гиперопеку со стороны персонала, врачи начинали более тщательно вести медицинскую документацию и следовать закону о психиатрической помощи. Отдалённые последствия проявлялись в виде посттравматического стрессового расстройства, психосоматических болезней и синдрома выгорания, что наблюдалось у небольшого количества медицинских работников, но заставляло думать их о

преждевременном уходе из профессии, снижая качество помощи пациентам. [7].

По данным научных публикаций, можно сделать вывод, что наиболее глубокому анализу подлежат самоубийства пациентов психиатрических стационаров. Так, важной и ведущей областью суицидологических исследований последнего десятилетия является изучение суицидальных факторов риска пациентов, пребывающих на стационарном лечении. Авторы выбирали определённое количество случаев завершённых суицидов пациентов, находящихся на стационарном лечении в психиатрической больнице [8,9]. Несколько исследователей включали в выборку и пациентов, совершивших суицид непосредственно после выписки из больницы, так как имели место случаи исковых жалоб на недооценку состояния больного при выписке. Авторы из Университета Западного Онтарио такие расстройства нервной системы, как неврозы и неврастения, ставят первостепенными факторами из тех, которые могли бы, по их мнению, привести к самоубийству. Ряд авторов свои исследования посвящают влиянию факторов, связанных с оказанием психиатрической помощи, на риск возникновения новых суицидальных попыток. Они приводят следующие данные: от 3 до 28% самоубийств пациентов в психиатрических больницах происходит на первой неделе пребывания, а от 17% до 71% - в течение первого месяца [10]. Помимо выше упомянутых, группы разделяли по полу, национальной принадлежности, симптомам заболеваний и территориальной принадлежности. Директор центра психического здоровья в университете Манчестера профессор Луи Эпплби опубликовал результаты использования в психиатрической практике стандартов измерения степени риска к самоубийству, при его участии на основе выявленных факторов, приводящих к суициду пациентов. Он обратил внимание на то, что с 2002 по 2009 годы количество случаев внутригоспитальных самоубийств существенно снизилось, благодаря использованию этих стандартов.

Самоубийствам в общесоматических отделениях уделяется внимания гораздо меньше. Это может быть связано с тем, что психиатрические больницы имеют больший процент самоубийств пациентов. Однако, необходимо заметить, что эпизоды внутригоспитальных суицидов отслеживаются по всей территории Российской Федерации. Приведём несколько примеров. В Москве 5 июня 2016 года скончался пенсионер, который выбросился из окна поликлиники после конфликта с врачами [11]. Из окна Пермской городской больницы 14 мая 2015 года выбросился 57-летний пациент хирургического отделения [12]. В городе Шахты Ростовской области 13 апреля 2016 года 52-летний пациент урологического отделения городской больницы покончил жизнь самоубийством, перерезав себе вены и горло [13]. В Угловской районной больнице Алтайского края 29 марта 2016 года покончил с собой и оставил предсмертную записку 54-летний мужчина [14]. В 2014 году из окна ортопедического отделения ГБУЗ РК СКБ СМП №6 г. Симферополя выпрыгнул мужчина после перенесённой операции по поводу перелома бедренной кости [15]. Исследования показали, что соматические заболевания играют важную роль в реализации суицидального поведения. У пациентов мужского и женского пола, совершивших самоубийства, мотивами суицидов чаще всего являлись заболевания системы кровообращения и злокачественные новообразования. Полученные данные

свидетельствуют, что при лечении пациентов со злокачественными опухолями и инсультами сотрудникам лечебных учреждений необходимо обратить внимание на мероприятия, направленные на профилактику самоубийств этих групп больных. Помимо этого в группе риска находятся пациенты с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, эндокринной, заболеваниями почек с проведением системного гемодиализа [16].

Отдельным вопросом стоит ответственность медицинского персонала за самоубийство пациента. Несмотря на то, что не существует прямого закона, в котором были бы указаны меры ответственности медперсонала за совершённый пациентом суицид, нужно отметить, что привлечь медицинского работника представляется возможным. Статья 29 закона №3185-1 от 02.07.1992 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» указывает на то, что гражданин может быть госпитализирован в психиатрический стационар принудительно, когда он представляет опасность самому себе. Так, основными обязанностями медицинского персонала при ведении суицидального больного является создание особо безопасных условий для пациента до выхода из кризисного состояния, а так же наблюдение, непосредственно до выписки и недопущение недооценки состояния; лечение медицинских осложнений попытки самоубийства; выявление и разрешение проблемы, ставшей непосредственной причиной суицидального настроения; диагностика и лечение психических расстройств, лежащих в основе данного поведения. А значит, как следствие, возможны ошибки персонала, приводящие к суицидальным попыткам: неправильная оценка тяжести состояния и диагноза; неадекватные меры обеспечения безопасности пациента; пренебрежение должностными обязанностями; преждевременная выписка больного; неправильное лечение. По этим критериям может быть возбужден судебный процесс о халатности – статья 292 УК РФ, или ошибке – статьи 118 – не оказание помощи больному и статьи 125 – оставление в опасности. Чтобы избежать этого, необходимо тщательно заполнять документацию. При подозрениях на возможность совершения больным суицидальной попытки персонал должен информировать об этом лечащего врача. Нельзя бояться спрашивать пациента о суицидальной настроенности. [17]. Во время принудительной госпитализации важно соблюдать все рамки закона, а так же достоверно обосновать диагноз и решение, так как часть 1 статьи 128 УК РФ предусматривает наказание за незаконную госпитализацию лица в психиатрический стационар, а в случае, если вследствие незаконного помещения в психиатрический стационар наступила смерть пациента или был причинен тяжкий вред его здоровью, или иные тяжкие последствия, содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 128 УК РФ. Под иными тяжкими последствиями понимают, например, самоповреждения, самоубийство пациента. В практике существуют случаи, когда медицинский работник своими действиями, осознанно или неосознанно, доводит пациента до самоубийства, ответственность в этом случае регламентирована статьёй 110 УК РФ.

Важно отметить, что согласно отчётам следственных комитетов России, количество исковых заявлений против врачей и медицинского персонала растёт ежегодно и каждое отдельно взятое дело это резонансное событие. Расследование самоубийства пациентов – не исключение. Для определения отсутствия или наличия вины

медицинского персонала, ситуацию изучают со всех сторон. Для определения, какова должна быть степень безопасности каждого отдельно взятого отделения, сравнивают имеющуюся обстановку с санитарно-эпидемическими нормативными актами. Проводится изучение истории болезни, судебно-медицинская экспертиза трупа, тщательный допрос каждого работника, контактирующего с пациентом и родственников.

Врачебная ошибка и ошибка по халатности два совершенно разных понятия. Проблема разделения добросовестного заблуждения при совершении врачебной ошибки и ошибки по невежеству или халатности является одной из сложнейших для юридического права, да и среди врачей не находит простого решения, что необходимо учитывать на всех этапах расследования.

Слово «ошибка» универсально и применяется во всех сферах жизнедеятельности общества. И только уточняющее дополнение подчеркивает происхождение и тем самым особенность той или иной ошибки. В медицине слово «ошибка» дополняется следующими уточнениями: врачебная по объективным или субъективным причинам, из-за халатности или невежества.

На сегодняшний день вопросы актуальности внутрибольничных суицидов стоят достаточно остро, и для судебной медицины данная проблема остается важной, так как завершённый суицид относится к категории насильственной смерти и во всех случаях является объектом судебно-медицинского исследования. Поэтому представителями судебно-медицинской науки осуществляются исследования с целью создания системы постмортальной диагностики, изучение скорости наступления смерти и её причин, изучение состояния пациента, а так же принятие участия в создании мер профилактики самоубийств.

Литература:

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. – 339 с.
2. Lieberman DZ, Resnik HL, Holder-Perkins V. Environmental risk factors in hospital suicide // *Suicide Life Threat Behav.* 2004. №34 (4). 448 p.
3. Shah AK, Ganesvaran T. Inpatient suicides in an Australian mental hospital // *Aust N Z J Psychiatry.* 1997. №31 (2). 291 p.
4. Nijman H, Bowers L, Oud N, Jansen G. Psychiatric nurses' experiences with inpatient aggression // *Aggressive behavior.* 2005. №31 (3). 227 p.
5. Midence K, Gregory S, Stanley R. The effects of patient suicide on nursing staff // *Clin Nurs.* 1996. №5 (2). 115 p.
6. Юрьева Л.Н. Профессиональное выгорание у медицинских работников: формирование, профилактика и коррекция. – К.: Сфера, 2004. – 272 с.
7. Юрьева Л.Н. Суицид в психиатрической больнице: стратегии профилактики психической дезадаптации у медицинского персонала // *Суицидология.* 2014. №4. 58 с.
8. Powell J, Geddes J, Deeks J, Goldacre M, Hawton K. Suicide in psychiatric hospital inpatients. Risk factors and their predictive power // *Psychiatry.* 2000. №176. 266 p.
9. Busch KA, Fawcett J, Jacobs DG. Clinical correlates of inpatient suicide // *Clin Psychiatry.* 2003. №64 (1). 14 p.
10. Deisenhammer E.A., Huber M., Kemmler G., Weiss E.M., Hinterhuber H. Psychiatric hospitalizations during the last 12 months before suicide // *Gen. Hosp. Psychiatry.* 2007. № 29 (1). 65 p.
11. Ссылка на новостную статью: [Электронный ресурс] // ПАО "Ростелеком", 2014–2020. URL: <http://news.sputnik.ru/zdorovje/f3c4c07478d3ec5b710662340c041fd0dc5a9a45>
12. Ссылка на новостную статью: [Электронный ресурс] // ПАО "Ростелеком", 2014–2020 URL: <http://news.sputnik.ru/obschestvo/245e535b66569b9e4fb6c7ebe08ef0a7548026f4>;
13. Ссылка на новостную статью: [Электронный ресурс] // Открытый Город, 2012–2020 URL: <https://www.opentown.org/news/119403>
14. Ссылка на новостную статью: [Электронный ресурс] // ПАО "Ростелеком". 2014–2020 URL: <http://news.sputnik.ru/zdorovje/f5ed908526b6da18bef5acd6bca3731bf9670074>;

15. Архив Государственного бюджетного учреждения здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы».

16. Зыков В.В., Мальцев А.Е., Абдулина Е.В. Заболевания как значимый фактор возникновения самоубийств в Кировской области // Вятский медицинский вестник. 2019. №1 (61). 61 с.

17. Ваулин С.В., Алексеева М.В. Роль медицинского персонала в предупреждении суицидальных попыток и суицидов // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2007. №3. 64 с.

Даниленко Юрий Алексеевич

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
кандидат юридических наук
(Симферополь, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

УДК 343.98

Аннотация. Автором в данной статье рассмотрены некоторые особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при расследовании и раскрытии преступлений в сфере компьютерных и информационных технологий. Особое внимание уделено проблеме низкой эффективности раскрываемости данных преступлений, что связано с затруднениями при обнаружении виртуальных следов, определении события преступления и противодействием со стороны правонарушителей.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, компьютерная информация, расследование, преступление, виртуальные следы.

Annotation. The author in this article examined some features of the operational-search measures during the investigation and disclosure of crimes in the field of computer and information technologies. Particular attention is paid to the problem of low detection efficiency of these crimes, which is associated with difficulties in detecting virtual traces, determining the crime event and counteraction by offenders.

Keywords: operational-search measures, computer information, investigation, crime, virtual traces.

В современных условиях ни одна сфера общественной жизни невозможна без использования информационных технологий. Компьютерная техника (планшеты, ноутбуки, смартфоны) и электронно-переносные устройства (жесткий диски, флешки) предоставляют большой спектр возможностей для получения, обработки и передачи информации за короткий промежуток времени.

Тем не менее, кроме положительного аспекта есть и отрицательный. Сфера компьютерных и информационных технологий служит «удобным» способом совершения преступлений, что стало следствием появления главы 28 Уголовного кодекса РФ и ее постоянной актуализации [1].

О неуклонном росте числа указанных преступлений свидетельствует не только совершенствование законодательства по вопросу расширения перечня преступлений, наказаний за их совершение, но и статистика.

Согласно характеристике состояния преступности по данным Министерства внутренних дел РФ за январь – декабрь 2017 года в Российской Федерации совершено 90587 преступлений с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, за январь – декабрь 2019 года было совершено уже 294409 преступлений [2]. Таким образом, за два года число преступлений в сфере

компьютерных и информационных технологий выросло в три раза.

Стоит обратить внимание, что эффективность выявления, раскрытия и расследования данных преступлений невозможна без тактических приемов и методов проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), которые прямо закреплены в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» [3]. Такие ОРМ, как сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наведением справок, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации имеют ключевое значение при расследовании преступлений в сфере компьютерных и информационных технологий.

Для выявления причин и условий совершения преступлений в компьютерной среде выделяют следующие ситуации:

1. Преступление совершают лица соответствующей квалификации с использованием внедрения в компьютерную сеть предприятия вредоносных программных продуктов.

2. Обычные пользователи с умыслом наживы, обмана, размещают в сети Интернет различного рода информации о продаже дорогостоящих предметов (вещей) по заниженной стоимости, используя вымышленные основания, а потребители оплачивают их через электронные системы платежей, поскольку введены в заблуждение.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что для того, чтобы совершить преступление в сфере компьютерной информации не обязательно обладать специальными знаниями, а достаточно наличия компьютерной техники.

Низкий уровень раскрываемости преступлений данной категории связан с тем, что правоохранительные органы, в процессе реализации возложенных на них полномочий, сталкиваются с несовершенством нормативного регулирования и латентностью данного вида преступлений. Латентность связана прежде всего с отсутствием материальных следов в процессе подготовки к совершению преступления, наличие разнообразных способов его совершения и т.п.

Вредоносное программное обеспечение может быть создано в одном месте, а приведено в действие совершено в другом. Установить в данной ситуации территориальные границы не всегда представляется возможным.

Исходя из практики в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений необходимо устанавливать и исследовать следы не только в самих технических средствах (компьютерах, ноутбуках, планшетах, смартфонах), но и их канал связи [4, с.47]. К каналу связи относится информация об отправленных сообщениях, которая находится у оператора оборудования, протоколы соединений и пр. В файлах могут находиться изображения, программное обеспечение, видео.

Получение указанных данных возможно только в рамках проведения ОРМ, санкция на проведение которых в обязательном порядке должна быть получена от соответствующего органа. Данные сведения, которые были получены оперативными сотрудниками предоставляются органу дознания, следователю или в суд на основании Приказа МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС

России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [5].

Таким образом, уголовные дела по преступлениях в сфере компьютерных и информационных технологий возбуждаются в результате информации, полученной в ходе проведения ОРД или уже по факту совершенного преступления.

В п.2 ч.3 ст. 10.1 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" установлен срок до шести месяцев для хранения оператором связи текстовых сообщений пользователей, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных электронных сообщений пользователей сети "Интернет" с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки, что позволяет эффективно проводить ОРМ и следственные действия правоохранительными органами [6].

Таким образом, те результаты, которые были получены в ходе проведения ОРМ правоохранительными органами помогут получить скрытые от подозреваемого лица сведения о способе совершения преступления, наличии соучастников. Это, в свою очередь, позволит избежать превращения, полученных на досудебной стадии доказательств, в недопустимые в рамках судебного следствия и прений. Вследствие чего, на наш взгляд, проведение именно ОРМ «Получение компьютерной информации» для собирания электронных сведений является вспомогательным способом закрепления доказательств в уголовно-процессуальном аспекте, а также относится к наиболее защищенным со стороны обвинения способам собирания компьютерной информации [7].

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, действующее уголовно-процессуальное законодательство по вопросу закрепления результатов ОРМ «Получение компьютерной информации» в качестве самостоятельного доказательства позволяет более эффективно способствовать выявлению, расследованию и раскрытию преступлений в сфере компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Литература:

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2020).
2. Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» // [Электронный ресурс]. URL: [мдв.рф/gerports/3](http://mvd.ru/gerports/3) (дата обращения: 10.04.2020).
2. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2020).
3. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 10.04.2020).
4. Глушков Е.Л., Емельянов Д.Е. Оперативно-розыскная деятельность при расследовании и раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2019. № 2. С. 45-49.
5. Приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27.09.2013 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд" (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 N 30544) // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (дата обращения: 10.04.2020).

6. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2020)

7. Борисов Д.В. Вспомогательные возможности ОРМ «Получение компьютерной информации» в уголовно-процессуальном аспекте // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 6А. С. 71-77.

Дементьев Владимир Васильевич

*Саратовская государственная юридическая академия
кандидат юридических наук
(Саратов, Россия)*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПАДЕНИЕМ ПОТЕРПЕВШЕГО С ВЫСОТЫ

УДК 343.98

Аннотация. Обстоятельства, подлежащие установлению по уголовным делам, относятся к основополагающим научным категориям методики расследования преступлений. Система обстоятельств, их взаимообусловленность, влияние на выбор способов расследования в частности дел об убийствах, сопряженных с падением потерпевшего с высоты, позволяют осуществлять его на качественно ином уровне. Исследованию данных вопросов посвящена настоящая статья.

Annotation. The circumstances to be established in criminal cases relate to the fundamental scientific categories of crime investigation methods. The system of circumstances, their interdependence, the impact on the choice of methods of investigation, in particular murder cases involving a victim falling from a height, allow him to be carried out at a qualitatively different level. This article is devoted to the study of these questions.

Ключевые слова: расследование убийств, падение с высоты, обстоятельства подлежащие установлению по делу.

Keywords: investigation of the murders, falls from height, the circumstances to be established in the case.

Каждый год при падении с высоты гибнут сотни человек. Обстоятельства падений с высоты разнообразны. Как правило, причины падения очевидны и не носят криминального характера. Однако при обнаружении трупа с признаками падения с высоты нельзя исключать и преступный характер действий, повлекших данное событие.

Расследование данной категории уголовных дел сопряжено с определенными сложностями. Падение с высоты в судебно-медицинском отношении один из наиболее сложных и труднодиагностируемых видов травмы. Обусловлено это, прежде всего, большим разнообразием видов падений, механизмов и обстоятельств их происхождения [1, с. 7-10].

Нередко для сокрытия данных преступлений, лица, их совершившие, используют разнообразные инсценировки. К сожалению, далеко не каждый следователь умеет достаточно быстро и профессионально установить наличие инсценировки, что в ряде случаев приводит к нераскрытию данных преступлений, а в результате – к уклонению от уголовной ответственности виновных в совершении данных преступлений лиц.

Вместе с тем, работ, посвященных расследованию убийств, сопряженных с падением потерпевшего с высоты, крайне мало. В основном это отдельные статьи или параграфы в учебниках. Методика же расследования, в которой комплексно рассматривались вопросы выявления и расследования данной категории уголовных дел, до сих пор отсутствует.

Существенное значение для разработки криминалистических методик расследования имеют обстоятельства, подлежащие установлению по делу. Их правильное и полное определение является одним из условий успешного расследования. Начиная с 50-х годов прошлого века обстоятельства, подлежащие установлению, традиционно включались в структуру частных методик расследования [2]. Однако в дальнейшем они не обоснованно были заменены криминалистической характеристикой преступления.

Лишь в последние годы пришло понимание того обстоятельства, что без установления закономерных корреляционных связей и зависимостей между элементами криминалистическая характеристика не наполнена конкретным содержанием, которое может быть использовано следователем, государственным обвинителем, судом (не имеет практического выхода).

В настоящее время в структуру частных криминалистических методик все чаще в качестве обязательного элемента включают обстоятельства, подлежащие установлению [3, с. 3; с. 94-96; с. 226; с. 124-125]. По мнению исследователей, данный раздел должен содержать максимально подробный перечень фактов, которые подлежат установлению в ходе расследования определенной категории уголовных дел [4, с. 42; с. 171].

С учетом изложенного, считаем необходимым изложить обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании убийств, сопряженных с падением потерпевшего с высоты в виде максимального перечня, раскрывающего специфические особенности расследования интересующей нас категории преступлений.

Итак, при расследовании убийств, сопряженных с падением потерпевшего с высоты подлежат установлению следующие обстоятельства:

какое именно событие произошло – имело ли место падение потерпевшего с высоты или убийство – т.е. умышленное лишение жизни другого человека;

когда (год, месяц, число, час), откуда и при каких обстоятельствах упал потерпевший;

где совершено преступление, является ли место обнаружения трупа местом совершения преступления; имеются ли на предполагаемой траектории падения выступающие твердые предметы (перила балконов, лоджий, карнизы, козырьки над входами в здания и др.), если да, то какова их характеристика (высота от поверхности земли, размеры, форма, имеющиеся наслоения и т.д.);

кто является потерпевшим (фамилия, имя, отчество, возраст, семейное положение, наличие иждивенцев и т.д.), состояние здоровья потерпевшего, не находился ли в состоянии алкогольного или иного опьянения; если потерпевшей является женщина, то не была ли она беременна;

какие телесные повреждения имеются у потерпевшего (их локализация, характер) [5, с. 53-55; с. 7-20], каков механизм их причинения в процессе падения;

каково положение тела в момент удара о преграду (грунт, асфальт, иную поверхность, на которую упал потерпевший);

имеются ли на трупе повреждения иного происхождения, например, следы борьбы [6, с. 26];

кто совершил преступление (фамилия, имя отчество, год, месяц, день и место рождения); национальность, место жительства или регистрации; характер и род занятий, место работы (учебы) и занимаемой должности,

отношение к воинской обязанности (состоит ли на воинском учете); семейное положение, состав семьи; являлось ли данное лицо во время совершения убийства вменяемым, как характеризуется по месту работы, учебы или жительства; имеет ли судимости, если да, то по какой статье УК, когда, каким судом, вид и размер наказания, срок отбывания наказания в местах лишения свободы, основание и дата освобождения; состояние здоровья – не имеется ли у лица психического расстройства, о трудоспособности обвиняемого; достиг ли обвиняемый ко времени совершения убийства четырнадцатилетнего возраста;

имело ли место сокрытие преступления, если да, то кем и каким способом [7];

какие действия были совершены виновным (способ совершения преступления и связанные с преступлением действия, например, толчок потерпевшего, находящегося возле края балкона, крыши, ослабление конструкции строительных лесов, повреждение страховочного оборудования и т.д.);

не совершено ли убийство группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, если да, то какова роль в убийстве каждого из членов группы;

какова форма вины, направлен ли умысел виновного на лишение потерпевшего жизни. Устанавливая направленность умысла нужно учитывать не только способ преступления, но и предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения;

каковы мотивы (в частности, не было ли совершено убийство из корыстных побуждений, т.е. в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.) или по найму [8], из хулиганских побуждений [9], по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, не являлись ли мотивом убийства кровная месть) и цели преступления (например, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение), форма вины;

если убийство совершено по мотивам кровной мести, то принадлежал ли убийца к национальности, признающей обычай кровной мести и является ли совершенное убийство реализацией данного обычая;

имеются ли обстоятельства, исключающие преступность деяния, какие обстоятельства способствовали совершению преступления, имеются ли обстоятельства, смягчающие либо отягчающие наказание.

Подлежат установлению и обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 1041 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Подводя некоторый итог проведенного исследования, попытаемся сформулировать основные выводы, к

которым мы пришли в процессе написания данной работы.

Расследование убийств, сопряженных с падением с высоты сопряжено с определенными трудностями. Нередко для сокрытия данных преступлений, лица, их совершившие, используют разнообразие инсценировки. Расследование преступлений, замаскированных инсценировками, представляет особую трудность, поскольку действительные цели и мотивы их совершения преступники тщательно скрывают посредством специальных действий с тем, чтобы направить расследование по ложному пути.

Одним из направлений оптимизации методики расследования убийств, сопряженных с падением потерпевшего с высоты является, по мнению автора, включение в качестве ее структурного элемента обстоятельств, подлежащих установлению по делу, включающих максимально подробный перечень фактов, которые должны быть выявлены в ходе расследования данной категории уголовных дел.

Литература:

1. Солохин А.А. Актуальные вопросы механогенеза повреждений при падении с высоты // Судебно-медицинская экспертиза. Квартальный научно-практический журнал. 1984. № 3. С. 7-10.
2. Винберг А.И., Шавер Б.М. Криминалистика. 4 изд., доп. М.: Гос. из-во юрид. лит., 1950. – 272 с; Криминалистика / под общ. ред. А.И. Винберга. М.: Госюриздат, 1959. – 512 с.; Криминалистика / под ред. С.П. Митричева, М.П. Шаламова. М.: Юрид. лит., 1963. – 544 с.
3. Иванов А.Н., Козина С.Н. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступных нарушений санитарно-эпидемиологических правил // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. Вып. 1. Саратов, 2010. С. 94-96; Иванова В.Г. К вопросу о структуре методики расследования преступлений // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (29-30 октября 2009 г.). Тюмень: «ТГАЭУП», 2010. Вып. 6. С. 224-226; Лапин Е.С. Расследование преступлений, связанных с производством и оборотом алкогольной продукции. М.: Юрлитинформ, 2014. – 254 с.
4. Иванов А.Н., Иванова В.Г. К вопросу об оптимизации системы криминалистической методики // Вестник Российской правовой академии. 2010. № 2. С. 38-43; Лаврухин С.В., Комягина Ю.С. Объекты и предмет криминалистики. М.: Юрлитинформ, 2013. – 470 с.
5. Савостин Г.А., Фомин Е.П. Необычные повреждения, возникшие при падении с высоты // Судебно-медицинская экспертиза. Квартальный научно-практический журнал. 1984. № 1. С. 53-55; Солохин А.А. Актуальные вопросы механогенеза повреждений при падении с высоты // Судебно-медицинская экспертиза. Квартальный научно-практический журнал. 1984. № 3. С. 7-10.
6. Бородулин В.В. Выдвижение и проверка оперативно-розыскных версий при обнаружении трупа с признаками насилия. М.: ВНИИ МВД России, 2000. – 32 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03 декабря 2009 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

Журба Оксана Леонидовна

*Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук*

Кавецкий Эдуард Русланович

*Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

УДК 343.101

В основу деятельности любого государства положена система экономических, а также социально-политических условий, которые определяют стабильность развития общества и государства. Обеспечение безопасности – приоритетная задача государства, что прямо следует из ст. 5 Конституции РФ. Соответственно, перед правоохранительными органами стоит множество задач, направленных на обеспечение безопасности населения и государства в целом. Необходимы значительные усилия для качественного уровня борьбы с преступностью, повышения качества раскрытия и расследования уголовных дел. Указанные потребности объективно обуславливают необходимость использования новейших достижений науки и практики. Одним из способов сбора доказательств является производство такого следственного действия как обыск. В настоящее время большое значение уделяется вопросам производства обыска, особенностям и отдельным проблемам производства данного следственного действия и посвящена данная статья.

Ключевые слова: уголовный процесс, участники уголовного процесса, проблемные вопросы, производство обыска, тактические особенности, процессуальный порядок.

В научной литературе и в практической деятельности уже давно обсуждаются вопросы проведения такого следственного действия как обыск, что свидетельствует о его относительно невысокой эффективности. Бытует мнение, что это обусловлено общим невысоким уровнем подготовки сотрудников органов предварительного расследования и отсутствием научно и практически обоснованных методических рекомендаций по тактике и процедуре его производства. С этим нельзя не согласиться, хотя это не является исчерпывающими причинами, в связи с чем хотелось бы провести комплексный анализ проблем, возникающих при производстве рассматриваемого следственного действия.

Как уже обращалось внимание, при производстве обыска обнаруживаются некоторые проблемы, в результате чего не представляется возможным максимально эффективно и своевременно расследовать уголовное дело. Определенные трудности в первую очередь связаны с принудительным характером данного следственного действия, ограничивающим права участников уголовного судопроизводства.

Достаточно серьезным недостатком организации обыска является проблема низкого уровня взаимодействия между следователями и сотрудниками оперативных подразделений, которые чаще всего являются непосредственными исполнителями данного следственного действия. Практика проведения данного следственного действия оперативными сотрудниками представляется крайне нежелательной, т.к. в большинстве случаев

оперативные сотрудники не располагают необходимой информацией обо всех обстоятельствах расследуемого преступления, о личностных характеристиках подозреваемого (обвиняемого).

Отсутствие надлежащего взаимодействия приводит к тому, что у следователей отсутствует необходимая и достоверная информация о местонахождении объектов, имеющих доказательственное значение по делу, что влияет на результаты обыска, а также влияет на своевременность и обоснованность принятия решения о проведении обыска, что зачастую приводит к утрате искомым объектов. Важное место в системе подготовительных действий к обыску занимает исследование личностных характеристик как самого обыскиваемого, так и иных лиц, имеющих отношение к расследуемому делу. Это позволяет определить место проведения обыска, способы укрытия объектов, имеющих доказательственное значение и тактику проведения обыска. Зачастую при подготовке к обыску следует принимать во внимание поведение обыскиваемого до его производства, сведения об изменении образа жизни обыскиваемого лица, деталей его образа жизни. Качество этой подготовки напрямую зависит от тесного взаимодействия следственных органов и органов дознания.

Достаточно много вопросов возникает по составу участников данного следственного действия. Например, В.Г. Ульянов и А.В. Осипов в своей работе указывают, что по одному из уголовных дел в состав участников обыска входило только два оперативных сотрудника и двое понятых, т.е. в протоколе не нашел своего отражения факт присутствия обыскиваемого или его законного представителя, т.е. только оперативные работники и понятые.

Процессуальной особенностью данного следственного действия является обязательное участие понятых, а привлечение понятых является одной из проблем его производства. Не редкостью являются ситуации, когда следователи привлекают к обыску совершенно случайных прохожих, и это в итоге приводит к разного рода конфликтным ситуациям, такие лица не всегда соглашались принять участие в качестве понятых. То есть следователь должен как-то убедить двух совершеннолетних лиц, не являющихся заинтересованными в исходе уголовного дела, в том, чтобы быть понятыми при производстве обыска. Не всегда легко найти таких лиц. К тому же для этого требуется зачастую немало времени, что в итоге отрицательно сказывается на своевременности производства обыска. Иногда невозможно объективно найти понятых, например, чтобы провести обыск в ночное время суток в отдельно стоящем доме и т. п., в связи с этим достаточно интересной представляется точка зрения Варданяна А.В., который предложил создать институт так называемых «дежурных понятых». При этом он и сам утверждает, что реализация его идеи вызовет значительные организационные трудности и серьезные материальные проблемы.

Кроме этого, следователи, например, 1) не надлежаще удостоверяются в их личности, что предполагает фиксацию в официальных документах лишь личных сведений, исключающих установление их местонахождения; 2) не всегда устанавливают владение понятыми языком судопроизводства; 3) не рассчитывают необходимое количество понятых.

Обыск отличается от многих следственных действий своим поисковым характером, однако на практике

имеют место подмены одного следственного действия другим. Например, Карагодин В.Н. отмечает, что участились случаи отрицания самостоятельности такого следственного действия как осмотр места происшествия. При этом участники следственных действий утверждают, что фактически проводился не осмотр места происшествия, а обыск. Шейфер С.А., давая оценку сложившейся ситуации, предлагает решение данного вопроса возложить на следователя, который, когда необходимо отыскание скрываемых объектов, планирует обыск, если же нет оснований считать, что лица, проживающие в жилище, скрывают искомое, планирует проведение осмотра или выемки.

Следует отметить, что результат обыска зависит и от неукоснительного соблюдения закона, а именно процессуальных норм, регламентирующих его производство. В этой связи следует отметить не обеспечение присутствия в обыскиваемом помещении его владельца. Баев О.Я., например, считает, что обязательным является присутствие данного лица лишь в случаях, когда высока вероятность его успешного проведения. В противном случае достаточно присутствия совершеннолетних членов его семьи. Думается, что данное утверждение является весьма спорным, хотя бы потому, что в этом случае подозреваемый теряет право на добровольную выдачу объектов и предметов, имеющих процессуальную значимость.

Процессуальное оформление решения на проведение данного следственного действия требует отдельного рассмотрения. Имеют место случаи, когда: 1) обыск проводится без судебного решения из-за неправильной оценки ситуации его проведения, т.е. когда он проводится как нетерпящий отлагательств без объективных данных считать ситуацию таковой; 2) обыск проводится на объекте, фактический адрес которого не соответствует адресу, обозначенному в материалах дела; 3) проведение поисковых мероприятий и изъятие искомого в ходе обыска без участия процессуально обязательного круга лиц.

Кроме того, достаточно редко для фиксации хода и результатов обыска используются возможности видеофиксации, что чаще всего связано с отсутствием специалистов, что также является типичной ошибкой при проведении обыска.

Тактика производства данного следственного действия не менее важна чем соблюдение законности. Нельзя не сказать о психологических особенностях производства обыска. При производстве обыска важно учитывать, что это сложное и специфическое следственное действие. В ходе производства обыска лицо, расследующее уголовное дело, должно стремиться по максимуму проявлять разнообразные психологические качества, профессиональные знания, умения и навыки. Безусловно, трудно отрицать, что положительные результаты обыска нередко зависят от учета разного рода его психологических аспектов.

Прежде всего, нельзя не учитывать поведение и волевые качества того лица, у которого будет осуществляться обыск. Если, например, для лица, у которого будет осуществляться обыск, являются характерными выдержанность, решимость, дерзость, то зачастую такой тип людей достаточно уверенно чувствуют себя в процессе обыска, в их поведении может отображаться наружное безразличие, апатия. В.В. Фомин справедливо указывает на то, что если обыскиваемый проявляет в

процессе обыска растерянность, боязнь, подавленность, является раздраженным, и проявляет к окружающим неоправданную злость, истерические выходки, то такие чувственные состояния не должны быть оставлены без внимания следователем и всеми иными участниками обыска. Это все должно быть логически сопоставлено непосредственно с ходом производимого обыска.

Кроме того, обыскиваемые могут провоцировать нападение или конфликт, симулировать приступ болезни и т. п., поэтому тактика проведения обыска предполагает учет возможностей возникновения и пресечения конфликтных ситуаций, постоянный анализ поведения и реакций обыскиваемых или иных участников следственного действия.

В процессе проведения обыска немаловажным также является то, как себя проявляют члены семьи обыскиваемого, ведь нередко и им хорошо известны места, где хранятся доказательства совершенного преступного деяния. Обыск также определенным образом воздействует на них и в конечном итоге приводит их в положение критической психологической напряженности. Отнюдь не всегда имеется возможность утаить от окружающих и лиц, производящих обыск, все психофизиологические проявления такой психологической напряженности. Они могут быть выражены в самых разных поведенческих действиях, реакциях. Назовем среди таковых, побледнение лица или его покраснение, возникновение у лица определенного дрожания рук, изменение тембра голоса и т.д.

Лицо, производящее обыск, должно быть бдительным, поскольку в случае обнаружения у обыскиваемого лица значимых для расследуемого уголовного дела предметов или документов, могут мотивировать его, а также членов его семьи к разного рода актам противодействия. Халатное отношение к производству данного следственного действия, ненадлежащий контроль за поведением обыскиваемого лица и членов его семьи, в конечном итоге может стать причиной наступления нежелательных последствий для должностных лиц.

Согласимся с Е.М. Сидоровой и Л.С. Стукаловой в том, что производство обыска неправильно ограничивать только лишь одним помещением, комнатой обыскиваемого, ведь объекты, имеющие отношение к расследуемому уголовному делу, могут находиться и в иных местах обыскиваемого, членов его семьи, а также среди иных их вещей, которые не всегда находятся непосредственно в месте производства обыска.

Все вышеобозначенные обстоятельства требуют от должностных лиц проявления властных, принудительных действий. При этом нужно отметить, что лицо, расследующее уголовное дело, должен все же соблюдать существующие нравственно-этические принципы, на что справедливо указывает в своей работе М.И. Еникеев. Следует быть вежливым по отношению к обыскиваемому лицу и членам его семьи, не допускать грубости, оскорблений, каких-либо угроз. В основном лицо, производящее обыск, испытывает чувства возмущения, осуждения по отношению к обыскиваемому лицу, тем не менее необходимо быть максимально сдержанным, особенно к членам семьи обыскиваемого лица.

Следует еще раз подчеркнуть, что во многом успех обыска обусловлен наличием у лица, расследующего уголовное дело, интеллектуально-волевых качеств. Это такие качества, как гибкость интеллектуальной деятельности, выдержка, настойчивость, профессионализм,

самообладание. Лицо, производящее обыск, должно быть готовым к тому, что в процессе данного следственного действия могут возникнуть различные трудности, которые следует разрешать незамедлительно. Обыск предполагает длительное напряжение. Рассмотренные, проанализированные и так необходимые психологические качества сотрудников правоохранительных органов, обязательно следует развивать и совершенствовать, что в итоге будет способствовать более качественному проведению обыска.

Разработка рекомендаций по минимизации совершенных ошибок и проблем, имеющих место при производстве обыска, предполагает необходимость проведения комплекса мероприятий:

1) системного повышения сотрудниками правоохранительных органов своего профессионального мастерства, предполагающее совершенствование своих профессиональных знаний и навыков;

2) ужесточение контроля работы следователей, руководителей следственных подразделений, обеспечения участия последних в наиболее сложных и значимых следственных мероприятиях в рамках оказания методической помощи;

3) системного анализа следственной практики, в том числе и практики проведения таких следственных действий как обыск и выемка, в целях определения причин совершаемых нарушений при их проведении, предупреждение недопущения их впредь.

Эффективность проведения обыска должна быть обусловлена необходимостью совершенствования системы российского уголовного судопроизводства, что напрямую связано с процессами укрепления законности и правопорядка в стране. В рамках реализации обозначенных направлений совершенствования основ правоохранительной политики все большее значение приобретает охрана прав и свобод человека. Реализация механизма правовой защиты лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве России, в том числе и в таком следственном действии, как обыск, была и остается весьма серьезной проблемой.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж, 1995. 321 с.
3. Варданян А.В. Обыск и проблемы участия понятых в его производстве // Общество и право. 2008. № 2. С. 32-36.
4. Еникеев М. И. Психология следователя. М., 2004. 160 с.
5. Казанцев С.А., Лейнова О.С. К вопросу о производстве обыска в современных условиях. Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С.123-126.
6. Карагодин В. Н. Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 128-133.
7. Сидорова Е.М., Стуколова Л.С. Психология обыска // E-Scio. Право. 2019. № 1 (28). С. 44-47.
8. Ульянов В.Г., Осипов А.В. Незамедлительность производства обыска в жилище как фактор его эффективности // Вестник СевКавГТИ. 2017. № 3 (30). С. 95-100.
9. Фомин В.В. Некоторые психологические аспекты производства обыска и продуктивность его проведения // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 1. С. 94-97
10. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности. М., 2016. 208 с.
11. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. Учебное пособие. М.: Право и Закон, 1997. 352 с.
12. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. 240 с.
13. Журба О.Л. Процессуальные особенности производства обыска / О.Л.Журба //Ученые записки Крымского федерального

Иванов Пётр Иванович

*Академия управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
(Москва, Россия)*

Шитов Артём Сергеевич

*Академия управления МВД России
(Москва, Россия)*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

УДК 343.98

Аннотация. В настоящей статье авторами на основе изучения и анализа практики рассмотрено криминалистическое обеспечение деятельности по расследованию уголовных дел о налоговых преступлениях, особенности и механизм такого обеспечения. В статье авторы предприняли попытку предложить читателям типичную криминалистическую модель механизма налогового преступления.

Ключевые слова: налоговые преступления, уголовное дело, методика расследования, криминалистическое обеспечение.

Summary. In this article, based on the study and analysis of practice, the authors consider the forensic support for the investigation of criminal cases of tax crimes, the features and mechanism of such support. In the article, the authors attempted to offer readers a typical forensic model of the tax crime mechanism.

Key words: tax crimes, criminal case, investigation methodology, forensic support.

Расследование уголовных дел о налоговых преступлениях, как правило, связано с проблемами установления правовых признаков указанных преступлений¹. В то же время установление обстоятельств, важных для правильного разрешения уголовного дела о налоговом преступлении, невозможно не только без уголовно-процессуальных средств, но и криминалистических методов и приёмов собирания и использования доказательств. С их помощью устанавливаются как правовые признаки налогового преступления, включая обстоятельства, подлежащие доказыванию, так и истинный умысел виновного на совершение указанного вида преступления.

В криминалистическом отношении уклонение от уплаты налогов либо сокрытие доходов от налогообложения может быть, как самостоятельным преступлением, так и частью механизма совершения более тяжкого преступления – легализации денежных средств, приобретённых преступным путём. Как известно, уголовно-правовые признаки данных преступлений принципиально различаются. Между тем, установление и доказывание преступных действий виновного является крайне сложной задачей расследования, которая разрешается далеко не по каждому уголовному делу. Именно поэтому при совершении налогового преступления

преступники, как правило, тщательно маскируют свои действия, чтобы избежать ответственности по совокупности уголовно-наказуемых деяний.

В настоящей статье авторы сконцентрировали своё внимание на рассмотрении отдельных особенностей расследования уголовных дел о налоговых преступлениях. Укажем их.

Одной из особенностей расследования является способ действий преступников при сокрытии прибыли. В настоящее время оперативно-следственной практике известны такие способы, как: оптимизация налогов с использованием фирм – «однодневок» (фиктивные сделки); искусственное «дробление» бизнеса с целью применения специального налогового режима; применение льготных налоговых ставок; подмена договоров. Названные способы совершения налоговых преступлений, будучи одним из элементов криминалистической характеристики², выступают принципиально важным звеном в системе доказывания по делам рассматриваемой категории.

К примеру, для выявления способа сокрытия реальных объемов деятельности в сфере производства и сбыта целесообразно соотносить стоимость реализованной продукции (по учётам) и фактически поступающие денежные потоки, транспортные расходы организации и объемы реализации.

Анализируя, первичные данные, рекомендуется, прежде всего, проверять наличие и отсутствие взаимосвязи между отдельными документами, отражающими хозяйственные операции, а именно: по приходу сырья и поступлению иных товаров и комплектующих; по переработке и использованию в процессе производства сырья и комплектующих; по выпуску готовой продукции и её наличию на складе; по расходу продукции на «внутренние» цели и реализации продукции по схеме внешнего сбыта. Тем самым обнаруживаются несоответствия нормальному ходу совершённой операции.

Другой не менее важной особенностью расследования выступает специфика выдвижения частных версий.

Следует иметь в виду, что частные версии, например, об уклонении от уплаты или занижения сумм налога на доходы физического лица должны строиться, а затем проверяться с учетом известных схем уклонения, а именно: непредставления деклараций о совокупном годовом доходе; искажений данных в декларации о совокупном годовом доходе; осуществления предпринимательской деятельности без регистрации в налоговых органах; расчета дохода не по совокупности, а по отдельным периодам; уплаты налога за счет средств организаций-работодателей или организаций-контрагентов. В свою очередь версии о документальных источниках информации имеют несколько разновидностей. Сюда мы относим: предположения о возможном местонахождении интересующих документов; предположения о существовании копий документов; предположения о существовании электронной версии документов;

¹ В данной статье авторами рассматриваются составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 159 (связано с незаконным возмещением НДС из бюджета), 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ.

² Криминалистическая характеристика налоговых преступлений представляет собой типовой, научно обоснованный информационный продукт, в составе которого выделяются

следующие элементы: первичная информация о совершенном преступлении данного вида; информация об особенностях экономической деятельности и о системе налогообложения; характеристика типичных способов; информация о субъекте преступления; информация о следах преступления (материальные, идеальные и цифровые следы).

предположения о наличии и месте хранения «черновых записей».

При формировании системы доказательств документы служат основным средством доказывания по делам о налоговых преступлениях. Поэтому разработка детальных версий по данным направлениям помогает правильно планировать места и тактику проведения осмотра, обыска и выемки, а также назначать специальные исследования в отношении изъятых цифровых носителей с целью обнаружения на них скрытой информации.

Как показывает практика, к числу достаточно типичных версий можно также отнести предположение о наличии сговора руководителя, главного бухгалтера и других работников организации, а также версии об уклонении от уплаты подоходного налога путем уменьшения совокупного дохода или завышения доходов, не подлежащих налогообложению.

Говоря о разработке версий об уклонении от уплаты или занижении налога на прибыль следует иметь в виду, что это может производиться путём занижения выручки от реализации продукции (работ, услуг). При этом занижение выручки может быть осуществлено за счёт: незаконного изменения учётной политики организации при выборе метода определения выручки; создания нескольких коммерческих организаций на базе производственно-сбытовой инфраструктуры крупного акционерного общества; использования для проведения финансовых операций нескольких счетов других организаций; увеличения доли взаимозачётных и бартерных операций; фальсификации, временного составления и последующего уничтожения документов (накладных, счетов-фактур, сертификатов, нарядов на выполнение работ, путевых листов, актов приемки); использования утерянных и похищенных документов для создания лжепредпринимательских структур, от имени которых производится реализация. Такое многообразие способов занижения выручки наряду с другими приемами должно присутствовать в числе обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ).

Проведённое изучение и анализ имеющейся практики позволило констатировать, что особенности расследования налоговых преступлений в значительной мере связаны и с планированием, которое начинается с момента поступления первичной информации о признаках преступной деятельности, отображаемой в совокупности следах, например, уклонения от уплаты налогов как физическими, так и юридическими лицами, предполагает необходимость учета большого объема различного рода документальных материалов, связанных с осуществлением финансово-хозяйственной деятельности, а также невозможность доказывания данных преступлений с использованием одних свидетельских показаний.

Кроме того, при планировании должны учитываться типы налоговых проверок и возможные инициативы в возбуждении уголовного дела (которые могут исходить от органов внутренних дел, прокуратуры, налогового органа или арбитражного суда), необходимость оперативного сопровождения длительного периода судебного

спора при возражениях недобросовестного налогоплательщика против решения налогового органа о взыскании недоимки. В ходе планирования не стоит также игнорировать комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных в первую очередь на документирование и нейтрализацию действий заинтересованных лиц по противодействию расследованию.

Наконец, к особенностям мы относим также предмет доказывания.

Как нам представляется, для уголовных дел рассматриваемой категории общеобязательным условием является наличие фактических данных¹, содержащих сведения о полном наименовании организации-налогоплательщика, её юридическом и фактическом адресе; о налогоплательщике, его государственной регистрации (с приобретением свидетельства или устава организации), об основных видах деятельности; о постановке налогоплательщика на налоговый учет в налоговом органе с присвоением индивидуального идентификационного номера налогоплательщика; о руководителях, главных бухгалтерах и других лицах, обладающих правом подписи финансовых документов налогоплательщика в течение налоговых периодов, когда совершено сокрытие объектов налогообложения, и к моменту истечения сроков уплаты налогов; о нормативных актах и порядке отражения в бухгалтерских документах данных о доходах или расходах.

Приведенные носители доказательственной информации заслуживают особого внимания при установлении обстоятельств, важных для правильного разрешения уголовного дела.

Мы хотим особо подчеркнуть концептуальные положения, вытекающие из анализа криминалистического обеспечения деятельности по расследованию уголовных дел о налоговых преступлениях.

Первый. Налоговое преступление нами рассматривалось как объект криминалистического исследования, которое характеризуется совокупностью признаков, имеющих значение для познания механизма данного преступления, а также организации его раскрытия и расследования. Для познания самого механизма совершения налогового преступления, на наш взгляд, необходимы обобщенные знания о личности преступника, специфических признаках объекта указанного вида преступления, особенностях обстановки и способах его совершения.

Второй. Как известно, расследование налоговых преступлений сопряжено с неоднозначной, спорной правовой оценкой действий виновных, поскольку данное деяние часто выступает частью механизма совершения иных более тяжких преступлений, связанных, например, с легализацией денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, а также недостатками в организации своевременного раскрытия.

Третий. Мы склонны считать, что криминалистическое обеспечение расследования налогового преступления и частная методика расследования отдельного его вида являются парными научными категориями, они соотносятся между собой как частное и целое. Частная

¹ Под предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) мы понимаем совокупность фактических обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, и имеющих правовое значение, т.е. обеспечивающих правильное применение норм различных

отраслей права. По налоговым преступлениям имеется «свой» предмет доказывания и с учетом его происходит формирование системы доказательств по уголовному делу.

методика расследования отдельного вида налогового преступления содержит структурированный обширный и многоаспектный комплекс криминалистических знаний о его расследовании.

Одновременно мы исходим из того, что содержание криминалистического обеспечения расследования налоговых преступлений составляют информационная основа, которая может быть представлена в виде криминалистически значимых уголовно-правовых признаков указанного преступления и типичной криминалистической модели его механизма совершения, а также прикладная основа, которая может быть представлена особенностями проверочного и первоначального этапов расследования уголовных дел о налоговых преступлениях.

Четвертый. Криминалистическое обеспечение расследования налоговых преступлений невозможно в отрыве от описания криминалистически значимых признаков данного преступления, т.е. криминалистической его характеристики. Мы считаем, что отдельные уголовно-правовые признаки имеют криминалистическое значение, поскольку их учет позволяет разработать рекомендации по установлению и доказыванию направленности умысла лица на совершение противоправного деяния – уклонение от уплаты налогов.

По мнению исследователей и практиков, на сегодня нужна типичная криминалистическая модель механизма налогового преступления, наличие которой позволит: 1) изучить криминалистические особенности и выявить отличительные признаки, способствующие точной и правильной квалификации указанного вида преступления; 2) установить механизм его совершения; 3) выявить все обстоятельства налогового преступления, установить их взаимосвязь; 4) ориентировать следователя и оперативного сотрудника на поиск и закрепление характерных следов рассматриваемого вида преступления; 5) разработать типовую программу его расследования.

Пятый. Мы твердо убеждены в том, что в тактико-криминалистическом отношении расследование налогового преступления предстает в виде решения двух задач: 1) установление лица, причастного к совершению указанного противоправного деяния; 2) доказывание виновности лица в совершении им преступления. Что же касается методико-криминалистического отношения расследования налогового преступления, то оно предстает в виде четырех последовательных этапов: проверочный, первоначальный, последующий и заключительный. Следует учесть, что каждый из этапов имеет характерные цель, задачи и средства для их разрешения. Практика идет по пути разработки по каждому этапу типовой программы, в которой находят отражение следственные ситуации, типовые следственные версии с перечнем вопросов, подлежащих разрешению, тактика наиболее значимых и сложных следственных действий, особенности взаимодействия следователя с сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел, а также возможности использования специальных знаний, информационно-справочных систем.

Нельзя не отметить востребованность разработки научно-практических рекомендаций, касающихся организации проверочного и первоначального этапов расследования налогового преступления. Рекомендации, на наш взгляд, должны содержать такие вопросы, как

порядок взаимодействия лиц, участвующих в раскрытии и расследовании налогового преступления, компетенции участников и их пределы, действия по координации, а также комплекс задач и средств по их разрешению.

В заключение следует отметить, что знание самого механизма криминалистического обеспечения деятельности по расследованию налоговых преступлений, его особенностей, методики расследования во многом способствует избежать возможных ошибок при осуществлении указанной деятельности.

Коваленко Эдуард Дмитриевич

*Донбасская юридическая академия
кандидат юридических наук
(Донецк)*

СООТНОШЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОПТИМИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КЛЮЧЕВЫМИ СУБЪЕКТАМИ СЕКТОРА БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 343.125

Аннотация: в статье раскрыт содержательный анализ материалов об информации, как системе знаний в отдельном секторе и типологии информационных систем. Информация определяет содержание и направление общения, формирует позиции и убеждения. В приведённом состоянии информация из багажа знаний превращается в продукт. При этом содержание и характер информации формируют ценностное отношение к объекту использования.

Ключевые слова: информация, технологии, использование, мeroпрямтия, основание.

Abstract: the article presents thorough analysis of materials pertaining information as a system of knowledge in a particular sector and typology of information systems. Information determines the content and course of communication, forms positions and beliefs. In the given state, information is transformed from the background knowledge into a product. At the same time, the content and nature of the information form a values-based attitude to the object of use.

Key words: information, technology, use, measures, basis.

В условиях глобальной цифровизации понятие «информация» рассматривается с вопросами использования различных информационных и компьютерных технологий, разработки и применения моделей общения и принуждения. Именно поэтому информация считается важнейшим стратегическим ресурсом. На практике использование информации является социально-политической задачей. Аналитическое осмысление методологических, тактических и стратегических задач относительно использования информации требует развитие вопросов её применения в секторе государственной безопасности.

Для полного осознания роли информации в науке и практике, следует определить её роль и сущность в видовом разнообразии, основные свойства, особенности, поскольку однозначное официальное толкование относительно обозначенных проблем на данный момент динамично развивается.

Универсальный характер информационного пространства способствует процессам упорядочения информации, и облегчает её аккумуляцию, а стремление к наиболее полному отображению самых значительных событий, препятствует их рассеиванию в информационном пространстве [1, с. 44].

Среди разносторонней информации, существующей в различных сферах отношений, наиболее конструктивное значение для сферы деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, имеет криминалистическая информация. Следует отметить, что криминалистическая информация – это информационное поле, представляющее собой совокупность криминалистической информации о признаках, характеризующих отдельные элементы состава преступления или механизм преступления в целом.

Информационное поле формируется в процессе проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, всех видов экспертиз. Ко всему прочему на каждом этапе расследования преступления, в зависимости от признаков состава преступления, механизма совершения, тактических особенностей проведения следственных действий, проведения экспертных исследований, использования результатов оперативно-розыскных мероприятий, информационное поле находит особую структуру и содержание [2, с. 19].

Таким образом возможно сделать заключение, что информационное поле формируется информационными формами. Информационная форма – это по сути и есть информация по поводу совершенного преступления. Такая информационная форма может быть процессуальной или непроцессуальной, носить оперативно-розыскной характер. Возникает вопрос: возможно ли к такой форме отнести информацию разведывательного характера?

Рассмотрим сравнительную характеристику оперативно-розыскной и разведывательной информации. Оперативно-розыскная информация, как и разведывательная информация – это ведомости об определённых фактах, выявленные, зафиксированные и изъятые не всегда процессуальными способами, средствами и методами [3, с.8]. На основании такой информации можно делать выводы о наличии признаков преступления, причастности тех или иных лиц к его совершению, а также устанавливать иные обстоятельства, относительно механизмов совершения преступления.

Оперативно-розыскная информация является производной оперативно-розыскной деятельности специальных органов. Такая информация необходима в том числе и для принятия на её основании процессуальных решений. Разведывательная информация – это продукт деятельности специальных служб, причём деятельности разведывательной. Такая информация необходима для принятия на её основе решений, относительно тактики и стратегии политических вопросов в области международных отношений, обороны, экономики, защиты национальных интересов государства. Причём следует обратить внимание на такой фактор, что значимость решаемых задач обуславливает необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий по обеспечению собственной безопасности.

Результат разведывательной деятельности отличается от результатов оперативно-розыскной деятельности, своим более аналитическим содержанием. Информационно-аналитическая работа разведывательных служб выступает в качестве одного из важнейших факторов, влияющих на деятельность всего внешнеполитического механизма государства. В свою очередь информационно-разведывательная работа правоохранительных органов, выступает в качестве факторов, существенно влияющих на деятельность и исход уголовного судопроизводства.

Не углубляясь в анализ далёкого исторического прошлого, а проанализировав только некоторые исторические факты 90-х годов XX века, можно без сомнения сделать вывод, что самостоятельно ни одна специальная служба не в состоянии обеспечить безопасность отдельной личности, безопасности общества в целом, наконец безопасности государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

Факторами начала распада Югославской Федерации (1918 - 1992) считают смерть Иосипа Броз Тито (президент СФРЮ 1953 - 1980), державшего под особым контролем деятельность разведки Югославии (Служба државне безбедности).

Наиболее эффективная спецслужба за всю мировую историю – Министерство государственной безопасности ГДР (Штази), во время «мирной революции» декабря 1989 – января 1990 года, было захвачено «разгневанными гражданами». 8 декабря 1990 года председатель Совета Министров ГДР Ханс Модров объявил о роспуске Министерства, а 14 декабря 1990 года правительство приняло решение о ликвидации Министерства Государственной безопасности ГДР. Так Staatssicherheit (8 февраля 1950 – 14 декабря 1990) прекратило своё существование.

Центральный союзно-республиканский орган государственного управления СССР в сфере обеспечения государственной безопасности, самая могущественная за всю мировую историю спецслужба – КГБ СССР (13 марта 1954 – 3 декабря 1991), прекратила своё существование. На основании не предусмотренного Конституцией СССР принятия Советом Республик Верховного Совета СССР закона № 124-Н «О реорганизации органов государственной безопасности», ликвидация КГБ, как органа государственного управления, была узаконена.

Основания не законны, но вполне понятны. Относительно причин, то таковых всего две. Первая причина – смерть руководителя государства, а вторая – политическая несостоятельность лидера. Политическую несостоятельность в свою очередь можно разложить на производные. Причём эти производные разлагаются на объективные и субъективные.

В существующих геополитических реалиях доминирует принцип политического реализма. То есть превалирующее значение для гарантированной безопасности и сохранения суверенитета страны имеет её силовой компонент. Однако никакая армия, вооружённая сверхмощным ядерным оружием, не спасёт суверенитет государства, хотя ядерный потенциал обеспечивает некоторое время необходимое равновесие. Спецслужба – вот ведущая производная концепции национальной безопасности в руках руководителя государства.

Эффективность работы специальных служб в контексте концептуальной политики национальной безопасности государства рассматривается по некоторым ключевым направлениям. Это реформирование и развитие системы национальной безопасности. Поиск и развитие механизмов контроля над деятельностью специальных служб. Оптимизация и развитие отношений между субъектами сектора безопасности. Каждое из этих направлений нуждается в детальном научно-практическом исследовании. Мы рассмотрим некоторые вопросы отношений руководителя государства и спецслужб.

Начнём с того, что президент принимает стратегические решения в сфере национальной и международной

безопасности. Для их реализации руководитель государства использует политический анализ, как совокупность различных научных методик, с помощью которых исследуются конкретные политические события и политические ситуации, создаются научно-обоснованные прогностические предположения относительно их дальнейшего развития.

Политический анализ готовится руководителю государства разведкой по линии МИД и по линии государственной безопасности. Это очень важный момент. Трудно, но именно в этот момент нужно переиграть «оппонентов». Необходимо предельно корректно не допустить к работе по подготовке политического анализа привлечение «внешних» сил – независимых аналитических центров, общественных негосударственных организаций (даже лояльных к власти), иностранных экспертов и многих других «советников», якобы содействующих качественному принятию политических решений.

Как только «советники» почувствуют несостоятельность руководителя государства, начинается работа по устранению руководителя специального ведомства, обвинению в тирании и тоталитаризме.

К слову не нужно бояться угрозы тоталитаризма. У эффективного государственного деятеля тоталитаризм совсем не в могуществе силовых структур, а в развитии противовесов, которые не позволяли сделать шаг к произволу – это независимые суды, адвокатура, влиятельная пресса, контролируемые общественные организации.

На примере политического кризиса, сложившегося в Украине в конце 2013 года, «кто-то» очень активно использовал ситуацию для дискредитации и ослабления правоохранительной системы и спецслужбы в частности. Эти «кто-то» смогли поймать волну политического кризиса с целью запланированных одновекторных политических манипуляций и ограничить полномочия правоохранительных органов. Кампания по дискредитации СБУ, МВД Украины, прокуратуры, суда достигла больших объёмов на всех уровнях. Внешнее финансирование различных акций, а иногда и псевдо политических решений, сделало невозможным исполнение работниками правоохранительной системы своих обязанностей, превратило престижную работу по охране правопорядка в презираемую профессию. Заметим, СБУ владело такой важной информацией. Вопрос: в каком виде политический анализ был доведён президенту.

Украина «уникальное» государство. Ещё во времена своего первого пришествия на должность Председателя Верховной Рады Украины (май 2002 – май 2006 года) Владимир Литвин заявлял, что СБУ недостаточно обеспечивает безопасность Украины, подвержена политическим влияниям, не руководствуется законами и не полностью выполняет свои функции. Второе пришествие Владимира Литвина (декабрь 2008 – декабрь 2012 года) и снова его заявление, что СБУ не информирует Верховную Раду о своих кадровых изменениях, в деятельности СБУ имели место неоднократные факты несоблюдения Конституции и законов. На заседаниях разных уровней государственно-управленческого аппарата отмечалось о наличии вакантной должности председателя СБУ на протяжении более чем двух лет (декабрь 2006 – март 2009).

Начиная с февраля 2010 года, наёмная пропаганда в средствах массовой информации сформировала в обществе резко негативное отношение к стражам

безопасности государства. Под лозунгами борьбы за права человека, некоторые преступники оказались на свободе, а те, кто защищал конституционный строй, лишались должностей. Итоги бездеятельности главы государства и соответственно неиспользование работы спецслужб с февраля 2010 года и привело к ужасным последствиям.

Оперативной и разведывательной информации было достаточно, всё можно было исправить при анализе и эффективном использовании. В Турции ситуация в июле 2016 года была сложнее и более напряжённая чем в Украине в декабре 2013 года. Решающим и как оказалось судьбоносным было изменение вектора.

Основополагающим условием выполнения концепции национальной безопасности государства и как следствие эффективность работы специальных служб – является руководитель государства. Вся важная разведывательная информация, трансформированная в политический анализ, поступает руководителю государства, на основании чего принимаются необходимые геополитические решения. Это требует от сотрудников спецслужб наличия «стратегического мышления», что базируется на основах знания теории и практики безопасности, понимания основных опасностей и угроз, их количественных и качественных показателей, методов анализа факторов риска и, что особенно важно, основных направлений обеспечения безопасности, а также умения на практике реализовывать теоретические положения.

Несостоятельность руководителя государства и разбалансировка работы спецслужбы доводят до ситуации, когда деятельность МВД, прокуратуры, суда будет фактически парализована. Тогда авторитет «заказчиков» многократно превысит авторитет правоохранителей, то есть органов государственной власти. Повторение этого апокалипсиса даже трудно себе представить.

Поэтому общество должно понимать и защищать систему, потому что в какой-либо системе только сбалансированность всех механизмов даёт эффективный результат работы. Именно отсутствие этой работы приведёт к ужасным последствиям. И тогда никакие ожидания не будут иметь оправдания.

Каким образом защищать систему. Один из способов – это правильное распределение и использование информационных потоков.

На лицо отличие состава и содержания аналитической информации, как результат разведывательной деятельности, от оперативно-разведывательной информации – результат оперативно-разведывательной деятельности органов, ведущих борьбу с общеуголовной преступностью.

Двойственный характер информации объясняется сложностью и многообразием её проявлений. Информационно-содержательные процессы в социальной среде сектора национальной безопасности постепенно будут подталкивать к реструктуризации концептуальной модели оперативно-розыскной деятельности, без разрушения системы. Во-первых – это оперативно-разведывательная деятельность, во-вторых – это процессуально-розыскная деятельность. При этом необходимо не отождествлять систему разведывательной деятельности, относимой согласно законодательству к компетенции разведывательных органов. Это вызвано универсальностью феномена информации и стремительно изменяющимися процессами её отражения.

Литература:

1. Информация – феномен общий и универсальный: Кат. выст. / Ред.: Е.А. Медведева, Л.И. Романова, Г.О. Дугинова и др.- Х.: ХГНБ им. В.Г. Короленко, 2002. - 93с.
2. Сулейменов Д.И. Концептуальные основы использования информации при раскрытии преступлений: Автореферат дис. доктора юрид. наук. - Киев, 1997. - 45с.
3. Птицын А.Г. Использование оперативно-розыскной информации на предварительном следствии: Проблемная лекция по спецкурсу криминалистики. - Киев: Высшая школа, 1977. - 40с.

Кошман Владимир Алексеевич

*Крымский филиал ФГОУ ВПО
«Российский государственный университет
правосудия», кандидат юридических наук
(Симферополь, Россия)*

Паламарчук Анастасия Владимировна

*Крымский филиал ФГОУ ВПО
«Российский государственный университет
правосудия»
(Симферополь, Россия)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАЩИТНИКОМ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 347.965

Аннотация. В статье рассматривается законодательная и практическая проблематика института защитника в Российской Федерации. Критическому анализу подвергается адвокатская деятельность в ситуациях при наличии коллизионных норм и пробелов законодательства. Подчеркивается проблематичный и неоднозначный характер осуществления некоторых полномочий адвоката.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, уголовный процесс, институт защитника, законодательство.

Annotation. Problems of law and practice of defender institution in Russian Federation are reviewed in the article. Counsel activity is critically analyzed in situations when there are collisions of norms and legislation gaps. It is stated that some counsel powers have ambiguous and problematical character.

Key words: counsel activity, criminal procedure, institution of defender, legislation.

На данном этапе развития государственных отношений в Российской Федерации институт защитника играет важную роль в защите прав и свобод подозреваемых и обвиняемых в процессе судопроизводства. В связи с этим большое значение приобретает рассмотрение современных проблем в реализации защитником своей деятельности.

Российское законодательство имеет совокупность проблемных аспектов, касающихся данного элемента уголовного судопроизводства – стороны защиты. Из-за динамического развития, нестабильности и внесения больших поправок и изменений, носящих несовершенный и фрагментарный характер (касательно уголовно-процессуального кодекса) порождает наличие правовых пробелов, а то и нормативно-правовых коллизий. Поэтому мы остановимся на данных актуальных проблемах подробнее.

Для раскрытия темы для начала нам необходимо изучить понятие защитника. Ученые, задействованные в практической юридической деятельности объясняют значение термина "защита" как реакцию на обвинение, которая предполагает собой совокупность правовых обязанностей, направленных на охрану и защиту невиновности подсудимого, а также его законных прав перед

судебным органом. В соответствии со ст. 49 УПК РФ защитником могут быть наравне с адвокатом близкие родственники. [1]. Тем самым, законодатель выделяет ряд лиц, которые осуществляют такую же процессуальную функцию, как и адвокат-защитник. Стоит отметить, что они могут вступить в процесс только на стадии судебного рассмотрения.

Таким образом, из этого может следовать то, что со стороны защиты может быть лицо, которое не обладает достаточными и необходимыми профессиональными знаниями, и навыками, что противоречит гарантии на оказание квалифицированной юридической помощи

Даная проблема находится вне рамок законодательной позиции, направленной на установление монопольной деятельности адвоката по оказанию юридической помощи, однако, адвокаты имеют превышающий объем полномочий, в отличие от других лиц – представителей. В рамках уголовного судопроизводства адвокатская монополия проглядывается и это приводит к дискуссии, ведь адвокаты отнюдь не единственные юристы, обладающие профессиональными юридическими знаниями и необходимой квалификацией, это также и не является стопроцентным показателем - гарантией результативности осуществления деятельности адвокатом в уголовном процессе. Такое положение, по нашему мнению, нарушает свободу конкуренции, ведь иные юристы, обладающие опытом и знаниями не хуже адвокатов.

На практике по сей день существует проблема качества оказания юридической помощи адвокатами, которые назначены государством, а именно – адвокаты, приглашенные соответствующими органами и должностными лицами для участия в деле. Данная деятельность некоторыми адвокатами воспринимается как формальность, следовательно, полномочия реализуются возможно не в "полную силу". Некая халатность и работа не в полную меру может повлиять на принимаемые судом решения и судьбу подзащитного.

Также хотелось бы выделить такую проблему, как законодательные пробелы некоторых из полномочий адвоката. Таковой является деятельность по собиранию и формированию доказательственной базы. На данную проблему обращает внимание Баева К.М., ей точно определен характер недостаточности одних только Методических рекомендаций по реализации прав адвоката, принятых Федеральной палатой адвокатов РФ 22 апреля 2004 г. протокол № 5 [5]. Пункт 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ устанавливает право защитника собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений. Органы предварительного расследования получают предметы, документы, имеющие значение для дела путем производства обыска, выемки и иных следственных действий. Адвокат в уголовном процессе такими полномочиями не обладает.

Попыткой предложить унифицированный механизм, который регулировал бы полномочия адвоката по собиранию доказательств стали Методические рекомендации по реализации прав адвоката, принятые Федеральной палатой адвокатов РФ 22 апреля 2004 г. протокол № 5. В данном документе закреплен рекомендуемый порядок фиксации действий адвокатов по собиранию доказательств. Однако, на наш взгляд, данные рекомендации не защищают «доказательства», представляемые стороной защиты. Полагаем, что отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве детальной регламентации процедуры получения предметов, документов и

инных сведений влечет необоснованные решения об отказе в приобщении собранных адвокатом доказательств к материалам уголовного дела.» [6, с. 180-181]

Другой проблемой является де-факто отсутствие в процессе реальной состязательности, потому что сторона защиты в уголовном процессе во многом зависит от стороны обвинения. Это проявляется в том, что защитник подает ходатайства, в том числе о приобщении доказательств следователю. Так как не менее значимая в плане обеспечения уголовного преследования должность следователя с точки зрения его влияния на формирование обвинения играет существенную роль в обеспечении доказательственной базы рассматриваемой функции, наравне с другими органами предварительного следствия и прокурора. [8]

Еще одним фактором против реализации института защитников, как органа государственной власти выступают противоречия между государственными органами, что не способствует их слаженной работе, имеющей разные цели. Примером может выступать межведомственный конфликт между Следственным комитетом Российской Федерации и прокуратурой, цели которых приблизительно идентичны, относящиеся к стороне обвинения. Это также может сказываться в отрицательном ключе на уголовном судопроизводстве.

Кроме стороны обвинения и суда, адвокат-защитник при осуществлении своих полномочий сталкивается с представителями других государственных структур, а именно - с администрацией мест принудительного содержания. С этим связана группа других проблем. Так одной из них является допуск адвоката к подзащитному, находящемуся под стражей. Основным камнем преткновения является сохранение конфиденциальности таких свиданий. Это связано с тем, что на них распространяется режим адвокатской тайны, однако не имеется запрета на проведение при таких свиданиях оперативно-розыскной деятельности, что является нарушением конфиденциальности и такого рода свиданий. Исходя из этого, мы считаем внести изменения в закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] устанавливающие прямой запрет на проведение таких действий.

Также нередко в своей практике адвокаты сталкиваются с тем, что их не допускают к своим подзащитным, если они находятся в карцере, либо подвержены другим видам наказаний за нарушение дисциплины внутри мест принудительного содержания. В такой ситуации, недопустимо наложение ограничений на право адвоката на свидание со своим подзащитным, так как положения закона об «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] напрямую не предусматривают каких-либо ограничений, равно как и такое ограничение является нарушением прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания.

Конституционный Суд подчеркнул в своем решении особую значимость безотлагательного обеспечения осужденному права пригласить для оказания юридической помощи адвоката (защитника) и реальной возможности воспользоваться ею, а также указал, что администрация исправительного учреждения не вправе отказать в удовлетворении заявления осужденного о свидании с приглашенным им адвокатом.[7] Поэтому, если защитник столкнулся в своей деятельности с подобными ограничениями, то ему следует сослаться на соответствующее постановление, а в случае повторного отказа обжаловать такие действия в суд.

Одним из залогов успешного осуществления адвокатом-защитником своих полномочий является использование современных методов коммуникации, в том числе использование таких электронных средств, как ноутбук и смартфон. Однако в данной области у защитника тоже могут возникать проблемы. Связаны они также с местами содержания под стражей. Так ст. 18 Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» 15 июля 1995 г N 103-ФЗ [4] устанавливает, что защитнику запрещается проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись. На территорию места содержания под стражей защитник вправе проносить копировально-множительную технику и фотоаппаратуру только для снятия копий с материалов уголовного дела.

На наш взгляд такие положения закона явно ограничивают права адвоката-защитника, впрочем, как и самого подзащитного. Во-первых, такие средства существенно облегчают работу адвоката и фиксацию необходимых данных, во-вторых, они позволяют отобразить аудиовизуальную информацию, например, - видеозапись. Исходя из этого, мы считаем, что нормы нуждаются либо в введении прямой обязанности администрации мест принудительного содержания по созданию таких условий.

Также одним из спорных вопросов является вопрос, касающийся сферы конфиденциальности. Ведь адвокат, как лицо, которое получило сведения являющиеся конфиденциальными, в соответствии с профессиональной этикой не вправе их разглашать, а данный факт может повлечь за собой привлечение к ответственности. Но как показывает практика, бывают случаи, когда защитнику необходимо рассказать информацию, которая относится к разделу адвокатской тайны. Примером ситуации является дача показаний в случае возникновения незаконной деятельности со стороны обвинения, обычно следователя. Источником таких сведений может быть не только сам подсудимый, но и адвокат. Благодаря этому суду и другим компетентным органам могут стать полезными и необходимыми те сведения, которые могут сыграть критическую роль для разрешения дела. Встает вопрос о том, каким образом это следует наиболее правильно и компетентно реализовать. На наш взгляд, это стоит реализовать таким путем как: подача адвокатом ходатайства о допросе в качестве свидетеля, при этом адвокат должен получить письменное согласие подзащитного на разглашение таких сведений, при его отсутствии это должно влечь за собой недопустимость таких показаний, если они касаются сведений, которые стали известны защитнику от подозреваемого/обвиняемого. Таким образом, это может обезопасить подзащитных от распространения конфиденциальной информации и оговоров со стороны защиты.

Итак, мы выявили целый ряд проблем на законодательном уровне, которые следовало бы разрешить. Среди наиболее общих в Российской Федерации стоило бы выделить отсутствие четкой концепции развития института защитника в уголовном процессе при наличии коллизии норм, или же законодательных пробелов, и реализации таких норм на практике. Это требует проработки цельной концепции - систематического закона с изменениями. Еще одной проблемой выступает преобладания идеи адвокатской монополии на участие в

уголовном процессе. Тем самым, действующее законодательство нуждается в ряде изменений, и, они должны носить комплексный, что позволило бы усовершенствовать данный институт уголовного судопроизводства для эффективной реализации как прав и свобод подозреваемого/обвиняемого, так и эффективной реализации принципа состязательности.

Литература:

1. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // "Парламентская газета", N 241-242, 22.12.2001
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // "Парламентская газета", N 10, 05.06.2002 г.
3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" // "Российская газета", N 160, 18.08.1995 г.
4. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" // Российская газета, N 139, 20.07.95
5. Методические рекомендации по реализации прав адвоката, Федеральная палата адвокатов РФ 22 апреля 2004 г. протокол № 5.
6. Баева К.М. "собрание" доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – №2;
7. Семеняко Е.В. Бесплатный защитник // ЭЖ-Юрист, 2008, N 9. (СПС «Консультант Плюс»);
8. Ястребов В.Б. О деятельности стороны обвинения в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. №1.

Кустов Анатолий Михайлович

доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МОДЕЛИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена дискуссионным вопросам, связанным с новым направлением в науке – цифровые системы в криминалистике. Дается авторское видение содержания цифровой системы, предложено направление в использовании цифровое моделирование модели механизма совершенного преступления.

Ключевые слова: цифровая модель, компьютерное моделирование, механизм совершенного преступления, следовательно, преступник, потерпевший, информационная модель.

Abstract. The article is devoted to discussion issues related to a new direction in science – digital criminology. The author's vision of the content of digital criminology is given, and the direction in using computer modeling of the model of the mechanism of the committed crime in the preliminary investigation is suggested.

Keyword: model, computer simulation, mechanism of the committed crime, investigator, criminal, victim, information model.

Анализ следственно-судебной практики показал, что гражданское общество и правоохранительная практика требуют быстрого научного и практического (прикладного) становления нового направления в криминалистической технике – цифровые технологии в криминалистике.

Цифровые технологии, используемые в расследовании совершенных преступлений, давно вышли за рамки обеспечения их расследования, совершенных в сфере компьютерной информации, а также при назначении и производстве сложных компьютерно-технических и иных судебных экспертиз. Сегодня отдельные отрасли криминалистической техники изучают и исследуют данные, обнаруженные на цифровых устройствах и связанные с совершением различных экономических и технических преступлений.

Криминалистические знания в этой сфере, в основном, используются для выявления объективных закономерностей функционирования информационно-коммуникационных технологий:

а) в преступной деятельности, направленной на воспрепятствование нормальному функционированию информационных систем и их компонентов;

б) в преступной деятельности, направленной на использование последних в качестве орудий или средств совершения иных преступлений;

в) в криминальной деятельности по созданию или изменению информации на электронных носителях, в информационно-телекоммуникационных сетях и т.д.

В прошедшие годы учеными-криминалистами исследовались и на их основе разрабатывались рекомендации: а) по собиранию цифровой информации с выполнением технических процедур обеспечения ее юридической значимости; б) по исследованию цифровой информации, сохраненной в отдельных информационных объектах, а также в информационной среде электронного носителя информации для нужд следствия; в) по оценке полученных результатов, соотношения их с действиями виновного и использования для квалификации преступного деяния и определения направления будущего следствия; г) по интеграции цифровых доказательств в систему существующих судебных доказательств с соблюдением процессуальной формы их получения и т.д.

Современные исследования материалов уголовных дел привели нас к выводу о том, что возможности цифровых технологий реализуются крайне не достаточно. Так, без внимания ученых-криминалистов осталось еще одно направление в развитии криминалистического обеспечения расследования преступлений – это реализация такого метода как цифровое моделирование.

Известно, что криминалистическая модель представляет собой искусственно созданную систему, воспроизводящую с определенной степенью сходства, заменяемый ею объект, явление или процесс, связанный с исследуемым криминальным событием. Изучение и проверка модели позволяет получить новые знания об оригинале и использовать их для решения поставленных перед следователем задач по расследованию совершенных преступлений.

Анализ следственно-судебной практики показал, что с первых минут расследования следователь сталкивается со сложностями, связанными со значительным дефицитом информации о событии преступления, его маскировкой, отсутствием данных о преступнике или потерпевшем и о многих иных обстоятельствах совершения преступления. Более того, версии, строящиеся на первоначальном этапе расследования, обычно содержат разрозненные сведения, избылируют большим количеством пробелов. Только по мере проверки полученной информации о происшедшем событии и лицах они проверяются, корректируются, уточняются и совершенствуются.

Сегодня набирает оборот прогрессивное компьютерное моделирование произошедшего крупного события с тяжкими последствиями:

- авиакатастрофа с человеческими жертвами;
- дорожно-транспортное происшествие со смертельным исходом;
- аварии на предприятиях, железнодорожном или водном транспорте и др.;

пожары на различных объектах с тяжкими последствиями и т.д.

Специалисты по первичной информации и по результатам обследования последствий происшествия формируют на компьютере по соответствующей программе цифровую модель произошедшего тяжкого события. Познавание и изучение такой модели: а) способствует проверке и получению новой информации; б) позволяет исследовать и объяснить связи между фактами и явлениями, а также определить способы совершенного деяния и образовавшихся последствий; в) представляет возможность определить или вскрыть взаимосвязь и взаимообусловленность между действиями как прямых, так и косвенных участников события и т.д.

С учетом имеющихся цифровых технологий, компьютерных программ и наличия штатных программистов в следственных подразделениях можно и нужно моделировать произошедшее криминальное событие.

Необходимо отметить, что исходной точкой компьютерного моделирования механизма совершенного преступления является предварительный этап проверки материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или его отказе.

Начальная стадия компьютерного моделирования характеризуется следующими операциями: а) сбор, изучение, логическое упорядочение и мысленная переработка первичных фактических данных; б) выделение из имеющегося информационного фонда сведений, относящихся к отдельным элементам механизма преступления, обстановке, в которой совершено криминальное событие, и личности преступника и потерпевшего; в) построение системы версий об обстоятельствах содеянного и неизвестных внешних признаках преступника или потерпевшего; г) использование личных криминалистических знаний и опыта расследования аналогичных дел для построения мысленной модели механизма преступления; д) использование криминалистической характеристики данного вида (подвида) преступления; е) использование родовой типовой модели механизма или схожего преступления и т.д.

Объектами компьютерного моделирования, на наш взгляд, могут быть различные криминальные обстоятельства, условия и состояния, которые, в целом, могут описать механизм конкретного совершенного преступления, отдельные его элементы, поведенческие акты преступника, потерпевшего и других участников события.

Анализ материалов уголовных дел показал, что источниками данной информации могут быть:

а) следователь (в сознании которого сформировалась информационная модель механизма совершенного преступления);

б) подозреваемый (в сознании которого имеется модель механизма будущего преступления и информация по совершенным действиям);

в) потерпевший и свидетель-очевидец (в сознании которых сохранилась информация о произошедшем криминальном событии);

г) вещественные и иные доказательства (которые на себе несут информацию о совершенном преступлении и его участниках);

д) эксперт и специалисты (которые выявили и закрепили доказательственную или дополнительную информацию о совершенном преступлении).

Данная компьютерная модель, как правило, является моделью информационной. Она замещает недостающие звенья, пробелы в объяснении фактов, способствует отысканию доказательств и раскрытию неизвестного. Она упорядочивает полученную информацию в определенную систему и позволяет истолковывать и оценивать свойства и качества процесса, явления или объекта познания. При этом она является версионной моделью, поскольку допускает различное толкование данного объекта или явления.

Данная цифровая модель произошедшего события, на наш взгляд, может способствовать: а) выявлению неизвестных объектов и лиц, связанных с преступным событием, и их поведенческие акты; б) установлению событий, которые предшествовали, сопутствовали и последовали после преступления; в) установлению происхождения и связи между фактами, их временной и пространственной характеристик, устранению противоречий между фактами; г) определению направления поиска неизвестного и всего хода расследования и т.д.

Анализ следственной практики показал, чтобы обеспечить полное и всестороннее расследование, следовательно необходимо обращаться, прежде всего, к подобной компьютерной модели механизма совершенного и им расследуемого преступления. Она непосредственно знакомит его с конкретной обстановкой места происшествия, с поведенческими актами подозреваемого, потерпевшего и другими непосредственными участниками преступного события, с документами, вещами, отдельными объектами и предметами окружающей среды и т.д.

Модель раскрывает существо произошедшего события, его внутренние процессы взаимодействия и связь между фактами, она становится информационным фондом и тем средством, которое способствует установлению причинно-следственных и пространственно-временных связей между элементами механизма совершенного преступления. Это связано с тем, что компьютерное моделирование отталкивается от известных закономерностей механизма преступления более высокого уровня, определяющих характер взаимосвязей и взаимодействий различных элементов механизма преступления, а также от конкретных известных ему элементов, которые могут быть использованы в качестве деталей создаваемой модели.

Формирование целостной компьютерной модели механизма совершенного преступления поможет следователю (дознавателю) решить следующие задачи:

а) объяснить факты, произошедшие явления, обладающие признаками преступления;

б) дать уголовно-правовую оценку исследуемому событию и соответственно правильно квалифицировать деяния правонарушителя;

в) установить и объяснить пространственно-временные и причинно-следственные связи в расследуемом событии;

г) установить такие связи между действиями участников события и теми изменениями, которые произошли в материальной обстановке;

д) установить и объяснить механизм следообразования;

е) определить направление поиска известных или неизвестных материальных последствий, а по систематизированной криминалистически значимой информации – преступника, неустановленных свидетелей и

косвенных участников преступного события или потерпевшего;

ж) определить направление поиска похищенного имущества, вещественных доказательств и иных носителей криминалистически значимой информации о самом преступлении и его участниках;

з) определить программу расследования на первоначальном, последующем, а затем и на заключительном этапе и ее тактику и т.д.

На основе разработанной компьютерной модели механизма совершенного преступления работники соответствующих правоохранительных органов (и с данным выводом ученых-юристов мы согласны) могут решать следующие задачи:

- по внешним признакам, изложенным в показаниях очевидцев и потерпевшего, по признакам способов совершения преступления, предмета посягательства, орудий и средств достижения преступного результата устанавливают преступника;

- организуют техническое, оперативное, кадровое и информационное обеспечение планируемой деятельности по раскрытию и расследованию преступления;

- оценивают ход и результаты проделанной работы, принимают решение о направленности, содержании и характере работы на следующем этапе расследования и т.д.:

- получают новую информацию о самом преступлении или его участниках;

- моделируют личности неустановленных участников преступного события, предметов хищения, орудий и средств достижения преступного результата для их дальнейшего поиска;

- разрабатывают операции по поиску преступника, потерпевшего или очевидца преступления;

- уточняют программы собирания дополнительных данных о предмете доказывания, фактах, имеющих вспомогательное значение, и т.д.

Куркова Наталья Алексеевна

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
кандидат юридических наук, доцент
(Калининград, Россия)*

Макарова Олеся Александровна

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
кандидат юридических наук (Калининград, Россия)*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ ПРИ ЕГО ДОПРОСЕ В СУДЕ

УДК 343.98

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы использования криминалистического учения о личности свидетеля в судебном допросе. Представлены проблемы оценки достоверности показаний свидетеля в судебном следствии и защиты свидетелей в уголовном судопроизводстве. На основе анализа следственной и судебной практики делается вывод о необходимости дальнейшей разработки теоретических основ криминалистического изучения личности свидетеля в суде.

Ключевые слова: изучение личности свидетеля, судебный допрос, достоверность показаний, защита свидетелей в суде.

Annotation. The article deals with topical issues of the use of forensic teaching about the identity of a witness in a judicial interrogation. The problems of assessing the reliability of witness

testimony in a judicial investigation and witness protection in criminal proceedings are presented. Based on the analysis of investigative and judicial practice, it is concluded that it is necessary to further develop the theoretical foundations of the forensic study of the identity of a witness in court.

Keywords: study of the witness's identity, judicial interrogation, reliability of testimony, protection of witnesses in court.

На сегодняшний день определённый интерес среди учёных и практиков вызывают вопросы участия свидетеля в расследовании преступлений. Как отмечает Славгородская О.А., обращение к проблемам изучения личности свидетеля связано с отсутствием единого, научно-разработанного криминалистического учения о личности свидетеля [1, с. 316]. С другой стороны, на практике возникают сложности тактического и методического характера, связанные с получением достоверных свидетельских показаний.

Как показал анализ уголовных дел, один из недостатков следственной практики – это бессистемное изучение личности свидетеля, что приводит к односторонности и неполноте его исследования. В связи с этим некоторые обстоятельства уголовного дела остаются невыясненными. Восполнить недостатки предварительного расследования в какой-то степени можно в судебном разбирательстве.

Иногда свидетель в суде даёт информацию, которую он не сообщил следователю в ходе допроса. Поэтому государственный обвинитель или защитник могут упрекнуть его во лжи. Однако, это может быть следственной ошибкой, так как на предварительном расследовании были упущены данные сведения, следователь не выяснил подробности. Этот пример свидетельствует о важности изучения личности свидетеля, как в теории, так и в практике.

Весьма интересна статистика по участию свидетелей в уголовном судопроизводстве. Каждый пятый свидетель в судебном заседании изменяет первоначально данные показания в сторону, которая благоприятствует обвиняемому [2, с. 90]. Каждый четвертый свидетель по тем или иным причинам отказывается от своих показаний в ходе судебного разбирательства или не является в суд вовсе. По результатам социологического опроса только 14 % граждан согласны содействовать правосудию при условии обеспечения им защиты [3, с. 16]. Ежегодно в России свидетелями тяжких и особо тяжких преступлений становятся более 11 млн. человек. Из них 2,5 млн. в ходе судебных заседаний из-за боязни мести со стороны обвиняемых, подсудимых изменяют показания, именно страх мести является главным препятствием для оказания содействия правосудию [4, с. 6].

Нестабильное эмоциональное состояние также является зачастую причиной наличия расхождений в показаниях свидетеля. Кроме того, что допрашиваемое лицо пережило стресс, став очевидцем преступления, это же лицо переживает и тяжелое эмоциональное потрясение от нахождения в зале суда, необходимости дачи объяснений и, следовательно, необходимости повторного припоминания неприятной информации. Давая показания, лицо мысленно возвращается в негативную обстановку происшествия и вновь переживает неприятные события [5].

Адельханян Р. А. и Аминов Д. И. в качестве причин дачи ложных показаний свидетелем рассматривают страх мести со стороны обвиняемого, подсудимого; наличие взаимной или односторонней неприязни по

отношению к обвиняемому (подсудимому), в связи с чем, возникает желание ухудшить его положение; нежелание принимать участие в следственных и судебных действиях [6, с. 126].

Наиболее частыми случаями дачи ложных показаний свидетелями является желание освободить обвиняемого (подсудимого) от уголовной ответственности или добиться смягчения наказания. Также нередки случаи, когда свидетели дают ложные показания при допросе по причине оказания на них давления заинтересованными лицами. Свидетелями, которые дают ложные показания чаще всего оказываются лица, которые непосредственно либо косвенно связаны с обвиняемым или потерпевшим. Сокрытие правды при допросе осуществляется по разным мотивам в зависимости от того, какие отношения сложились у свидетеля с обвиняемым или потерпевшим. Например, мотив мести, желание защитить родственника, желание скрыть свою причастность к преступлению, избежать мести со стороны обвиняемого, подсудимого [7].

Как показывает анализ уголовных дел по делам о преступлениях, совершенных организованной преступной группой, показания свидетелей часто напрямую влияют на результат рассмотрения уголовного дела судом.

22 июля 2014 года в подмосковном городе Одинцово был убит 43-летний Алексей Захаров – ключевой свидетель по уголовному делу в отношении одного из лидеров ореховской преступной группировки Дмитрия Белкина (Белок). Утром, когда А. Захаров вышел из дома своих родственников, преступник произвел в него восемь выстрелов. Свидетель находился под государственной защитой, так как в ходе следствия ему угрожали расправой, требуя изменения показаний.

Федеральный закон от 20.08.2004 (ред. 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» предусмотрел возможность применения в отношении свидетеля, его близких родственников и близких лиц мер безопасности при наличии достаточных данных о том, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными деяниями. Только 2% опрошенных следователей считают предпринимаемые в отношении свидетелей меры безопасности достаточными.

Одна из главных свидетельниц обвинения по делу казанской организованной преступной группы «Хади Такташ» Юлия Гаврилова, находящаяся под защитой государства, не дожидаясь судебного заседания. В канун 2002 года она была найдена мертвой в собственной квартире, смерть наступила от отравления угарным газом.

Ежегодно в отношении 3000 свидетелей и их родственников осуществляются такие меры безопасности как личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, переселение в безопасное место, изменение внешности с помощью грима. Защита одного человека ежемесячно обходится федеральному бюджету в среднем в 200 тысяч рублей, а охрана предоставляется на год-два.

Допрос свидетеля, находящегося под государственной защитой, в судебном заседании проводится в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства с учетом имеющегося технического оборудования. Например,

используется отдельное помещение в здании суда для передачи голоса свидетеля в искаженном виде в зал судебного заседания путем проводной или видеосвязи. Наиболее правильным представляется допрос свидетеля путем использования средств видеоконференц-связи с обязательным применением программного обеспечения, изменяющего голос свидетеля в целях сохранения его анонимности, либо при помощи веб-камер и мониторов компьютеров, находящихся на столе судьи в зале судебного заседания и в засекреченной комнате, где находится свидетель. Ведь судья должен визуально наблюдать свидетеля, в том числе с помощью технических средств видеонаблюдения. Очевидно, что нахождение свидетеля в зале суда в переодетом виде или в соседнем помещении без изменения вида и голоса не могут способствовать целям обеспечения его безопасности.

Работу видеоконференц-связи обеспечивают секретари судебного заседания и помощники судей [8]. Однако технические проблемы возникают довольно часто. Даже в ходе одного заседания приходится прерываться для возобновления трансляции в связи с потерей звука или изображения. Участники судебного заседания в случае необходимости должны повторить уже озвученные ранее позиции по уголовному делу. Нередки ситуации, когда качество видеоконференц-связи совсем низкое, что не позволяет лицу в полной мере донести до суда свою позицию, а судье правильно воспринять и дать надлежащую оценку показаниям свидетеля. Несмотря на удобство системы видеоконференц-связи, она не может заменить живое общение в суде. К сожалению, современная видеосвязь очень сильно искажает коммуникацию со свидетелями, а значит, важные фрагменты их показаний могут быть потеряны либо неверно интерпретированы, невозможно отследить невербальные сигналы.

Учитывая искажения и помехи при изменении голоса свидетеля под псевдонимом, технические возможности оборудования, судья дублирует свидетелю вопросы, задаваемые сторонами, ответ поступает в зал судебного заседания при помощи установленных динамиков. Такую особенность следует учитывать государственному обвинителю и защитнику при формулировании вопросов свидетелю, которые должны быть краткими и содержательными одновременно.

При поступлении провокационных вопросов со стороны защиты, направленных на установление личности свидетеля, не связанных с обстоятельствами дела (например, где проживает свидетель, при каких условиях познакомился с подсудимым и т.п.), государственный обвинитель должен незамедлительно ходатайствовать перед судом об их снятии, мотивируя это тем, что ответы на поставленные вопросы приведут к рассекречиванию свидетеля, что может отрицательно сказаться на его безопасности.

Очевидно, что допрос анонимного свидетеля в суде требует тщательной к нему подготовки. Должны быть изучены материалы уголовного дела, проанализированы показания свидетеля под псевдонимом, учтены разногласия показаний свидетеля с показаниями других допрошенных лиц по делу и др. При необходимости выяснения тех или иных обстоятельств может потребоваться проведение дополнительных допросов и повторных с целью устранения противоречий с показаниями других лиц и результатами исследования вещественных доказательств и т.п. При допросе свидетелей в ходе судебного

заседания особое значение для сторон имеет установление психологического контакта с допрашиваемым лицом, правильно подготовленные вопросы, учет особенностей личности свидетеля и умение распознавать ложные показания посредством применения тактических приемов. Конкретное их применение зависит от сложившейся ситуации [9].

Весьма эффективным, на наш взгляд, является использование метода ситуационного моделирования для разрешения ситуаций, когда нужно распознать и оценить достоверность показаний свидетеля. По мнению Волчецкой Т. С., участниками допроса осуществляется деятельность, представляющая собой мыслительный процесс, целью которого является выстраивание перспективной модели предстоящего допроса и прогнозирование различных тактик его проведения в зависимости от различных ситуаций и многовариантных возможностей развития событий [10, с.12].

В ходе реализации основной стадии допроса свидетелей можно выделить ключевые проблемы, определяющие следующие психологические задачи:

- 1) диагностика и оценка состояния психофизиологических, познавательных процессов, памяти, уровня и характерных особенностей мышления;
- 2) выбор и применение психологических способов активизации памяти, стимулирования мышления, восстановления ассоциативных связей;
- 3) психологический анализ поведения свидетеля до, в момент и после совершения преступления;
- 4) психологическая диагностика личностных особенностей свидетеля: социальной направленности, убеждений и т.д.;
- 5) диагностика отношений свидетеля к событию преступления, лицам, его совершившим, наступившим последствиям;
- 6) оперативный анализ и оценка невербальных реакций свидетеля, особенно при диалоговом этапе допроса;
- 7) оперативное изменение тактики допроса на основании перечисленных факторов;
- 8) применение специальных психологических приемов распознавания и преодоления умышленного искажения фактов.

Значение указанных моментов может существенно различаться в зависимости от каждой конкретной ситуации.

Представляется, что можно выделить несколько распространенных судебных ситуаций, которые могут возникнуть при проведении допроса свидетеля:

1. Свидетель даёт правдивую и достоверную информацию. Как правило, данная категория свидетелей не заинтересована в исходе дела.
2. Свидетель говорит правду, но насколько достоверна эта информация неизвестно, так как допрашиваемое лицо добросовестно заблуждается или забыло некоторые факты. Следует помнить, что правдивые показания не всегда бывают объективными (достоверными).

Так, например, 19 августа 2014 года в Калининграде на пересечении Московского проспекта и улицы Кутайской переходил дорогу мужчина. При этом машины в крайнем и среднем ряду, несмотря на разрешающий сигнал светофора, движения не начинали, а пропускали гражданина К. Когда мужчина подошел к крайней полосе, его сбил автомобиль золотистого цвета марки «Ауди-100». Водитель автомобиля двигался на

разрешающий сигнал светофора, но из-за стоявших автомобилей в двух соседних полосах поздно заметил переходящего дорогу пешехода и сбил его. Пешеход получил травмы средней степени тяжести.

По делу в суде был допрошен свидетель. В частности, судья задал вопрос свидетелю-пешеходу: «Поясните, видели ли вы, на какой свет светофора (для пешеходов) начал переходить дорогу пешеход, которого сбили?». Свидетелем дан следующий ответ: «Я не видел, на какой свет светофора для пешеходов начал движение данный пешеход, возможно, что на зеленый. Но в тот момент, когда его сбил автомобиль, свет светофора для пешеходов был красным» [11].

3. Свидетель даёт заведомо ложные показания, так как он заинтересован в исходе дела. В большинстве случаев такие свидетели прямо или косвенно связаны с событием преступления и возможно причастны к нему.

Так, например, свидетель по уголовному делу, был оштрафован на 20 тыс. рублей за дачу ложных показаний. Мужчина дал заведомо ложные показания, обеспечив алиби своему знакомому, который являлся обвиняемым по делу о грабеже. Несмотря на то, что суд предупредил мужчину об ответственности за дачу ложных показаний, свидетель все же решил помочь своему знакомому. В результате суд Центрального района г. Калининграда признал лжесвидетеля виновным по ч. 1 ст. 307 УК РФ [12].

Для того, чтобы максимально точно и объективно оценить показания свидетелей необходимо провести их анализ с позиций наличия в них логики и согласованности, учитывать условия воспроизводства показаний и интенсивность процесса припоминания; проверить источники полученной информации; обратить внимание на новые факты, а также сопоставить показания между собой и иными доказательствами, имеющимися в деле. Важно помнить, что со временем процесс припоминания замедляется и по истечению определенного времени свидетелю достаточно сложно вспомнить некоторые детали происшествия или точную хронологию событий.

После пережитой психотравмирующей ситуации допрашиваемые лица часто излагают факты необъективно, преувеличивая или излишне детализируя одни обстоятельства и обобщая другие. Поэтому их показания могут быть признаны недостоверными не только по причине умышленного искажения фактов, но и вследствие воздействия физиологических особенностей восприятия, наличия помех для наблюдения [13, с. 204]. В связи с этим важным является единообразие показаний свидетелей, особенно если нет вещественных доказательств.

Так, например, вечером 4 ноября 2012 года в районе зоопарка в г. Калининграде нетрезвый молодой человек приставил острый предмет к горлу незнакомой ему девушке и стал спрашивать, сколько стоит ее жизнь. В этот момент у нее звонил телефон. Потерпевшая держала его в руке. Молодой человек отобрал у нее телефон и отключил. Она стала звать на помощь, вскоре подъехали работники полиции. Молодой человек, увидев их, убежал, однако был задержан позже при патрулировании улицы. При нем были обнаружены ключи, но телефона при нем не было. В связи с этим встал вопрос о том, достоверны ли показания потерпевшей. Было опрошено более 10 друзей потерпевшей, и все они заявили, что она честный человек, не склонный к фантазиям. Показания были признаны судом достоверными [14].

Таким образом, изучение личности свидетеля как в криминалистике, так и в уголовном процессе тесно взаимосвязаны и представляет собой комплекс свойств лица, который является участником уголовного судопроизводства. Так, комплекс свойств свидетеля имеет решающее значение для вынесения законного и обоснованного приговора в отношении подсудимого. Таким образом, весь спектр сведений о личности свидетеля приобретает криминалистическое значение и используется судом для решения тактических задач.

Представляется, что сфера применения криминалистического учения о личности свидетеля в процессе его допроса в суде может не только ограничиваться вопросами тактики судебного следствия, но и носить комплексный характер. Проблема криминалистического изучения личности свидетеля в суде, на наш взгляд, должна рассматриваться в нескольких плоскостях: в сфере уголовного судопроизводства, общей теории криминалистики, криминалистической техники, тактики, криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений. И в том числе, с учётом основ предмета криминалистики [1, с. 318].

Во-первых, закономерностей механизма преступления – с целью изучения поведения и действий свидетеля в суде (как составной элемент динамической системы механизма преступления: субъект преступления – отношение субъекта преступления к своим действиям и последствиям преступной деятельности и соучастникам – предмет преступного посяательства-способ совершения преступления – преступный результат – обстановка преступления (время, место, условия) – поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками события и т.д.). Действия, движения и поступки лиц, случайно или косвенно связанные с событием преступления, как элемент механизма преступления [15, с. 179; 16, с. 4].

Во-вторых, закономерностей, связанных с информационной составляющей события преступления и личности свидетеля, как носителя идеальных следов преступления.

В третьих, закономерностей работы с доказательственной информацией и рекомендациями по актуализации памяти свидетеля и установления психологического контакта.

Подводя итог исследованию вопроса об использовании криминалистического изучения личности свидетеля в процессе судебного допроса, можно отметить, что судебное следствие крайне сложно представить без участия свидетеля. Представляется, что тактические и методические рекомендации судебного допроса должны обеспечить единство линии поведения свидетеля, как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства, а также в целях обеспечения безопасности участия свидетелей в процессе рассмотрения дела в суде.

Литература:

1. Славгородская О.А. Криминалистическое изучение личности свидетеля // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. 2015. № 5-6. С. 315-321.
2. Волчецкая Т.С., Бедризов А.Г. Криминалистическое изучение личности свидетеля: основные методы // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. 2012. № 9. С. 90-97.
3. Зайцев Е.О. Государственная защита анонимного свидетеля в сфере уголовного судопроизводства РФ и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 32 с.

4. Богданов В. Говорите, вас защищают // Российская газета. 2014. № 6372 (100).

5. Помаз Г.С. Использование возможностей психологической науки при производстве допроса подозреваемых, обвиняемых и потерпевших // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 79-83.

6. Криминалистика: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2015. 615 с.

7. Рычкалова Л. А. Проблемные аспекты тактики допроса свидетелей // Общество и право. 2013. № 4. С. 167-169.

8. Регламент организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401.

9. Гавло В.К., Курчев В.С., Удовиченко В.С. Ситуационный подход в разрешении следственных ситуаций, возникающих при допросе подозреваемых и обвиняемых по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ // Известия Алтайского государственного университета. Серия Право. 2014. № 2(28). С. 122-128.

10. Волчецкая Т. С. Ситуационное моделирование в расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 23 с.

11. Архив Калининградского гарнизонного военного суда за 2014 г. Уголовное дело № 20/12/0043-14Д.

12. За ложные показания свидетель оштрафован на 20 тыс. рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/incidents/1293357-za-lozhnye-pokazaniya-svidetel-oshtrafovan-na-20-tys-ru-bley.html>.

13. Аминов Н.И., Давыдов Н.А., Кокурин А.В. Юридическая психология. М., 2015. 304 с.

14. Архив Калининградского гарнизонного военного суда за 2012 г. Уголовное дело № 20/14/0055-12Д.

15. Белкин П.С. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. П.С. Белкина. – М.: Норма, 2001. – 990 с.

16. Кустов А.М. Моделирование механизма совершённого преступления при производстве следственного осмотра // Информационный бюллетень Московской государственной академии приборостроения и информатики. – М., 2003. № 4. С. 4-11.

Куценко Максим Валерьевич

Нижегородская академия МВД России
кандидат юридических наук
(Нижний Новгород, Россия)

ПРИОРИТЕТ УПРЕЖДАЮЩИХ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 343.3

Аннотация. В статье исследуются вопросы оперативно-розыскной профилактики в деятельности подразделений собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации при выявлении и раскрытии преступлений. Автор приходит к обоснованному выводу о приоритете упреждающих и профилактических мер в обеспечении собственной безопасности органов в системе МВД России.

Ключевые слова: подразделения собственной безопасности, органы внутренних дел, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная профилактика.

Annotation. The article examines the issues of operational and investigative prevention in the activities of internal security units of the internal Affairs bodies of the Russian Federation in the detection and disclosure of crimes. The author comes to a reasonable conclusion about the priority of pre-emptive and preventive measures in ensuring the own security of bodies in the system of the Ministry of internal Affairs of Russia.

Keywords: divisions of their own security, internal Affairs agencies, operational and investigative activities, operational and investigative prevention.

Стабильное функционирование органов внутренних дел (далее – ОВД) и противостояние влиянию внутренних и внешних угроз невозможно без существования и развития в системе МВД России сферы обеспечения собственной безопасности. При этом особая роль в

создании приемлемых условий для этого отводится подразделениям собственной безопасности ОВД (далее – ПСБ).

Из всего спектра многочисленных угроз наиболее опасными являются те, что создают реальную опасность для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России. Среди таких угроз собственной безопасности выделяются уголовно-наказуемые деяния, совершаемые сотрудниками, гражданскими служащими и работниками системы МВД России (далее – сотрудники ОВД) на идеологической основе либо из корыстных побуждений или иной заинтересованности при осуществлении своих полномочий в условиях недостаточного уровня социальной и правовой защищенности, порождающего высокий уровень коррупционной предрасположенности (уязвимости).

В этой связи на первый план выходит задача предупреждения, выявления и пресечения правонарушений (в том числе преступлений и иных видов противоправных деяний), планируемых к совершению, совершенных либо совершаемых сотрудниками ОВД подразделений, находящихся в оперативном обслуживании. И эта задача является приоритетом в работе ПСБ, которые преимущественно в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) выявляют более половины преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД.

С учетом сказанного, на фоне высокой сменяемости личного состава ОВД, необоснованных решений, принимаемых в сфере подбора, расстановки и ротации кадров, многочисленных нарушений законности и социальной справедливости в организационно-управленческих и социальных вопросах со стороны руководителей (начальников) всех уровней системы МВД России деятельность сотрудников ПСБ по выполнению возложенных на них задач осуществляется, исходя из приоритета применения указанными подразделениями упреждающих и профилактических мер.

Такой подход полностью отвечает духу Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации [1] и согласуется с результатами опроса 45 руководителей подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, а также следственных органов, ответственных за осуществление контроля за расследованием преступлений экономической направленности, территориальных органов МВД России на региональном уровне. Так, 90% опрошенных положительно воспринимают профилактику преступлений в полицейской среде, а к числу самых эффективных мер борьбы с должностными преступлениями в ОВД относят организацию ведомственного контроля, применение оперативно-профилактических мер и реализацию специальных полномочий сотрудниками ПСБ [4].

Приведенные суждения позволяют говорить об оперативно-розыскной профилактике, рассматриваемой в теории ОРД в качестве одной из форм оперативно-розыскного предупреждения. Поэтому для целей нашей статьи интерес представляет такое направление оперативно-розыскной профилактики, как выявление лиц из числа сотрудников ОВД, склонных к совершению преступлений и оказание на них индивидуального профилактического воздействия (индивидуальная профилактика).

Не подвергая сравнительному анализу точки зрения, существующие в теории ОРД по поводу понятия и

содержания оперативно-розыскной профилактики, рассмотрим отдельные проблемы, связанные с реализацией сотрудниками ПСБ своих полномочий на объектах оперативного обслуживания. К слову сказать, перечень таких объектов, находящихся в сфере оперативного обслуживания ПСБ, определен приказом МВД России от 03.07.2018 № 421 [3].

Очевидно, что Главное управление собственной безопасности выполняет функции головного подразделения в системе МВД России в сферах обеспечения собственной безопасности, противодействия коррупции. В то же время аналогичные функции возложены и на ПСБ территориальных органов МВД России на региональном уровне. Исходя из этого, использование оперативно-розыскных сил, средств и методов при выявлении сотрудников ОВД, причастных к совершению преступлений, является для ПСБ наиболее действенным инструментом. Следует подчеркнуть, что в ОРД ПСБ указанные меры должны реализовываться комплексно, активно и наступательно в ходе поисковой работы на объектах оперативного обслуживания. При этом цель данной поисковой работы соотносится с целью оперативно-розыскного предупреждения – недопущение совершения преступлений.

В этой связи для достижения указанной цели оперативно-розыскная профилактика предполагает решение ключевой задачи – установление и обеспечение оперативного контроля за деятельностью сотрудников ОВД, замещающих и (или) подготавливающих преступления. Иными словами, функция профилактики правонарушений сотрудников ОВД выражена в выявлении и нейтрализации предпосылок угроз собственной безопасности ОВД. В этой задаче, как в фокусе, преломляются и все остальные (задачи), возложенные на ПСБ. Достаточно указать основные из них:

- реализация государственной политики в сферах обеспечения собственной безопасности, противодействия коррупции, государственной защиты сотрудников ОВД и их близких;
- реализация мер обеспечения собственной безопасности в подразделениях, находящихся в оперативном обслуживании, предотвращение проникновения в них лиц, преследующих противоправные цели;
- противодействие коррупции, разработка и реализация мер по вопросам деятельности ПСБ в подразделениях, находящихся в оперативном обслуживании;
- предупреждение, выявление и пресечение правонарушений, планируемых к совершению, совершенных либо совершаемых сотрудниками ОВД подразделений, находящихся в оперативном обслуживании, а также выявление их коррупционных связей [2].

Приведенные задачи демонстрируют, что состояние защищенности системы МВД России от различного вида угроз обеспечивается совокупностью согласованных правовых, организационно-управленческих, оперативно-розыскных, режимных, социально-психологических, воспитательных, пропагандистских и иных мер, вовсе не направленных только лишь на достижение целей уголовного судопроизводства. Хорошей иллюстрацией к сказанному являются ежегодные результаты работы ПСБ по приоритетным направлениям. К ним, в частности относятся:

- выявление фактов причастности должностных лиц системы МВД России к нелегальному игорному бизнесу;

– выявление, пресечение и профилактика правонарушений, совершаемых сотрудниками ОВД в ходе осуществления полномочий в сферах контроля и декриминализации объектов потребительского рынка;

– выявление должностных лиц ОВД, причастных к противоправной деятельности, связанной со сферой незаконной миграции;

– выявление и пресечение фактов причастности сотрудников ОВД к преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств;

– выявление преступлений коррупционной направленности, совершенных сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения.

Проводимый ГУСБ МВД России ежегодный анализ этих результатов работы территориальных органов ПСБ позволяет выделить закономерности, наличие которых объективно указывает на превентивный характер мер, осуществляемых ПСБ для решения возложенных на них задач. Так, к числу выявленных закономерностей относятся привлечение виновных сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности, проведение психофизиологических исследований с применением полиграфа, заведение дел оперативного учета.

Из этого следует, что в деятельности ПСБ большое внимание уделяется реализации оперативно-розыскной и иной информации, полученной в ходе организации и проведения проверок по поступившим жалобам, сообщениям, заявлениям о противоправной деятельности сотрудников ОВД. Например, в 2018 г. в работе с жалобами и заявлениями граждан по результатам проверок, проведенных ПСБ, к дисциплинарной ответственности привлечено более 10000 сотрудников ОВД, возбуждено 452 уголовных дела. На указанном направлении работы ПСБ концентрируются наиболее выраженные по своей значимости и эффективности средства, используемые в ходе оперативно-розыскной профилактики.

Высказанное нами суждение основано на уяснении принципов обеспечения собственной безопасности системы МВД России, среди которых сочетание гласных и негласных методов и средств в обеспечении собственной безопасности и их комплексное использование составляют сердцевину оперативно-розыскной профилактики.

С этой точки зрения под реализацией ОРИ в целях предотвращения преступлений мы понимаем использование документированной информации, полученной в ходе оперативно-розыскной и иной деятельности, прежде всего для оперативно-розыскной профилактики, а при выявлении признаков состава преступления – в интересах уголовного судопроизводства. Все это свидетельствует о реализации ОРИ в широком смысле, то есть когда полученную информацию можно использовать максимально эффективно в целях обеспечения собственной безопасности ОВД. В этом случае документирование не будет являться самоцелью, чего нельзя сказать про сегодняшнее состояние дел, связанное с оценкой результативности ОРД ПСБ по выявлению преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД.

В то же время, констатируя использование оперативно-розыскных сил, средств и методов при выявлении сотрудников ОВД, причастных к совершению преступлений, как наиболее действенный инструментальный оперативно-розыскной профилактики, следует признать, что в настоящее время эффективность его использования на практике весьма низкая. Главной причиной, по

нашему мнению, является ограниченность ПСБ в осуществлении превентивной работы на объектах оперативного обслуживания. Поэтому необходимо совершенствовать правовое обеспечение прежде всего ОРД ПСБ, в рамках которого выделять инициативно-поисковую деятельность как основную с точки зрения принятия упреждающих и профилактических мер.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что посредством принятия именно оперативно-профилактических мер в сочетании с оперативно-розыскными силами, средствами и методами можно нейтрализовать и ликвидировать конкретные угрозы собственной безопасности в системе МВД России, а значит обеспечить стабильное функционирование ОВД.

Литература:

1. Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.01.2013 № 1 (ред. от 28.02.2018 № 116) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2020).

2. Об утверждении Положения о Главном управлении собственной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 16.06.2011 № 679 (ред. от 14.02.2020 № 67) // СПС СТРАС «Юрист» (дата обращения: 13.03.2020).

3. О некоторых вопросах оперативного обслуживания при обеспечении собственной безопасности в системе МВД России: приказ МВД России от 03.07.2018 № 421 // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 16.03.2020).

4. Приводятся результаты анкетирования по заранее разработанным вопросам 45 руководителей оперативных и следственных подразделений ОВД, принимавших участие в период с 11 по 13 сентября 2019 г. во Всероссийском совещании-семинаре на тему «О повышении эффективности служебной деятельности и методического обеспечения вопросов борьбы с преступлениями в сфере экономики и коррупцией» на базе Нижегородской академии МВД России.

Мещеряков Владимир Алексеевич

*Воронежский государственный университет
доктор юридических наук, профессор
(Воронеж, Россия)*

Пошвин Алексей Леонидович

*Российский государственный университет правосудия,
Центральный филиал
(Воронеж, Россия)*

Цурлуй Олеся Юрьевна

*Российский государственный университет правосудия,
Центральный филиал
кандидат юридических наук, доцент
(Воронеж, Россия)*

ЭЛЕКТРОФОТОГРАФИЧЕСКИЕ КОПИИ КАК ОБЪЕКТ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

УДК 34.343.98

Аннотация. В статье исследуется возможность и целесообразность исследования копий документов в рамках почерковедческой экспертизы. Авторы исследовали особенности методики исследования копий документов. В частности, проанализированы сохраняющиеся и искажающиеся признаки почерка, в зависимости от способа изготовления копий. В целях полноценного использования копий документов как объекта почерковых исследований, были сформулированы специфические требования к таковым.

Ключевые слова: экспертиза, электрофотографические копии, почерковедческая экспертиза, исследование документов, подпись, почерк

Abstract. The article examines the possibility and feasibility of studying copies of documents in the framework of handwriting expertise. The authors investigated the features of the method of studying copies of documents. In particular, we analyzed the remaining

and distorted features of handwriting, depending on the method of making copies. In order to fully use copies of documents as an object of handwriting research, specific requirements were formulated for such documents.

Key words. expertise, electrophotographic copies, handwriting expertise, re-search of documents, signature, handwriting

Традиционно, объектами почерковедческих исследований выступали оригинальные почерковые объекты, выполненные чаще всего на бумаге и реже на иных носителях, таких как, папирус, пергамент, а в России еще и на бересте. Сами объекты почерковедческого исследования рассматривались как результат отражения почерка на конкретном материальном носителе.

При этом в соответствии с наиболее популярным определением под почерком понимается фиксируемая в рукописи, характерная для каждого пишущего и основанная на его письменно-двигательном навыке система движений, с помощью которой выполняются условные графические знаки [3].

Более строгое определение раскрывает понятие почерка как индивидуальный динамически устойчивый зрительно-двигательный образ графической техники письма, получающий реализацию с помощью системы движений в рукописи [2, С. 166].

В ранний исторический период изготовление дубликата письменного документа сводилось к созданию тем же способом нового документа самим же автором или другим человеком. Достаточно вспомнить писцов (писарей), которые профессионально занимались переписыванием книг и документов от руки.

Практически одновременно с изготовлением дубликатов книг и документов возникла задача определения авторства почеркового объекта, для решения которой стали разрабатываться различные экспертные методики.

Первые методики были исключительно субъективны. Эксперт непосредственно через свои зрительные органы воспринимал представленные на исследование объекты и, опираясь на собственные знания и накопленный опыт, делал соответствующие выводы и формировал экспертное заключение.

В дальнейшем для исследований почерковых объектов начали проводиться простейшие измерения их элементов – расстояний, углов, радиусов, что позволило ввести количественные признаки и положить начало научному исследованию почерка. Все эти измерения проводились методом сопоставления исследуемого объекта с различными измерительными приборами (линейками, угольниками, транспортирами и т.п.).

Желание исследователя увидеть все большее количество мелких деталей исполнения почерковых объектов с одной стороны, а также совершенствование пишущих инструментов, обеспечивающих возможность отражения на бумаге или ином материале самых мелких движений авторов с другой стороны, привело к широкому использованию оптических приборов (увеличительных стекол, луп и микроскопов).

Логическим развитием технологии применения оптических приборов в почерковедческих исследованиях в конце XIX начале XX века стало применение фотографической техники. С помощью данной техники появилась возможность изготавливать фотокопии изображений бумажных документов содержащих почерковые объекты. В результате можно было получить изображение почеркового объекта на фотографической пластине

или пленке, а затем перенести его на фотобумагу или иной предмет.

Принципиальной с точки зрения почерковедческой экспертизы особенностью данной технологии стало то, что при формировании фотографической копии документа в него могут очень просто вноситься (как умышленно, так и случайно) линейные, угловые и масштабные искажения признаков, как в процессе фотосъемки так и в процессе фотопечати.

Кроме этого в процессе создания фотографии возникали новые материальные объекты, содержащие изображение исходного почеркового объекта – фотопластинка или фотокартон, который уже сами могли выступать в качестве объектов для других видов экспертиз. Изначальное понимание сложной природы появления фотокопий привело к тому, что вопрос о возможности проведения почерковедческой экспертизы по фотокопии почеркового объекта практически не поднимался.

Появление электрофотографических средств копирования бумажных документов и развитие цифровой вычислительной техники (в первую очередь компьютеров) кардинально упростило процесс изготовления копий бумажных документов. Это в свою очередь поставило перед криминалистами и почерковедами новые задачи определения подлинников и копий различных документов, а также выяснения возможности проведения идентификационных и диагностических исследований по копиям почерковых объектов.

Копировальная техника первых поколений создавала копии документов путем практически прямого контактного взаимодействия (фактически наложения) оригинала и листа на котором формировался дубликат изображения. В результате такого копирования каких-либо изменений геометрических размеров, углов наклона и мест расположения почерковых объектов на бумажном носителе не происходило и все основные признаки, лежащие в основе почерковедческого исследования, не искажались. Таким образом, имелись обоснованные причины утверждать, что по электрофотографическим копиям, полученным на копировальных аппаратах ранних поколений, можно было проводить почерковедческие экспертизы. Одними из первых такую точку зрения высказали специалисты государственных экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации [1], которые активно стали производить почерковедческие экспертизы по копиям документов.

Принципиальные изменения в технологии исследования почерковых объектов стали происходить с началом активного развития компьютерной техники и оптоэлектроники. Зримым проявлением этого стало широкое внедрение электронных компьютерных микроскопов (например, USB-микроскопов), цифровых фотоаппаратов и сканеров.

Существующее на бытовом уровне представление о том, что современные электронные оптические приборы это такие же микроскопы, как и те, что использовались раньше, несмотря на все их внешнее сходство это опасная иллюзия.

Еще более опасная иллюзия заключается в том, что изображения, получаемые с использованием USB-микроскопа и монитора компьютера с комплексом программ графического редактора это то же изображение что мы наблюдали раньше в окуляре обычного оптического микроскопа.

Появление компьютерной техники, переход на цифровое представление информации привели к тому, что эксперт стал работать не с реальным физическим объектом исследования, а с его формализованной информационной моделью. Причем метод (алгоритм, технология) этой формализации заложены в конструкцию или состав программного обеспечения регистрирующего прибора, которым пользуется эксперт.

Таким образом, если мы просто наблюдаем изображение почеркового объекта на экране монитора компьютера, полученное из подключенного к нему USB-микроскопа, то следует помнить, что фактически в этот момент мы видим «отрисовку» формализованной информационной модели реального изображения созданного используемым прибором. Причем при этой «отрисовке» происходит сразу несколько преобразований исходного изображения: масштабных, угловых, цветовых и т.п. Вдобавок вариантов создания информационной модели изображения может быть великое множество. Достаточно привести примеры широко распространенных форматов представления только растровых изображений – BMP, JPG, PNG, TIFF, RAW и т.д. При этом следует помнить, что существуют еще и векторные форматы – SVG, AI, EPS, CDR, PDF.

В результате применения компьютерной техники для экспертных исследований эксперт непосредственно воспринимает уже не реальный объект (бумагу или иной материальный носитель с нанесенным на него почерковым объектом), а его воспроизведение из информационной модели тем или иным устройством (компьютерным монитором, лазерным или струйным принтером) с использованием той или иной технологии. При этом любая технология отображения обязательно включает в себя достаточно сложные информационные преобразования.

Так, например, если мы решим распечатать на обычном офисном цветном струйном принтере наблюдаемое на мониторе изображение, то увидим, что на мониторе картинка отображается с использованием трехцветной цветовой схемы RGB, а при печати на принтере используется цветовая схема CMYK, формируемая 4 или 6 цветами. Современные профессиональные цветные принтеры для получения качественной цветной картинки используют уже 8 цветов. При этом цвет и его насыщенность достаточно часто используется экспертом почерковедом при анализе почерковых объектов для определения степени нажатия пишущего прибора на материал подложки при выполнении надписи.

В результате, в условиях широкого применения компьютерной техники для проведения экспертных исследований, совершенно иначе должен ставиться вопрос об оригинале, копии или дубликате почерковых объектов и, соответственно, о возможности или невозможности их использования при проведении почерковедческих экспертиз.

При этом во главу угла вопроса о возможности производства экспертиз по копиям почерковых объектов должны ставиться используемая технология и непосредственные условия получения этих копий. Анализ особенностей получения копии почеркового объекта позволит определить претерпевают ли изменения при изготовлении копии признаки, используемые для решения идентификационных и диагностических задач. В том случае если изменения происходят, то насколько они существенны. Результаты анализа перечисленных условий дадут основания для вывода о пригодности или

непригодности копии почеркового объекта для проведения экспертного исследования.

Авторами в рамках проведения исследования, проанализирован ряд объектов в виде копий рукописного документа, выполненных двумя способами: с использованием копировально-множительного аппарата, в котором реализован электрофотографический способ печати; фотосъемкой документа, помещенного в подшивку документов и печатью изображения на капельно-струйном принтере.

В результате качественного анализа копий указанного объема почерковых объектов установлено, что ни один из общих и частных признаков почерка и подписи при изготовлении копий методом прямого копирования не претерпел значимых для решения экспертных задач искажений.

При фотокопировании почерковых объектов значимые искажения претерпели только общие признаки топографического, пространственно-ориентированного характера, а также отдельные признаки, характеризующие структуру движений по траектории.

Таким образом, большинство признаков используемых для решения идентификационных и диагностических задач почерковедческой экспертизы значимых изменений не претерпевают при изготовлении копии почеркового объекта, как методом электрофотографии, так и методом цифровой фотографии. Все это позволяет сделать следующие выводы.

Экспертные исследования копий почерковых объектов, изготовленных современными цифровыми методами копирования возможны, как с правовой, так и с методологической точки зрения. В ряде случаев, например, при утрате оригинала документа, это исследование может оказаться единственным способом получения доказательств по рассматриваемому делу.

Вместе с тем следует иметь в виду, что утверждение о возможности проведения почерковедческих экспертных исследований по копиям почерковых объектов не абсолютно и для его справедливости необходимо обязательное соблюдение ряда требований по технологии получения копии.

Литература:

1. Копии подписей в документах как объекты идентификационного почерковедческого исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1(1) // <http://www.sudexpert.ru/publishing/tipse.php>.
2. Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации / В.Ф. Орлова // Труды ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 6.
3. Почерк // Википедия. [2018–2018]. Дата обновления: 03.07.2018. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=93725616> (дата обращения: 06.11.2018)

Мироненко Сергей Юрьевич
Донбасская юридическая академия,
кандидат юридических наук, доцент
(Донецк)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

УДК 343.98

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой и криминалистической классификации убийств, совершаемых организованными преступными группами. Акцентируется внимание на необходимости разработки отдельной криминалистической классификации убийств, совершаемых организованными преступными группами.

Ключевые слова: убийство, организованная преступная группа, криминалистическая классификация.

Annotation. The article deals with the issues of criminal law and criminalistic classification of murders committed by organized criminal groups. Attention is focused on the need to develop a separate criminalistic classification of murders committed by organized criminal groups.

Key words: murder, organized crime group, criminal classification.

Длительное время в криминалистических целях использовалась уголовно-правовая классификация преступлений для решения различных задач. В уголовно-правовом смысле классификация преступлений – это разделение их на определенные группы в зависимости от характера и степени общественной опасности. По данной классификации деление преступлений осуществляется по объекту: родовой, видовой. Необходимо отметить, что такая классификация преследует уголовно-правовые цели (цели квалификации деяния) и не вполне соответствует криминалистическим подходам. Она может быть использована в криминалистике лишь как ориентирующее начало.

Однако использование уголовно-правовой классификации преступлений в криминалистических целях нельзя и недооценивать. Так, Р.С. Белкин отмечает, что без уголовно-правовой классификации совокупность отдельных криминалистических методик утратила бы признаки системы. Проследить связи между методиками оказалось бы невозможным из-за отсутствия основания их группировки, потребовалась бы разработка для каждой методики в отдельности того, что есть общего в их виде или роде, нарушилась бы логическая последовательность адаптации по принципу от общего к отдельному [1, с. 325].

Г.А. Матусовский указывает, что в основу криминалистической классификации преступлений должны быть положены два взаимосвязанных критерия: 1) уголовно-правовой, который определяет нормативную сущность классификации, предусмотренной законом; 2) криминалистический, который учитывает факторы, связанные со спецификой выявления и раскрытия преступлений различных видов в зависимости от особенностей предмета посягательства, обстановки приготовления, совершения и сокрытия преступления, его механизма и методов, типологии личности преступника, цели и мотивации преступных действий и др. [2, с. 366].

Криминалистическая классификация преступлений – необходимое условие эффективного их познания, основа для разработки соответствующих рекомендаций.

Криминалистические рекомендации не должны быть абстрактными, они предполагают определенную степень упорядочения и «видовую» направленность. Разработка научно обоснованных рекомендаций в методике расследования предполагает использование дифференцированного подхода.

Р.С. Белкин предлагает относительно классификации преступлений следующие группы: 1) по субъекту преступления (совершаемые единолично или группой; впервые или повторно; лицами, состоящими в особых отношениях с непосредственным объектом преступного посягательства, и не состоящими в таких отношениях; взрослыми преступниками и несовершеннолетними; мужчинами и женщинами); 2) по объекту преступления (по личности потерпевшего; характеру непосредственного предмета посягательства; по месту преступления; средствам и способам охраны предмета посягательства); 3) по объективной стороне состава преступления (способу совершения преступления; способу сокрытия преступления); 4) по субъективной стороне состава преступления (совершение с заранее обдуманным намерением; с умыслом, который возник внезапно; по неосторожности) [3, с. 91].

Заслуживают внимания основания криминалистической классификации преступлений, предложенные В.А. Образцовым. Как таковые основания автор называет систему признаков преступления: 1) признаки преступника; 2) мотив и цель преступления; 3) признаки объектов преступления; 4) признаки способов совершения преступления; 5) признаки процесса преступления; 6) признаки результатов преступления. Кроме этого, автор определяет как основания криминалистической классификации преступлений признаки систем, связанных с преступлениями: 1) признаки обстановки совершения преступлений; 2) признаки деятельности по выявлению и расследованию преступлений [4, с. 73-127].

Выделение вида преступления недостаточно для предложения и разработки рекомендаций криминалистического характера. Вид преступления охватывает различные подвиды или группы деяний. Поэтому формирование методики расследования преступлений в отношении вида или рода преступлений имеет общий характер, не отражает специфики конкретных типичных проявлений, а рекомендации носят абстрактный характер и зачастую не могут быть применены в определенном случае. А.Н. Колесниченко справедливо указывает, что деление преступлений на виды является необходимым, но не является исчерпывающим. Практике необходимы подробные методики, отражающие особенности отдельных видов, групп преступлений данного вида, поэтому нужна и дальнейшая классификация. Разделение преступлений в методике на подвиды и группы необходимо осуществлять по криминалистическим признакам [5, с. 14].

Рекомендации криминалистики по раскрытию и расследованию преступлений должны быть направлены на более мелкое деление преступлений, чем род или вид. Термин «вид преступлений» обычно связывается с представлением о конкретных составах, то есть именно с уголовно-правовой классификацией преступлений. Для построения же методики нужна другая классификация, объединение групп преступлений на другом основании [6, с. 181]. В этом плане представляют интерес предложения некоторых ученых о создании микрометодик или нетрадиционных методик расследования, рекомендации

которых направлены на подвиды (группы) преступлений.

Данную позицию фактически поддерживает О.Я. Баев. По его мнению, в основе конструирования и классификации традиционных отдельных методик лежит уголовно-правовая характеристика преступлений, их уголовно-правовые виды. Внутри их разрабатываются так называемые особые отдельные методики, формируемые с целью углубления конкретизации разрабатываемых криминалистических рекомендаций относительно объекта совершения этих преступлений, их мотивации и других оснований. Например, методика расследования краж имеет такой подвид (особую отдельную методику), как методика расследования квартирных краж, краж, которые совершаются с охраняемых объектов и др.; методика расследования убийств – методику расследования убийств, совершаемых по сексуальным мотивам, по найму и т. п. [7, с. 222].

Предложение целенаправленных рекомендаций, разработка микрометодик (особых отдельных методик) расследования убийств предполагает рассмотрение разнообразных их видов и подвидов (типов, групп), исследование возможностей криминалистической классификации. Именно основания классификации убийств должны стать отправной точкой в формировании микрометодик расследования этих преступлений.

Особую сложность раскрытия и расследования составляют убийства, совершенные участниками организованных преступных групп. Эти убийства отличаются по своей сути и характеристикам, требуют самостоятельного исследования, разработки необходимых рекомендаций по их пресечению, раскрытию и расследованию. В.И. Бояров отмечает, что изучение материалов уголовных дел данной категории, оперативной информации ряда ведомств, с определенной достоверностью позволяет прогнозировать дальнейшее увеличение числа таких убийств (или предположить, что их количество останется на каком-то постоянном, достаточно высоком уровне). Расследование таких дел имеет свои особенности, связанные в первую очередь с организованным характером преступных формирований, наличием в них сложной иерархической структуры и коррумпированных связей (в том числе в правоохранительных органах), что делает их крайне опасными, а преступления – дерзкими [8, с. 3-4]. Одним из самых опасных проявлений деятельности организованных преступных групп является совершение умышленных убийств.

Убийства, совершаемые организованными преступными группами, не являются однозначными по своему характеру и признакам проявления. В то же время эта категория преступлений может быть объединена в единую группу, что позволит выработать соответствующие рекомендации, направленные на борьбу с организованной преступной деятельностью. Совершение убийства организованной преступной группой независимо от подвита преступления характеризуется комплексом признаков, позволяющих диагностировать причастность такой группы на самых ранних этапах расследования преступления, избирать соответствующую стратегию и тактику борьбы с этими насильственными деяниями. Поэтому постановка вопроса о существовании такого подвита преступлений, как убийства, совершаемые организованными преступными группами, является правомерным.

В криминалистике малоисследованной остается проблема разработки отдельной криминалистической классификации убийств, совершаемых организованными группами. Такая классификация позволит группировать убийства по криминалистически значимым признакам, выделить группы (типы) убийств, требующих дифференцированного подхода, даст возможность сформировать методические рекомендации целевого назначения, создать микрометодики расследования данных видов убийств.

Таким образом, отдельная криминалистическая классификация убийств, совершаемых организованными группами, может быть сформирована с учетом ряда оснований разделения (группировки) преступлений:

– в зависимости от обстановки, в которой совершается убийство: а) убийства, совершаемые в условиях неочевидности; б) убийства, совершаемые в присутствии свидетелей;

– в зависимости от лиц, которые совершают убийство (лиц, которые непосредственно исполняют преступление): а) убийство совершает член организованной преступной группы (или группа боевиков); б) убийство совершает лицо, находящееся на содержании организованной преступной группы; в) убийство совершает лицо, которое наняли для совершения убийства;

– в зависимости от личности убийцы: а) убийство, совершаемое убийцей-дилетантом; б) убийство, совершаемое убийцей-профессионалом;

– в зависимости от орудий и средств, используемых организованной преступной группой во время совершения убийства: а) с применением огнестрельного оружия; б) с применением холодного оружия; в) с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ; г) с применением сильнодействующих веществ; д) с применением объектов механического и термического действия; е) с применением объектов, действие которых основано на использовании энергии электрического разряда, свойств радиоактивного распада; з) с применением других средств;

– в зависимости от механизма организации убийства: а) убийство по найму; б) убийство в процессе «разборки»; в) убийство, сопряженное с бандитизмом; г) убийство как результат террористического акта; д) убийство, связанное с похищением людей с целью выкупа; е) убийство, сопряженное с отчуждением жилья граждан; з) убийство, сопряженное с другими общеуголовными преступлениями.

Литература:

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – 480 с.
2. Криміналістика: Підручник для студентів юрид. спец. вищих закладів освіти / За ред. В.Ю.Шепітька. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2001. – 684 с.
3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – 2-е изд., доп. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
4. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 176 с.
5. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений: Текст лекции. – Харьков: Юрид. ин-т, 1976. – 30 с.
6. Танасевич В.Г. Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений // Советская криминалистика. Теоретические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 169-190.
7. Баев О.Я. Основы криминалистики: Курс лекций. – М.: Экзамен, 2001. – 288 с.
8. Бояров В.И. Убийства, совершаемые в процессе противостояния организованных преступных группировок (особенности расследования): Метод. пособие. – Харьков: КримАрт, 1997. – 132 с.

Михайлов Михаил Анатольевич

Таврическая академия Крымского федерального
университета имени В.И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

ОБУЧЕНИЕ ПРИЕМАМ СЛЕДСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ

УДК 343.985.1:378

Аннотация: Анализируется процесс создания учения о следственном (криминалистическом) мышлении и отмечается необходимость параллельно с разработкой теоретической составляющей, предлагать практические рекомендации по формированию навыков такого мышления, как у кандидатов в следственный корпус, так и у действующих следователей-практиков. Констатируется отсутствие комплексной дидактической программы выработки у обучаемых приемов следственного мышления. Приводится обзор техник и методик, применяемых педагогами и наставниками для подготовки будущих следователей за последние годы. Высказывается мнение о выявлении склонностей к следственной работе уже на этапе получения юридического образования. Обосновывается необходимость перехода от разрозненных педагогических попыток и экспериментов на занятиях по криминалистике, к созданию и введению в учебный процесс дисциплины «Основы следственного мастерства», с привлечением специалистов различного профиля.

Ключевые слова: следственное (криминалистическое) мышление, криминалистическая дидактика, отбор кандидатов в следователи, следственное мастерство.

Summary: The creation of investigative (forensic) thinking doctrine is analyzed. The necessity to propose practical recommendations for the development of such thinking skills of both candidates for investigative unit and current investigators in parallel with the development of the theoretical component is pointed out. Lack of comprehensive didactic program for development of investigative thinking techniques among trainees is reported. An overview of the techniques and methodologies used by pedagogues and tutors to train future investigators in recent years is provided. The opinion on determining of propensities to investigative work at the stage of legal education obtaining is expressed. The necessity to proceed from fragmented pedagogical attempts and experiments in forensic science classes to creation and introduction of discipline "Basics of Investigative Skills" into educational process with involvement of specialists in various fields is substantiated.

Key words: investigative (forensic) thinking; forensic didactic; investigator candidates selection; investigative skills.

Подготовка профессионала, обучение его азам специальности невозможны без использования, накопленного в этой сфере деятельности опыта, без результатов анализа успехов и неудач, без вовлечения в новичка в практическую работу под контролем и руководством наставника. При этом педагоги определяют специфику той или иной работы, выполняемой профессионально и эффективно, пытаются выяснить, какие личностные качества наиболее способствуют этому, и наоборот, кому в силу, определенных причин занятие этим видом деятельности не рекомендуется.

Следственная профессия характеризуется определенными требованиями к ее представителям в связи с необходимостью решения особых задач. Это и принятие решений в условиях недостатка сведений об обстоятельствах расследуемого события, и дефицит времени для обдумывания таких решений, и работа в условиях активного противодействия, и жесткие рамки правовых, этических, технических и финансовых ограничений, сковывающих творчество в расследовании. Успешный

следователь умеет обрабатывать фрагментированную информацию, объяснять нарушение причинно-следственных связей, выдвигать реальные версии случившегося, прогнозировать поведение фигурантов и дальнейшее развитие ситуации, диагностировать ложь и фальсификации.

Все эти особенности формируют у представителей следственного корпуса определенную специфику мыслительной деятельности, позволяющую нарабатывать навыки эффективной работы в этих условиях. Это дает право рассуждать о существовании определенного феномена следственного, или в более широком смысле, криминалистического мышления.

Наверное, впервые об этом заявили представители детективного жанра в литературе, наделяя своих героев какими-то необычными, даже сверхъестественными способностями по малейшим деталям, незаметным для рядового наблюдателя, судить об обстоятельствах произошедшего.

Действительно, умение следователя выдвигать жизнеспособные, перспективные версии - это определенный дар, который приходит со временем, основывается в какой-то мере и на житейском опыте, дает повод задуматься о существовании следственной интуиции и говорить об искусстве расследования.

В то же время следственная деятельность является объектом исследования не только специалистов в области юриспруденции, но и психологов, конфликтологов и даже психиатров.

Устанавливается степень и направленность отрицательного влияния этой профессии на личность следователя, его характер, поведение, психику. Принято считать, что у следователей гипертрофируются такие качества, как осторожность, скрупулезность, подозрительность, равнодушие.

С другой стороны объективность, способность игнорировать эмоции при принятии решений, умение распознавать ложь, аккуратность и педантичность, важные качества профессионала.

Все это дает повод задуматься над возможностью выявлять кандидатов в следственный корпус уже в стенах учебного заведения, о выработке у них определенных качеств и навыков следственной деятельности, в том числе и определенного склада мышления, характерного для представителей этой профессии.

Еще полвека тому назад редакторы прокурорского сборника «Следственная практика» утверждали, что следственная работа стихийно формирует необходимые психические свойства, но этот процесс является недостаточным быстрым и разносторонним. Жизнь подтверждает возможность целенаправленного формирования и совершенствования профессионально необходимых свойств.

К сожалению, писали они, ни теоретический курс, ни практические занятия по криминалистике в должной мере не подготавливают студентов юристов к практической работе. Большая часть учебного времени идет на овладение техническими вопросами (фотосъемка, работа со следами), и почти не решаются задачи, в какой-то степени тренирующие воображение, наблюдательность, внимание и другие необходимые следователю качества» [1, с.93].

На сегодняшний день ряд исследователей, в большей степени юристов криминалистов, а не психологов или философов пытаются не только определить специфику

этой мыслительной деятельности, но и сформировать частную криминалистическую теорию - учение о криминалистическом мышлении. При этом в характерном для отечественной науки дедуктивном ключе разрабатываются все необходимые для полноценного учения составляющие: формулируется понятие криминалистического мышления, объект и предмет, методы и теоретическая значимость, изучается история вопроса, анализируется и зарубежный опыт. Отмечается прямо противоположный индуктивный подход, к практическому использованию плодов такого мышления в следственной практике, у зарубежных коллег, особенно в американских источниках. Он заключается в наработке конкретных приемов и алгоритмов действий для решения, наиболее часто встречающихся в следственной деятельности задач, после чего уже формулируются выводы о существовании особого вида мышления, сложившегося в ходе этой профессиональной деятельности[2].

Исследования отечественных ученых, судя по публикациям их результатов, свидетельствуют о прогрессе в этом направлении и создании определенной теоретической базы для учения о криминалистическом мышлении. Это, прежде всего работы Н.П.Яблокова, А.Р. Ратинова, Ю.В. Чуфаровского[3,4,5], изыскания Д.В. Бахтева, С.Ю. Журавлева, А.Б.Соколова, П.А. Шамшиева, Т.В. Шутемовой, и других[6,7,8,9,10].

Практиков же больше интересует конкретная польза от такого рода исследований, создание действенных рекомендаций по выработке навыков такого мышления, использованию его преимуществ в выдвижении версий, в планировании, как расследования в целом, так и проведения конкретных следственных действий в комплексе с возможностями ОРД, выбором тактических приемов и комбинаций.

Разработка теоретических основ учения о криминалистическом мышлении, безусловно, важно, но параллельно с ней должна вестись и работа по формированию предложений по использованию результатов этой мыслительной деятельности в конкретных ситуациях расследования, а также рекомендаций следователям, их наставникам и педагогам юридических вузов по формированию и развитию навыков такого мышления. Не следует забывать и о мерах профилактики и нейтрализации отрицательного воздействия факторов следственной работы на личность и психику следователя.

Нам представляется, что уже при подготовке юристов в вузе следует выявлять склонность обучаемых к следственной работе, развивать и углублять специфические качества мыслительной деятельности, необходимые для представителей этой профессии. В связи с этим любопытна попытка такого отбора на юридическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова, которая предпринималась еще в середине 80-х гг. При этом применялись психологические методики, апробированные на следователях практиках. С их помощью, а также с использованием задач, построенных на материале романа А.Кристи «Десять негрят», тогда еще неизвестном отечественному читателю, выяснилось, что интеллектуальная активность является необходимым качеством успешного следователя, но она может тормозиться особенностями личности конкретного человека. Было установлено, что хотя следователем и может стать каждый, выбравший эту работу юрист, но наиболее продуктивными для общества будут результаты работы следователей, имеющих «креативный» и «эвристический» типы

мышления[11]. Однако эти выводы были сделаны на основе изучения результатов лишь 27 испытуемых. Нам представляется, что такие исследования требуют продолжения для получения более репрезентативных заключений.

Требует дальнейшей разработки и дидактика формирования следственного мышления. Единой позиции по этому вопросу нет, и преподаватели используют различный набор средств и приемов достижения этой цели.

Пожалуй, самым распространенным методом остается решение ситуационных задач, основанных на реальных или дополненных вымыслом педагога, событиях. И здесь представляется полезным обращение к опыту недавнего прошлого. Для многих ученых, практиков и преподавателей ценным источником опыта расследования стали выпуски «Следственная практика», издававшиеся прокуратурой страны в период с 1944 по 1989 гг. Сообщения следователей о расследовании сложных уголовных дел, в том числе о способах совершения преступлений, а также об остроумных тактических решениях следователя в той или иной ситуации, стали объектом изучения и обобщения.

Были опубликованы пособие «Как раскрываются преступления», адресованные как следователям, так и студентам юристам[12], справочник «Поиск аналогов по делам об убийствах», предназначенный для помощи в выдвижении версий и выборе тактического арсенала расследования этих тяжких преступлений [13]. Позднее на основе последнего разрабатывалась компьютерная программа «Версия» [14]. Специально для занятий по криминалистике на материалах «Следственной практики» составлялись «Ситуационные задания по криминалистической тактике», некоторые из которых используются до сих пор[14]. При решении этих задач (особенно из раздела по выдвижению версий) и проявляется склонность обучаемых к принятию неординарных решений, у них возникают догадки, основанные на опыте (житейском или профессиональном), достигается определенный дидактический эффект. Это можно объяснить тем, что ситуации для заданий в действительности имели место, как впрочем, и решения, принимаемые для их расследования.

Конечно, определенную пользу дает и использование в обучении различных задач, оформленных в графической форме, на наблюдательность, логическую взаимосвязь деталей, использование знаний из различных сфер человеческой деятельности. Однако ценность некоторых из них, особенно в виде, распространившихся в последнее время, журнальных комиксов, невысока.

Еще в середине 80-х годов на заре использования компьютерной техники для обучения юристов были созданы так называемые комплексные имитационные обучающие программы для следователей и оперативных работников. Такие программы разрабатывались научным коллективом в составе преподавателей кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Академии управления МВД России, Омской академии МВД России и кафедры кибернетики Московского инженерно-физического института[14]. Простые, и даже примитивные в техническом отношении, если судить с современных позиций, эти программы были очень полезны для развития навыков следственной деятельности и оперативной работы. Фабула, получившей наибольшую известность, программы «Расследование убийства», была построена на основе реальных

двенадцати уголовных дел. Нам представляется, что это наиболее продуманная и подготовленная в плане логики и тактики, фабула расследования. Та или иная версия получает приоритет по мере проведения следственных действий и получения новых сведений и, в конце концов, интрига разрешается тем, что сам заявитель изобличался как исполнитель преступления. Мы знакомы с десятками модификаций этой программы, однако все новации заключались лишь в том, что она перерабатывалась под новые стандарты компьютерной техники, менялся внешний вид (интерфейс) и учитывались незначительные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве. Авторы новых вариантов переименовывали фамилии фигурантов и адреса событий, но кардинально разработкой новых условий задания не занимались [14].

Даже в первоначальном варианте, имитационная программа была очень полезна, в том числе и для развития у обучаемых навыков построения версий, использования возможностей криминалистической техники и тактического арсенала, а значит и следственного мышления. Работа с программой на занятиях занимала около от двух до четырех часов, в заключении подводились итоги и анализировались ошибки и недостатки.

Создавались программы и для решения следственных задач. Помимо уже упомянутой автоматизированной информационно справочной системы «Версия» (1993), следует упомянуть экспертную систему «Маньяк» [14], а также программы алгоритмов по осмотру места происшествия и допросу [14].

К сожалению, в те годы эти инструменты поддержки следственных решений не получили необходимого развития и распространения, однако сегодня в русле тенденций разработки и внедрения систем искусственного интеллекта, это направление вновь становится актуальным [15].

Возвращаясь к криминалистической дидактике, следует упомянуть, что современные возможности информационных технологий позволяют создавать виртуальные тренажеры проведения следственных действий. Это программные продукты, обеспечивающие визуализацию работы на местности и в помещении, имеющие режимы «Тренажер» и «Экзамен» и даже предусматривающие возможность использования шлемов виртуальной реальности. Сегодня наибольших успехов в этом направлении добилась астраханская фирма «Функциональные системы анализа» [16]. Уже распространяются программное обеспечение для симуляции осмотра места происшествия и обыска. Идут работы и по созданию тренажеров для других следственных действий. Но опять же, при совершенствовании программного обеспечения и применения новых технических «аксессуаров» отстает разработка продуманного сценария учебного задания, основанного на практике современных расследований. Обучаемые также отмечают, что пока еще работа на виртуальном тренажере больше напоминает развлекательную игру, чем средство подготовки следователя практика.

Решение этой проблемы требует определенного опыта, знания реалий современной следственной и оперативной работы, творчества, ну, и, конечно же, навыков следственного мышления. Разработку такой учебной фабулы можно сравнить с творчеством мастера детективного жанра, однако, обучение юриста приемам следственного мышления на литературных опусах даже

талантливых писателей представляется не верным. Жизнь и следственная практика преподносят нам такие ситуации и пути их разрешения, которые невозможно выдумать специально. Думается, что и сегодня актуален вопрос создания и распространения базы следственного опыта, и хотя она уже формируется, но, на наш взгляд, следует разработать требования к форме подачи данных, их систематизации и ограничениям к распространению. Материалы уголовных дел могут содержать информацию о способе совершения преступления, отдельных актах противодействия расследованию, использованию следователем помощи экспертов и специалистов, но они не отражают сути тактических приемов, комбинаций и других составляющих тактического арсенала следователя. Эта информация известна лишь самому следователю. Отдельные публикации о совершенных преступлениях и приемах расследования упоминаются как в открытых источниках, так и в изданиях ограниченного доступа, но эти данные недостаточно систематизированы и нередко не доходят до широкого круга рядовых следователей.

В более далекой перспективе возможности новых информационных технологий для реализации задач развития и совершенствования криминалистического мышления видятся в использовании объемного компьютерного моделирования образов происходящего, как при выдвижении версий, так и для представления своей позиции в суде. Путем создания 3D модели события преступления (т.н. система информационного сопровождения следствия) следователь, эксперт, прокурор, поддерживающий обвинение иллюстрируют свое видение произошедшего, изложенное в заключении эксперта или обвинительном заключении, наглядно аргументируют полученные выводы [16,17]. Пока еще техника такого моделирования сложна и требует специальной подготовки, но думается, что в будущем следователь сможет использовать такие модели даже при построении версий на первоначальном этапе расследования.

Для создания новых и совершенствования имеющихся приемов следственной деятельности, должны использоваться не только случайные находки практиков, но и проводится целенаправленная работа дедуктивного характера. Выбранное общее направление, например, использование достижений других направлений человеческой деятельности, психологии, информационных технологий, математики, теории игр и др. для решения задач расследования преступлений, позволит разрабатывать узкоспециальные методики и приемы для следователя. Так, еще в конце прошлого века профессор Зорин Г.Г. предложил использовать методику мозговой атаки при выдвижении версий по уголовному делу. В свое время «брэйэн шторминг» был предложен американским специалистом в области рекламы (имевшим, кстати, опыт работы в полиции) Алексом Осборном для выдвижения полезных идей и помогал преодолеть шаблонное мышление и скованность из-за боязни критики. Используя принципы Осборна, Г.Г. Зорин предложил формировать команду по выдвижению версий уже на месте происшествия после производства первоначальных следственных действий, включая в нее и участников СОГ, и участкового, и даже стажера. Разделяя процесс выдвижения версий на два этапа: активной их генерации и последующего вдумчивого анализа полученного массива, автор полагал, что сделает этот процесс более эффективным [18]. Думается, что эта работа по внедрению

далеких от юриспруденции методов в криминалистику требует продолжения.

Необходимо широко привлекать психологический и игровые методики в подготовку следователей. Заслуживает внимания опыт использования популярных сегодня игр «Мафия» и «Убийца» на занятиях по криминалистике. С их помощью, на наш взгляд, развивается способность к распознаванию лжи, наблюдательность и способность скрывать свои намерения, которые так необходимы следователю [19]. О необходимости целенаправленного обучения следователей этим качествам мы уже говорили [20] и даже обосновывали необходимость преподавания им основ актерского мастерства, по подобию спецкурса "Общение и перевоплощение в ОРД", который читался старшекурсникам Омской академии МВД, в том числе и профессиональными актерами местных театров. А для наших соседей, которые законодательно уполномочили следователя заниматься негласной деятельностью эта подготовка актуальна вдвойне [21].

В практике преподавания нашей кафедры используются информационные материалы психологической игры «Данетки» (др. название «Ситуация»), которые размещены на интернет ресурсах и постоянно пополняются [22]. Обращение к ним, на наш взгляд, позволяет развивать у обучаемых способность к построению версий в условиях обладания неполной информацией.

Детективные задачи, авторами которых являются, как правило, писатели и журналисты детективного жанра так же используются в преподавании и попытках выработки навыков следственной профессии [23]. В свое время в уже упомянутых сборниках «Следственной практики» основатель отечественной судебной психологии А.В. Ратинов вел раздел «Следственный практикум», в котором наряду с упражнениями, созданными на материалах реальных уголовных дел, использовались и подобные задачи. Следователи практики обсуждали на читательских конференциях достоинства и недостатки практикума, предлагали типы заданий, наиболее эффективных для обучения следственному мастерству [24].

Однако нам представляется, что увлечение подобными дидактическими средствами, содержание которых далеко от настоящей следственной работы, может и навредить, хотя обращение к ним для разминки, заполнения пауз на занятии и т.п. вполне оправдано.

Можно предположить, что развитие следственного мышления, навыков этой работы, было полезно и для представителей других профессий, как имеющих отношение к правоохранительной деятельности (адвокат, частный детектив, сотрудник охраны), так и далеких от нее (журналист-расследователь, археолог, разработчик компьютерных игр).

Способности определять отдельные отрицательные особенности личности, объяснять поступки человека, выявлять его истинные намерения, изобличать ложь необходимы банковским работникам, сотрудникам кадровых подразделений, да, наверное, и руководителям любого звена.

Мы считаем, что настало время комплексных дидактических решений по обучению следственному мышлению кандидатов на работу в следственном корпусе, отбор которых был бы также полезен. Необходим переход от разрозненных педагогических попыток и экспериментов на занятиях по криминалистике к созданию и введению в учебный процесс дисциплины «Основы

следственного мастерства», с привлечением специалистов различного профиля, от философов и психологов до специалистов в области информационных технологий и криминалистов, с обязательным привлечением следователей практиков.

Литература:

1. Следственный практикум. От редакции / Следственная практика №73 1967 г с.93.
2. Волчецкая Т.С., Краснов Е.В., Шамшиев П.А. Российский и американский подходы к изучению феномена "криминалистическое мышление" //Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013, Вып. 9. - С. 93-100.
3. Яблоков Н. П. К вопросу о криминалистическом мышлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 156–159.
4. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М. : ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. 352 с.
5. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. Учебное пособие. - М.: Право и Закон, 1997. — 320 с.
6. Бахтеев Д.В. Понятие и признаки криминалистического мышления. /Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 2. С. 216-222.
7. Журавлев С.Ю. Криминалистический стиль мышления: методическое содержание и соотношение с квалификационным пониманием расследуемых событий/Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018, № 2 (42), с.127-132.
8. Соколов А. Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание/ Психопедагогика в правоохранительных органах, 2013, № 4(55).с.68-72.
9. Шамшиев П.А. Взгляды на содержание криминалистического мышления/ Материалы международной научно-практической конференции Материалы международной научно-практической конференции «III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» . 19 декабря 2014 г. - Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2015. 226 с.
10. Шутимова Т.В. Создание теории криминалистического мышления — осознанная необходимость/ Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. –М.: МАКС Пресс, 2015. – 511 с. С.128-132.
11. Гранат Н. Л., Голоднюк М. Н., Лушечкина М. А. Опыт выявления склонности и способности к работе следователем/ Вестник Московского университета. Серия 11.Право.1989.№ 6. с.46-53.
12. Бахин В.П., Кириченко А.А. Как раскрываются преступления. Криминалистика в вопросах и примерах. Днепрпетровск, ДГУ.199. 123 с.
13. Н.А. Селиванов. Поиск аналогов по делам об убийствах. М.: 1987. 235 с.
14. Дидактические материалы по криминалистике из недавнего прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://drive.google.com/drive/folders/1s0yBw_0er41gYf3v9Rw1tm6rqEY5nwcE?usp=sharing
15. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: Состояние и перспективы использования/Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43-49.
16. Официальный сайт ООО«Фундаментальные системы анализа».Раздел «Продукты компании» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fsa3d.com/products/>
17. Официальный сайт ТЭПЦ «Регион 70». Определение скорости автомобиля при ДТП по характеру повреждений: Возможности программы PC-CRASH [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://70region.tomsk.ru/?p=1_1_skorost
18. Зорин Г.А.Криминалистическая методология. - Мн.: Амалфея, 2000. - 608 с. - (Фундаментальная криминалистика XXI века).Раздел 4.7.3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/krim_metod/4-7-3-metod-mozgovoj-ataki-mozgovogo-shturna.htm
19. Петров С.В., Холопова Е.Н. Невербальная коммуникация. Развивающие ролевые игры «Мафия» и «Убийца». Учебно-методическое пособие - Калининград: КВШ МВД России, 1997.- 40 с.
20. Михайлов М.А. Невербальное поведение следователя/В сборнике: «Досудово слідство: організаційні, кримінально-процесуальні та криміналістичні проблеми». Матеріали міжнародної інтернет-конференції. 2004. С. 163-167.
21. Михайлов М.А. Негласная деятельность следователя: Размышления о новациях УПК Украины 2012 г.//Воронежские криминалистические чтения: сб.науч.трудов.-Вып. 15/под ред..О.Я.Баева.-Воронеж: Изд-во Воронеж.гос.ун-та,2013.-364 с. С.220-226.

22. Данетки с ответами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://da-netki.ru/category/vzroslye/>

23. Портал «Юридическая психология и не только...». Психологический практикум. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yurpsy.com/files/tren1.htm>

24. Читательская конференция/ Следственная практика. Вып. № 81. с.113-117.

Михайлова Юлия Николаевна

*Саратовская государственная юридическая академия
кандидат юридических наук, доцент
(Саратов, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

УДК 343.985

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам тактики допроса свидетеля в гражданском судопроизводстве. Показания свидетелей являются одним из основных доказательств в гражданском производстве, предусмотренном законодательством. Вместе с тем имеющиеся в специальной литературе публикации не в полной мере отражают современные тенденции как криминалистики, так и гражданского процесса.

Ключевые слова: допрос свидетеля, виды допроса, предмет допроса свидетеля в гражданском судопроизводстве, этапы допроса свидетеля.

Annotation. The article is devoted to some aspects of the tactics of questioning a witness in civil proceedings. The testimony of witnesses is one of the main evidences in civil proceedings provided for by law. However, the publications available in the specialized literature do not fully reflect the current trends in both criminology and civil procedure.

Keywords: interrogation of a witness, types of interrogation, subject of interrogation of a witness in civil proceedings, stages of interrogation of a witness.

Вопрос о взаимном влиянии одной отрасли научного знания на другую в юриспруденции является не праздным. Особенно ярко это проявляется в возможности применения научных разработок, полученных в криминалистической науке как прикладной дисциплины к отраслевым дисциплинам. И если в отношении уголовного судопроизводства эта связь может быть рассмотрена как историческая, связанная с возникновением криминалистики, то гражданское судопроизводство сравнительно недавно заинтересовало криминалистов, а ученые в области гражданско-процессуального права, как правило, доктринально рассматривают возможность использования криминалистических знаний в гражданском процессе. Не акцентируя внимание на данной проблеме, рассмотрим некоторые аспекты применения криминалистических знаний при получении объяснений и допросе сторон в гражданском судопроизводстве.

В ч. 1 ст. 55 ГПК РФ в качестве доказательств предусмотрены: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения эксперта. Таким образом, исходя из смысла ч. 1 ст. 55 ГПК РФ следует, что с получением показаний связаны объяснения сторон и третьих лиц и показания свидетелей. Однако, термин «допрос» законодатель применяет только в отношении свидетелей (свидетели истца; свидетели ответчика).

Тактика допроса достаточно детально разработана применительно к уголовному судопроизводству. Для

гражданского судопроизводства этот вопрос остается открытым.

Принципиальное значения, в том числе и в выборе тактики допроса, играет определение предмета допроса. Анализ положений ГПК РФ позволяет сделать вывод, что в предмет допроса свидетеля входят: 1) обстоятельства, характеризующие отношение свидетеля к лицам, участвующим в деле (ч. 2 ст. 177 ГПК РФ); 2) обстоятельства дела, о которые ему лично известно (ч. 2 ст. 177 ГПК РФ). В гражданском судопроизводстве не могут использоваться в качестве доказательств сведения, сообщенные свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности.

С точки зрения гражданско-процессуального законодательства можно выделить виды допроса свидетеля. В зависимости от стороны гражданского процесса, которую представляют свидетели: а) свидетели истца; б) свидетели ответчика. Исходя из принципа состязательности процесса, предметом допроса свидетелей истца являются факты, изложенные в исковом заявлении, а предметом допроса свидетелей ответчика – контр факты. По форме получения показаний свидетеля допрос может быть проведен: а) в непосредственной форме; б) в опосредованной форме (путем видеоконференц-связи).

По последовательности производства допроса: а) первоначальный допрос свидетеля; б) повторный допрос свидетеля. Законодатель предусматривает возможность повторного допроса как в том же судебном заседании, так и в следующем. Основной целью повторного допроса выяснение противоречий в их показаниях. Противоречия, как правило, возникают в отношении обстоятельств, которые имеют значение для дела.

В зависимости от возраста допрашиваемого выделяют: а) допрос несовершеннолетнего свидетеля; б) допрос совершеннолетнего. Тактика допроса несовершеннолетнего свидетеля обусловлена его психологическими особенностями, характерными для возраста. Законодатель выделяет свидетелей в возрасте: а) до 14 лет; б) от 14 до 16 лет. Указанная категория свидетелей допрашивается с участием педагога, в необходимых случаях родителей, усыновителей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего свидетеля. В этой ситуации желательно разрешить вопрос, какое влияние перечисленные лица могут оказать на несовершеннолетнего. С тактической точки зрения они могут оказывать как негативное, так и позитивное влияние на несовершеннолетнего. Поэтому данные обстоятельства должны быть учтены при вызове данных лиц в суд. Сложным с практической точки зрения является и вопрос о выборе педагога. Необходимо, чтобы педагог не просто обладал дипломом о наличии необходимого образования, но и выяснить вопрос о его взаимоотношениях с несовершеннолетним. В ряде случаев педагог может оказать содействие судье в формулировании вопросов несовершеннолетнему свидетелю, учитывая уровень его интеллектуального развития. Вызывает недоумение позиция законодателя, который не предусматривает обязательного участия в допросе несовершеннолетнего психолога. В большинстве случаев именно психолог может определить психологическое состояние допрашиваемого. Поэтому полагаем, что ст. 179 ГПК РФ нуждается в дополнении, которое будет предусматривать участие в допросе несовершеннолетнего свидетеля, наряду с педагогическим работником, психолога.

Необходимо учитывать, что на результаты допроса несовершеннолетнего свидетеля существенное влияние оказывают различные факторы, в том числе и продолжительность допроса. Примечательно, что ГПК РФ не регламентирует продолжительность допроса несовершеннолетних свидетелей. Вместе с тем, по прошествии времени внимание ребенка рассеивается, он не всегда способен воспринимать происходящее. Установить подобные факты позволяет психолог. Специфика гражданского судопроизводства заключается в том, что несовершеннолетнему свидетелю вопросы могут задавать не только судья, педагогический работник, но и другие участники процесса. В этой связи необходимо отметить, что несовершеннолетний в данной ситуации оказывается в крайне неблагоприятном психологическом состоянии. Поэтому судья должен это учитывать и минимизировать негативное воздействие на несовершеннолетнего.

Среди видов допроса, заслуживающих внимания с точки зрения гражданско-процессуального права, выделяется и допрос в зависимости от места производства допроса: а) допрос, производимый в судебном разбирательстве; б) допрос, производимый по месту пребывания свидетеля. В качестве фактических оснований производства допроса свидетеля по месту его пребывания законодатель предусматривает: болезнь, старость, инвалидность, другие уважительные причины, по которым свидетель не в состоянии явиться по вызову суда. Данные факты должны быть подтверждены документально.

С точки зрения тактики допроса свидетеля хотелось бы обратить внимание на следующие аспекты. Тактика допроса свидетеля в гражданско-процессуальном праве представлена следующими этапами: 1) подготовка судьи к допросу свидетеля; 2) исследовательский этап допроса (2.1. стадия свободного рассказа; 2.2. вопросно-ответная стадия); 3) заключительная стадия (отражение показаний в протоколе судебного заседания, на аудионосителях); 4) оценка судьей показаний свидетеля.

При подготовке судьи к допросу свидетеля необходимо: изучить свидетеля (судья может затребовать характеристики с места работы, учебы и т.д.; исследовать вещественные доказательства, представленные сторонами; изучить заключение эксперта и др.); составить план допроса свидетеля, в котором должны найти отражение обстоятельства, которые необходимо установить; вопросы, которые могут быть поставлены свидетелю; доказательства, которые могут быть предъявлены свидетелю; выбор способа допроса свидетеля; определение круга участников допроса свидетеля (если речь идет о несовершеннолетнем свидетеле). Кроме того, о вызове свидетеля могут ходатайствовать и стороны процесса. При этом, кроме указания персональных данных свидетеля, стороны должны указать, какие факты он может подтвердить. При составлении плана необходимо учитывать, что показания свидетеля могут повлечь за собой необходимость в уточнении некоторых обстоятельств дела у сторон. Поэтому план допроса свидетеля может содержать и вопросы сторонам, эксперту.

Необходимо учитывать, что допросу свидетеля должен предшествовать процесс установления психологического контакта. При этом судья должен учитывать, что «допрос на суде в публичном процессе всегда вызывает обострение чувств и эмоций допрашиваемого. Поэтому от председательствующего требуется особый такт, предельная внимательность к состоянию допрашиваемого»

[1, с.113]. Необходимо отметить, что установлению психологического контакта во многом будет способствовать как внешний вид судьи, так и его поведение. Как правило, вызывает ответную положительную реакцию со стороны свидетеля опрятный вид судьи, его уважительное отношение к участникам процесса. Это будет способствовать установлению психологического контакта между судьей и свидетелем, который впоследствии будет настроен на сотрудничество с судьей и на дачу правдивых показаний. И соответственно наоборот, что в дальнейшем может привести к отсутствию стадии свободного рассказа свидетеля (ввиду конфликта) и наличию только вопросно-ответной стадии. Об установлении доверительных отношений в подобной ситуации речь не идет, а в ряде случаев, не идет речь и об установлении истины по делу. Специфика установления психологического контакта в гражданском процессе заключается в том, что в нем

Исследовательская стадия допроса свидетеля может характеризоваться следующими типичными ситуациями: 1. в зависимости от возможностей воспроизведения известной информации: 1.1. допрашиваемый свидетель помнит и может полно воспроизвести информацию; 1.2. допрашиваемый свидетель частично помнит и может частично воспроизвести информацию; 1.3. допрашиваемый свидетель не помнит и не может воспроизвести информацию. Данные ситуации могут быть еще сопряжены и с дачей ложных показаний. Такая ситуация может быть оценена как конфликтная.

Для восстановления в памяти забытого могут быть использованы различные тактические приемы: использование возможностей ассоциативного мышления, предъявление доказательств, повторный допрос. Предъявление доказательств в гражданском судопроизводстве, осуществляемое в целях восстановления в памяти забытого, по сути, представляет собой аналогию ассоциативного ряда. Необходимо учитывать и тот факт, что предъявление доказательств как тактический прием может быть применен и для разоблачения в даче ложных показаний. Поэтому судья должен убедиться действительно ли допрашиваемый свидетель не помнит каких-либо обстоятельств, связанных с рассматриваемым делом, или это хитрость. В подобной ситуации судья может применить метод наблюдения за поведением допрашиваемого, чтобы по его поведению, реакции (вербальной и невербальной) на поставленные вопросы установить истинные причины занятой им позиции. Не затрагивая вопросно-ответную стадию, обратим внимание лишь на то обстоятельство, что в отличие от УПК РФ, ГПК РФ регламентирована последовательность постановки вопросов: «Первым задает вопросы лицо, по заявлению которого вызван свидетель, представитель этого лица, а затем другие лица, участвующие в деле, их представители. Судья вправе задавать вопросы свидетелю в любой момент его допроса».

Заключительная стадия допроса свидетелей заключается в оформлении результатов допроса в протоколе судебного заседания с использованием средств аудиозаписи, о чем делается отметка в протоколе (ч. 2 п. 14.1 ст. 229 ГПК РФ).

Результаты применения технических средств, т.е. аудиопротokolирования, за последнее время позволили обозначить несколько проблем: 1) содержание протокола и аудиозаписи должно быть идентичным, или достаточно того, чтобы они были сопоставимы; 2)

техническая оснащенность судов средствами аудиозаписи, ее качество.

В большинстве случаев при изложении показаний в протоколе используется их систематизация и оформление в порядке, позволяющем их в дальнейшем использовать в качестве доказательств, т.е. исключается ненормативная лексика, может быть скорректирована последовательность изложения и т.д. Поэтому протокол и аудиозапись должны быть, на наш взгляд, сопоставимы.

Технические средства, которые были установлены в судах, как правило, не соответствуют понятию качественного средства. Так, на протяжении процесса они могут отключаться по несколько раз и судья или секретарь не всегда сразу это замечают. Поэтому и судья, и стороны вынуждены несколько раз повторять одно и то же. И это в условиях дикой загруженности судей. Как представляется, существует несколько выходов из данной ситуации (а она в ряде случаев порождает возникновение в дальнейшем конфликтной ситуации): а) необходимо суды укомплектовать техническими средствами надлежащего качества; б) ввести в штат специалистов, которые будут выполнять данную аудиозапись; в) как радикальная мера – отменить аудиопотоколирование.

Таким образом, тактика допроса свидетелей в гражданско-процессуальном праве по своей сути идентична разрабатываемой в рамках уголовного судопроизводства тактики допроса. Некоторые аспекты специфики, на наш взгляд, заслуживают внимания для рассмотрения их в качестве самостоятельных тактических приемов допроса в рамках гражданского судопроизводства.

Литература:

1. Кобликов С.А. Юридическая этика: Учебник для вузов. – М.: Норма (издательская группа Норма-Инфра М, 2000. – 168с.

Морозова Татьяна Александровна

*Нижегородская академия МВД России
кандидат юридических наук
(Нижний Новгород, Россия)*

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ НЕСОБЛЮДЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВИЛ ОФОРМЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

УДК 340.1

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные аспекты несоблюдения процессуальных правил оформления собранных по уголовному делу доказательств в стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: доказательство, стадия предварительного расследования, следователь.

Annotation: the article deals with problematic aspects of non-compliance with procedural rules for processing evidence collected in a criminal case at the stage of preliminary investigation.

Несоблюдение процессуальных правил оформления доказательств -отступление от требований закона при оформлении доказательств- проявляются чаще всего из-за элементарной невнимательности следователя при оформлении протоколов следственных действий, при изучении материалов, представленных экспертом, при анализе, наконец, материалов всего уголовного дела, законченного производством. Все эти и подобные нарушения в результате могут привести к утрате по делу собранной доказательственной информации.

Подобные нарушения процессуальной формы тесно связаны с дефектами содержания процессуальных действий и создают неустраняемые сомнения в достоверности полученных данных.

Кроме того, существенными должны признаваться, на наш взгляд, случаи нарушения или не обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Это объясняется не тем, что нарушение прав и свобод человека при производстве следственных действий может создавать сомнение в достоверности полученных сведений, а тем, что обеспечение прав и свобод человека, являясь условием допустимости доказательств, одновременно является гарантией получения допустимых доказательств.

Указанные существенные нарушения процессуальной формы получения доказательств должны влечь, безусловно, признание их недопустимыми. Причем при их обнаружении должны исключаться какие-либо процессуальные действия, направленные на устранение этих нарушений [1,с.7].

Так, в июле 2005 года Дзержинским городским судом Нижегородской области было рассмотрено уголовное дело по обвинению гр. Ч., обвиняемого в совершение преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 30, ч.1 ст. 228, ч.1 ст. 228 УК РФ, по факту незаконного сбыта им наркотических средств 19.04.2005г. В доказательство эпизода, квалифицированного по ч.1 ст. 30, ч.1 ст. 228 УК РФ , обвинением был представлен протокол выемки, заключение эксперта № 2747 о том, что вещество, изъятое у гр. Ч, содержит наркотическое средство-диацетилморфин (героин), масса вещества составляет 3,065 грамма, масса диацетилморфин (героина) составляет 0,258 грамма; а также показания гр. Ч. На предварительном следствии о том, что хранящийся в квартире и выданный работникам правоохранительных органов героин предназначался для продажи и личного потребления. Однако, суд с позицией обвинения о квалификации эпизода, связанного с обнаружением в ходе выемки 19.04.2005 г. в квартире гр. Ч. героина в пластмассовой коробке как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств, был не согласен по следующим основаниям:

Как следует из п.5 ч.2 ст. 29 УПК РФ только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о производстве выемки в жилище, для чего следователь, в соответствии с ч.1 ст. 165 УПК РФ, с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление. Ч.5 ст. 165 УПК РФ предусматривает в исключительных случаях, когда производство выемки в жилище не терпит отлагательства, возможность производства следственного действия на основании постановления без получения судебного решения. В этом случае следователь не позднее 24 часов с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. Получив указанное уведомление, судья...проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. В данном случае следователь допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона при производстве следственного действия, что влечет признание протокола выемки от 19.04.2005 г. как недопустимого доказательства (поскольку выемка в жилище была произведена в нарушении положений п.5 ч.2 ст. 29 УПК РФ). Как следствие,

заключение экспертизы изъятого вещества, основанное на получении доказательства недопустимым способом, также является недопустимым доказательством, а признательных показателей гр. Ч. о хранении героина с целью сбыта, не подтвержденных другими доказательствами, недостаточно для признания гр. Ч. виновным по данному эпизоду. Все это в совокупности повлекло оправдание гр. Ч. по ч.1 ст. 30, ч.1 ст. 228 УК РФ за отсутствием состава преступления [2].

Полученные с нарушением процессуальной формы фактические данные не могут быть признаны доказательствами, но если они соответствуют действительности, невозможно в полной мере отказаться от них. Эти данные могут использоваться в качестве непроцессуальной информации для выдвижения версий, подтверждения или опровержения полученной непроцессуальной информации, использования ее в качестве вспомогательной информации для проведения следственных действий и определения тактики их производства.

Но следует учитывать, что при итоговой оценке доказательств эти данные исключаются из совокупности имеющейся информации ибо только процессуальный порядок получения знаний содержит реальные гарантии достижения истины. Ни одно решение по делу не может основываться на данных, которые получены и закреплены не в установленном законом порядке. Поэтому убеждение, основанное на непроцессуальном знании фактических обстоятельств, не принимается во внимание при решении дела [3,с.369].

Думается, что все иные нарушения процессуальной формы (порядок производства и фиксации следственного действия) при получении доказательств необходимо рассматривать с точки зрения возможности их устранения. Несущественные нарушения не влекут за собой недопустимости доказательств, если удалось их устранить.

Можно привести в этой связи следующие типичные примеры устранимых нарушений- отсутствие подписи понятого или свидетеля на отдельной странице протокола следственного действия, при наличии подписей на других страницах протокола- сомнения в достоверности фактических данных, полученных с таким нарушением, могут быть устранены путем допроса этих лиц о причинах отсутствия подписи на отдельном листе. Если выяснится, что отсутствие подписи обусловлено небрежностью следователя, а не отказом лица подписать соответствующую страницу протокола ввиду его несогласия с изложенным, то сомнения в достоверности фактических данных будут устранены, а нарушения процессуальной формы можно считать восполненными. Формой устранения сомнений в достоверности фактических данных можно назвать и повторное производство этого следственного действия.

При устранении «технических ошибок» следует иметь в виду, что надлежащее оформление процессуальных документов служит гарантией от всякого рода фальсификаций. Предоставление возможности стороне обвинения устранить нарушение (к примеру, поставить недостающую подпись, вписать соответствующую дату) – есть грубое нарушение долга судьи.

Отметив исключительность случаев восполнения «ущербных» доказательств, необходимо тем не менее признать их широкую распространенность в судебной практике. Такое положение по сути ведет к игнорированию конституционного запрета на использование при

осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона.

Методом «исправления» нарушенной процессуальной формы доказательств может быть и производство других следственных действий, чтобы выявить те же фактические данные и проверить таким образом полноту и точность сведений, содержащихся в доказательстве, допустимость которого поставлена под сомнение [4,с.242].

Н.М. Кипнис указывает, что процессуальная форма доказательства, сомнения в достоверности которого устранены, усложняется-«удваивается». Протокол обыска без подписи понятого и протокол допроса понятого в качестве свидетеля о причинах отсутствия его подписи на протоколе обыска подлежат комплексной оценке, в совокупности они образуют как бы «комплексное доказательство»[5,с.83]. Думается, что в данном случае неуместно говорить здесь об усложнении процессуальной формы. Она остается неизменной для проверяемого доказательства. Вновь же полученное доказательство обладает иной процессуальной формой. Поэтому, не отрицая того факта, что эти доказательства подлежат комплексной оценке, следует отметить, что каждое из них обладает своей, строго определенной формой, которая не может быть усложнена формой другого вида доказательства.

В заключении скажем, что к числу неисправимых или невозможных нарушений закона следует относить случаи, когда невозможно производство повторного следственного действия, выяснение фактических данных иным способом, восполнение пробелов в доказательстве при допросе участников следственного действия.

Литература:

1. Химичева О.В., Данилова Р.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе. Учебное пособие. М.:1998.-7 с.
2. Архив Дзержинского городского суда Нижегородской области, уголовное дело № 1-728
3. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.:1996.-369 с.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.:1973.-242 с.
5. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.:1995.- 83 с.

Островский Олег Александрович

*Алтайский государственный университет
(Барнаул, Россия)*

Шевелева Ирина Александровна

*ООО «Сочинская коллегия юристов «Мисс Марпл»
(Сочи, Россия)*

ПРОБЛЕМАТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ

УДК 343.98

Аннотация. Целью исследования явилось рассмотрение научных взглядов на обозначенную проблематику, связанную с изъятием цифровых следов и правовым регулированием больших данных в Российской Федерации. Существует огромное количество нерешенных вопросов в процессе расследования преступлений, основанных на исследовании цифровых следов, их рост обуславливается стремительным развитием цифровых технологий и приводит к проблеме накопления больших данных.

Ключевые слова: киберпреступления, цифровые следы, расследования преступлений, большие данные, доказательств, криминалистика.

Abstract. The aim of the study was to consider scientific views on the identified issues related to the removal of digital traces and the legal regulation of big data in the Russian Federation. There are a huge number of unresolved issues in the investigation of crimes based on the study of digital traces, their growth is caused by the rapid development of digital technologies and leads to the problem of the accumulation of big data.

Keywords: cybercrime, digital traces, crime investigations, big data, evidence, forensics.

Проблема формирования и правового регулирования больших данных в исследовании информационных цифровых следов, безусловно, актуальна. Большое количество нерешенных вопросов в процессе расследования компьютерных преступлений, непосредственно приводит к возрастающей проблеме стремительного нарастания и накопления больших разнородных данных. Сотрудники правоохранительных органов часто встречаются с процедурными проблемами, такими как получение своевременного доступа к данным на зашифрованных устройствах или в облаке. В процессе сбора, фиксации, обработки информационных следов различного типа и источника происхождения возникает актуальная проблема – увеличения данных и формирования так называемых «больших данных», сопровождающейся актуальной проблемой правового регулирования больших данных (BigData) [1], [2], [3]. Данный термин ввел Клиффорд Линч, являющийся редактором журнала Nature, еще в 2008 году. Своего рода это совокупность методов, позволяющих анализировать значительное количество данных. По состоянию на 2017 год, доход на рынке BigData в мире достигает \$50,8 млрд., свидетельствуя о том, что данный показатель вырос на 12,4% по сравнению с предыдущим [12]. В Российской Федерации технология BigData применяется в таких сферах как: банки, логистика, государственный сектор, энергетика, телекоммуникация и промышленность. Уже давно стало понятно, что для того, чтобы обработать непрерывно поступающий объем цифровой информации, традиционных методов недостаточно. Так как это занимает большое количество времени, некоторые закономерности человек может и не заметить. Таким образом, данная технология позволяет оптимизировать все сферы нашей жизни.

По данным прогноза Wikibon, ежегодно объем индустрии больших данных увеличивается на 17%, и к 2020 году будет достигать \$61 млрд [14].

Основной принцип, по которому обрабатываются Big Data – горизонтальная масштабируемость. Существуют вычислительные узлы, содержащие данные, при этом обработка выполняется без распределения производительности. Фундамент такой работы составляют такие технологии как: NoSQL, MapReduce, Hadoop, R, аппаратные решения.

Наряду с этим, вопрос с правовым регулированием таких технологий остается открытым. Правительство Российской Федерации планирует обеспечить внесение в реестры результаты оказания абсолютно всех государственных услуг, при этом это будут юридически значимые записи, чтобы органы власти использовали эти данные. После того, как Big Data были введены, многие компании столкнулись с традиционными проблемами. Так, для 51% опрошенных работодателей камнем преткновения стала безопасность.

В настоящий момент законодательного регулирования больших данных нет. Они рассматриваются в Федеральном законе от 7 июля 2003 № 126-ФЗ «О связи» в рамках государственной программы «Цифровая экономика». Проект рассчитан сроком до 2024 года, утвержден летом 2017 года, в планах Правительства организации такой группы, которая будет заниматься созданием правовой базы, обеспечивающей безопасность сторон, между которыми возникают отношения касательно больших данных. Инициативу создания и координацию такого коллектива взяла на себя Автономная некоммерческая организация по содействию развитию робототехники и инновационных технологий «ПравоРоботов», объединяющая представителей российского IT-рынка и экспертов в области права.

Федеральный закон «О персональных данных», регулирующий обращение с персональными данными физических лиц в целях осуществления конституционного права человека на неприкосновенность частной жизни (ст.23 Конституции Российской Федерации), может помочь ведущим специалистам создать нормативно-правовую базу, помогающую регулировать отношения, возникающие во время использования больших данных, также как и Федеральный закон «О защите информации».

Всевозможная информация о физическом лице признается персональными данными. Без согласия субъекта таких данных анализ их неправомерен, не считая случаев, когда обработка персональных данных предусматривается законом [6]. Расовая, национальная принадлежность, взгляды на политику, убеждения, касающиеся религии, философии, состояние здоровья – такие данные не могут обрабатываться без предварительного дозволения субъекта персональных данных, если только это не общедоступные сведения.

Так, например, российская компания «Яндекс» пользуется технологией, связанной с большими данными уже с 2012 года, что стало ценной программой для нефтяных компаний «Роснефть», «Statoil». При помощи этого стало возможно прогнозирование оттоков абонентов для анонимного телеком-оператора, просчета экономических маршрутов для самолетов, снижение процентов отказа европейских банкоматов. Даже такие продукты как фильтрация спама, рекламный таргетинг, предсказание пробок стало возможным благодаря использованию больших данных. Позднее появилось подразделение Yandex Data Factory, которое базируется на обработке Big Data для участников крупного бизнеса.

Чтобы оптимизировать и улучшить качество обслуживания своих клиентов, «Сбербанк» также стал использовать анализ супермассивов данных, что позволяет нивелировать риски и рационализировать издержки, искоренять мошенничество, сегментировать и оценивать кредитоспособность клиентов, управлять персоналом и многое другое. В июле 2015 года, банк привлек «Яндекс» в качестве консультанта по анализу больших данных.

Вывод. Таким образом, можно сделать вывод, что большие данные – передовая технология, позволяющая решить разнообразный спектр задач. Но при этом не стоит забывать о неприкосновенности частной жизни гражданина. Для того чтобы избежать конфликтных ситуаций с гражданами, представляется целесообразным, чтобы разработчики Федерального закона грамотно продумали детали регулирования отношений между субъектами больших данных, при этом нужно учесть

всевозможные ситуации нарушения и меры наказания за неисполнение такого закона, четко описав аспекты данных отношений. Результаты работы могут использоваться в области криминалистики при решении задач судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности в рамках расследования преступления в сфере компьютерной информации и киберпреступности на основе анализа информационных следов различного спектра.

Литература:

1. Абдулина Е. В., Зыков В. В. Обязательная геномная регистрация в России глазами судебно-медицинского эксперта: проблемы и перспективы // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 3-6
2. Багутдинов Р.А. Подход к обработке, классификации и обнаружению новых классов и аномалий в разнородных и разномасштабных потоках данных / Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. 2018. Т. 45. №3. С. 85-93.
3. Багутдинов Р.А. Алгоритм мультисенсорной системы для задач мониторинга и интерпретации разнородных данных / Системный администратор. 2019. №3(196). С. 82-85.
4. Бессонов А.А. Большие данные (big data) в криминалистике / В книге: Конституция Российской Федерации и современный правопорядок. Материалы конференции: в 5 ч., 2019. С. 261-265.
5. Воронова Л.И. Big Data. Методы и средства анализа: учебное пособие/Л.И. Воронова, В.И. Воронов. М.: Изд-во МТУСИ, 2016.
6. Островский О.А. Алгоритм мероприятий по анализу ситуации при подозрении в совершении преступлений в сфере компьютерной информации с учетом специфики источников данных этой информации / Право и политика. 2018. №10. С. 32-37.
7. Островский О.А. Аспекты современных проблем расследования преступлений, связанных с изъятием цифровых следов и предоставлением соответствующих доказательств / Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. №3. С. 146-151.
8. Островский О.А. Значение цифровых доказательств при расследовании уголовных преступлений / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. №1. С. 123-140.
9. Островский О.А. К вопросу надежности и достоверности результатов экспертиз при использовании информационных следов / Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. №2. С. 213-218.
10. Островский О.А. Извлечение информационных следов с мобильных устройств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. №7. С. 237-241.
11. Пастухов П. С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 231–236. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-231-236.
12. Что такое Big Data: собрали все самое важное о больших данных Rusbase/ под редакцией Беркана А. / <https://rb.ru/howto/chto-takoe-big-data> (дата обращения 10.03.2020)
13. Bagutdinov R.A. Classification characteristic for heterogeneous data processing tasks /International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6. №8. P. 14-18.
14. Big Data Wikibon is a professional community solving technology and business problems through an open source sharing of free advisory knowledge / <http://wikibon.org> (дата обращения 20.03.2020)
15. Karakoc M. M. and Varol A.. Can erase montage traces permanently in audio files /2018 6th International Symposium on Digital Forensic and Security (ISDFS), Antalya, 2018, pp. 1-5. DOI: 10.1109/ISDFS.2018.8355347
16. Li Y., Zhang X., Li X., Zhang Y., Yang J. and He Q. Mobile Phone Clustering From Speech Recordings Using Deep Representation and Spectral Clustering / in IEEE Transactions on Information Forensics and Security, vol. 13, no. 4, pp. 965-977, April 2018. DOI: 10.1109/TIFS.2017.2774505
17. Wen B., Luo Z. and Wen Y.. Evidence and Trust: IoT Collaborative Security Mechanism / 2018 Eighth International Conference on Information Science and Technology (ICIST), Cordoba, 2018, pp. 98-9. DOI: 10.1109/ICIST.2018.8426148

Патрушева Алена Александровна

Омская академия МВД России

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВИДА ИТОГОВОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ УМЕРШЕГО

УДК. 343.121

В статье подвергнуты анализу различные подходы к определению процессуального решения, которое должно приниматься судом по итогам уголовного преследования умершего. Исследованы позиции высших судебных инстанций, судебная практика по конкретным уголовным делам. Сделан вывод о том, что итоговым процессуальным решением по результатам рассмотрения уголовного дела в отношении умершего должно быть постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования.

The article analyzes various approaches to determining the procedural decision that should be taken by the court following the results of the criminal prosecution of the deceased. The positions of higher courts and judicial practice in specific criminal cases are studied. It is concluded that the final procedural decision on the results of consideration of the criminal case against the deceased should be a decision to terminate the criminal case and (or) criminal prosecution.

Ключевые слова: смерть обвиняемого, уголовное преследование, суд, приговор, постановление, прекращение уголовного дела, презумпция невиновности.

Keywords: death of the accused, criminal prosecution, court, sentence, decision, termination of the criminal case, presumption of innocence.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не регламентирует процедуру судебного разбирательства в ситуациях, когда близкие родственники умершего обвиняемого возражают против прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Конституционный Суд РФ указал, что при отсутствии согласия близких родственников обвиняемого с прекращением уголовного дела в связи с его смертью производство по уголовному делу должно быть продолжено. В этой связи одним из актуальных вопросов является форма итогового решения, которое должен принять суд по результатам рассмотрения уголовного дела в отношении умершего.

Конституционный Суд РФ указывает, что, рассмотрев уголовное дело по существу в обычном порядке, суд должен либо, придя к выводу о невиновности умершего лица, вынести оправдательный приговор, либо, не найдя оснований для его реабилитации, прекратить уголовное дело на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Аналогично высказывается и Верховный Суд РФ.

Анализ судебной практики показал, что уголовные дела в отношении умерших обвиняемых в подавляющем большинстве случаев прекращаются по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Но имеют место быть и случаи постановления в отношении умерших обвинительного приговора без назначения наказания и оправдательного приговора.

В литературе данный вопрос является дискуссионным. Ряд исследователей [1, 2] разделяют позицию высших судебных органов. По мнению Ю.О. Мещеряковой, «отсутствуя как субъект права, умерший не является ни субъектом уголовной ответственности, ни подсудимым, он не может быть признан виновным в совершении преступления в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции РФ, поэтому в случае доказанности

совершения им преступления судом может быть вынесено только постановление о прекращении уголовного дела» [3, с. 167]. Следуя предложенной исследователем логике, умерший не может быть и оправданным, поскольку в силу утраченной правосубъектности он не может быть подсудимым. Однако автор полагает, что приведенные ею доводы не препятствуют в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 302 УПК РФ, постановить в отношении умершего оправдательный приговор.

Другие исследователи [4, 5] утверждают, что в случаях продолжения производства в отношении умершего обвиняемого (подсудимого) при установленном отсутствии оснований для его реабилитации суд должен вынести обвинительный приговор без назначения наказания. Так, В.К. Бобров, А.В. Соболев [6] полагают, что при наступлении смерти в случаях, когда подозреваемый, обвиняемый, или подсудимый умер, должен применяться порядок, установленный ч. 8 статьи 302 УПК РФ, в результате которого суд при отсутствии оснований для прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям должен вынести обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания. По мнению авторов, такое итоговое решение по делу также способствовало бы разрешению предъявленного гражданского иска, который при прекращении уголовного дела остается без рассмотрения.

Иную точку зрения занимают противники постановлений приговоров в отношении умерших [7, 8]. Так, И.П. Попова полагает, что с исчезновением субъекта уголовной ответственности устраняются материально-правовые основания для решения вопроса о виновности, а значит и постановления приговора любого вида [9].

По мнению А.Д. Прошлякова и Ю.В. Козубенко, «приговаривать умерших абсурдно, поэтому в случае «оправдания» следует прекращать производство, т. е. выносить постановление о прекращении уголовного дела по соответствующему реабилитирующему основанию, а не приговор» [10, с. 28-29].

Обращаясь к законодательству иностранных государств, мы обнаружили различные подходы к решению рассматриваемого вопроса.

Согласно ч. 1, 3 ст. 46824 Республики Беларусь, придя к выводу о невиновности умершего обвиняемого, суд постановляет оправдательный приговор. Признав доказанным, что преступление совершено умершим обвиняемым, суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания.

Постановление обвинительного приговора без назначения наказания в отношении умершего допускается также УПК Республики Узбекистан (п. 5 ст. 463), УПК Республики Таджикистан (ч. 4 ст. 339), УПК Республики Казахстан (ч. 7 ст. 393).

УПК Республики Молдова (п. 2 ч. 1 ст. 391) в случае смерти подсудимого регламентирует постановление приговора о прекращении производства по делу.

Согласно п. «б» ст. 370 УПК Греческой Республики, когда обвиняемый умер, уголовное судебное разбирательство завершается «окончательным прекращением уголовного преследования» [с. 256-257].

В соответствии со ст. 615 УПК Латвийской Республики при рассмотрении уголовного дела о реабилитации умершего суд должен принять решение о том, было ли совершено преступное деяние и совершило ли это деяние лицо, в отношении которого проводится процесс. После признания того, что участие умершего в

преступном деянии не доказано, или выяснения обстоятельств, которые вообще не допускают уголовный процесс, суд принимает постановление о прекращении уголовного процесса с реабилитацией соответствующего лица. В случае признания того, что преступное деяние было совершено и его совершило лицо, в отношении которого проводится процесс, суд принимает постановление о прекращении уголовного процесса без реабилитации соответствующего лица. После признания того, что умерший не совершал преступное деяние, а оно было совершено другим лицом, суд прекращает уголовный процесс против умершего и направляет уголовное дело в прокуратуру для продолжения уголовного процесса.

Нам представляется верным, регулирование рассматриваемого вопроса на примере УПК Латвийской Республики, который прямо указывает, какие вопросы подлежат разрешению при производстве в отношении умерших, и регламентирует все возможные итоговые решения по результатам судебного разбирательства рассматриваемой категории дел.

Кроме этого, мы полагаем, что центральные вопросы уголовного судопроизводства о виновности или невиновности, о применении или неприменении наказания, не могут быть разрешены в случае смерти преследуемого лица, как единственного субъекта, в отношении которого может быть постановлен приговор.

Еще А.А. Квачевский в свое время справедливо отметил: «Смерть преступника покрывает забвением вину невызысканную, прекращает уголовное преследование, погашает уголовную ответственность» [11, с. 311].

И.П. Попова обоснованно указывает, что «вопрос виновности — главный в сущности понятия приговора. Если исключается этот вопрос, то и не требуется такая процессуальная форма, как приговор» [9, с. 87]. Потому ни посмертное осуждение, ни посмертное оправдание в рамках действующего правового регулирования представляется не допустимым, поскольку никоим образом не может соответствовать принципу презумпции невиновности.

Таким образом, мы поддерживаем точку зрения о том, что итоговым решением по результатам рассмотрения уголовного дела в отношении умершего на любой стадии процесса должно быть постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования, в котором на основе собранных доказательств должны быть разрешены следующие вопросы:

1. Имело место деяние, в совершении которого подозревается (обвиняется) лицо;
2. Совершил ли это деяние умерший;
3. Является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено.

От ответов на поставленные вопросы зависит по какому основанию должно быть прекращено уголовное дело и (или) уголовное преследование — реабилитирующему или не реабилитирующему.

При этом вопросы виновности лица не должны подвергаться обсуждению в постановлении о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования. Данный вывод позволяет сделать позиция Европейского суда по правам человека, согласно которой право умершего считаться невиновным нарушается при посмертной констатации виновности такого лица в рамках любого судопроизводства. Международной Суд неоднократно отмечал, что презумпция невиновности также нарушается, если судебное постановление или

заявление государственного должностного лица в отношении лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, отражает мнение о его виновности до признания его виновным (а в рассматриваемых случаях без признания его виновным – добавлено мною А. П.) в установленном законом порядке.

Литература:

1. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. – М.: Проспект, 2009. – 192 с.
2. Лазарева В. А., Мещерякова Ю. О. Модель производства по уголовному делу в отношении умершего // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 1 (136). С. 28-33.
3. Мещерякова Ю. О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 2018. – 217 с.
4. Кириллова Н. П. Некоторые проблемы реализации уголовно-правовых норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 14. Вып. 1. С. 84-93.
5. Фильченко А. П. Юридическое значение смерти лица, совершившего преступление, в механизме прекращения правоотношения уголовной ответственности // Адвокат. 2012. № 10. С. 25-32.
6. Бобров В. К., Соболев А. В. О правовых основаниях обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания, постановляемого в связи с истечением сроков давности по уставу уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 119-122.
7. Качалова О. В. Обвинительный приговор в отношении умершего: можно ли покарать усопшего? // Уголовный процесс. 2018. № 2 (158). С. 8.
8. Чурилов Ю. Ю. Проблемы реализации принципа презумпции невиновности в случае смерти обвиняемого // Законодательство и экономика. 2008. № 10. С. 68–69.
9. Попова И. П. Уголовное преследование умершего: какое процессуальное решение принять по делу // Уголовный процесс. 2018 № 9 (165). С. 84-91.
10. Прошляков А. Д., Козубенко Ю. В. Об уголовном преследовании умерших // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. №4 (106). С. 26-33.
11. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года : в 3 ч. Ч. 1: Об уголовном преследовании и об истребовании за вред и убытки от преступления. Теоретическое и практическое руководство. – СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1866. – 368 с.

Позий Виктория Станиславовна

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
кандидат химических наук, доцент
(Симферополь, Россия)*

ЭКСПЕРТ-СТАЖЕР КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

УДК 343.148

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные особенности участия эксперта-стажера в производстве судебной экспертизы. Выявлены проблемы, связанные с признанием такого заключения эксперта допустимым доказательством. Предложены пути решения.

Annotation. The article discusses the article discusses the procedural features of the participation of an expert trainee in the production of forensic examination. Identified problems associated with the recognition of such an expert opinion as valid evidence. The solutions are proposed.

Ключевые слова: эксперт, эксперт-стажер, заключение эксперта, допустимое доказательство

Key words: expert expert-the trainee, the expert evidence, admissible evidence.

Среди огромного массива уголовных дел, которые расследуются в Российской Федерации, редко можно найти примеры, когда не назначалась бы судебная

экспертиза. Как известно, заключение эксперта является одним из источников доказательственной базы в уголовном процессе (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) [1]. Выполнение экспертизы поручается эксперту – лицу, которое несет персональную ответственность за полноту и объективность произведенного им исследования, научную обоснованность и достоверность выводов. Эксперт, как участник судопроизводства, относится согласно УПК РФ к иным участникам (ст. 57 главы 8 УПК РФ), в которой перечислены его права и обязанности. Должностное лицо или суд ставят перед ним вопросы для разрешения, требующие специальных знаний и соответствующей подготовки.

Так, на практике встречаются случаи, когда сторона защиты обращается в суд с ходатайством о признании данного доказательства недопустимым в случае, когда в состав экспертов, проводивших экспертизу, был включен эксперт-стажер. Приводились следующие аргументы. Во вводной части экспертизы прямо было указано, что экспертизу проводили эксперт К. и эксперт-стажер Н., однако, об ответственности по ст. 307 УК РФ согласно ст. 204 УПК РФ был предупрежден только эксперт К, при этом каждый лист заключения и сформулированные выводы были подписаны и экспертом К, и экспертом-стажером Н. Как считает сторона защиты, в данном заключении не соблюдены все процессуальные требования к данному документу, поэтому требует признать его недопустимым доказательством [2].

Следует отметить, что ситуация, когда для проведения экспертизы привлекают экспертов-стажеров, встречается на практике действительно достаточно часто, прежде всего, в государственных экспертных учреждениях, т. к. согласно ст. 11 Федерального закона № 73-ФЗ от 31.05.2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – № 73-ФЗ «О ГСЭД в РФ») для органов дознания, органов предварительного следствия и судов судебную экспертизу производят государственные судебно-экспертные учреждения. Таким образом, возникает необходимость разобраться в правомерности привлечения последнего для проведения экспертизы, а также его правового статуса, и, как следствие, прав и обязанностей.

Итак, рассмотрим спорные аспекты сложившейся ситуации. Почему эксперт предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение по статье 307 УК РФ, а эксперт-стажер – нет? Для начала разберемся, кто такой судебный эксперт. Согласно ст.ст. 12, 13 Закона № 73-ФЗ «О ГСЭД в РФ» [3] «государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей», имеющий высшее профессиональное образование, получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа.

Что касается порядка привлечения к производству экспертизы эксперта-стажера, то согласно п. 9 Приказа МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (далее – Приказ № 511) производство экспертиз осуществляется сотрудниками

экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП), имеющими право самостоятельного производства экспертиз по соответствующей экспертной специальности [4]. На них распространяются права и обязанности эксперта, предусмотренные Федеральным законом «О ГСЭД в РФ», иными законодательными и нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами МВД России [4].

В этом же Приказе № 511 говорится, что эксперты-стажеры, которые прошли обучение по конкретной экспертной специальности, могут участвовать в производстве экспертиз под руководством наставника, имеющего право производства экспертиз по соответствующей специальности. Обращает на себя внимание, что согласно п. 9 Приказа № 511 экспертиза, произведенная в указанном порядке, не является комиссионной, а заключение экспертов подписывается экспертом-наставником и экспертом-стажером [4].

В п.п. 10 и 11 этого документа сказано, что эксперт предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии с законодательством Российской Федерации, дает заключение от своего имени и несет за него личную ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

Если следовать этим указаниям, то формально приведенное выше в качестве примера заключение эксперта с участием эксперта-стажера оформлено в соответствии с указаниями Приказа № 511. Однако, стоит согласиться, что с позиции норм УПК РФ есть ряд вопросов, которые вступают в противоречие с Приказом № 511 в части привлечения экспертов-стажеров для производства экспертизы. Так, согласно п. 4 ч. 1 ст. 204 УПК РФ в заключении эксперта необходимо указать сведения об экспертном учреждении, а также фамилию, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, ученую степень и (или) ученое звание, занимаемую должность [1]. Законодатель точно не указывает, о какой специальности идет речь: о той, которую получил эксперт в результате образования в учебном заведении, или об экспертной специальности.

Исходя из требований ст. 13 Закона № 73-ФЗ «О ГСЭД в РФ», эксперт должен получить документ, подтверждающий его квалификацию и дающий право самостоятельного производства судебной экспертизы. Что касается эксперта-стажера, то он удовлетворяет всем требованиям (имеет высшее профессиональное образование, дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности), кроме одного, – у него еще нет документа на право самостоятельного производства экспертизы.

Возникает правовая коллизия: эксперт-стажер – это эксперт со всеми правами и обязанностями или это новый участник судопроизводства? В полной мере признать его экспертом нельзя, т. к. нет документа об экспертной квалификации, а, значит, он не может быть предупрежден об уголовной ответственности по статье 307 УК РФ. С другой стороны, по этой же причине эксперт-стажер не может подписывать выводы по поставленным перед экспертом вопросам. Именно поэтому в приказе № 511 речь идет о том, что экспертиза с участием двух экспертов (один из которых эксперт-стажер) не является комиссионной.

На основании всего вышеизложенного представляется целесообразным следующее: при оформлении

заключения эксперта с участием эксперта-стажера следовало бы указывать его участие при проведении экспертизы, но без предупреждения его об уголовной ответственности по статье 307 УК РФ, при этом выводы формулирует эксперт-наставник и подписывает их. Затем делается запись: «Экспертиза проводилась с участием эксперта-стажера, ФИО, подпись» Таким образом, такое заключение эксперта не вызвало бы нареканий с точки зрения требований УПК РФ. Участие же эксперта-стажера позволяет в дальнейшем подтвердить и учесть его экспертный стаж.

Другая проблема участия эксперта-стажера в производстве экспертизы – допрос эксперта. Если возникнет необходимость в его допросе, то в качестве кого: эксперта или специалиста? В полной мере экспертом он не является, т. к. нет права самостоятельного производства экспертиз, специалистом его тоже признать нельзя, поскольку специалист не должен проводить исследования и формулировать выводы.

Таким образом, предлагаем несколько решений проблемного вопроса, поднятого в данной статье об участии эксперта-стажера в производстве экспертизы. Первое решение. Если в практической деятельности есть необходимость привлечения такого участника судопроизводства как эксперт-стажер, то и в УПК РФ он должен быть упомянут с соответствующими правами и обязанностями. Второе решение. Участие эксперта-стажера в производстве экспертиз должно быть в рамках обучения и отработки знаний, навыков и умений на учебных материалах и объектах. Как, например, это происходит в учебных заведениях, специализирующихся на подготовке экспертов. Только получив документ на право самостоятельного производства экспертиз, он становится полноценным участником уголовного судопроизводства – экспертом.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 02.03.2020 г.).
2. Конференция ЮрКлуба [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=105821/> (дата обращения: 02.03.2020 г.).
3. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 02.03.2020 г.).
4. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации)». [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-MVD-Rossii-ot-29.06.2005-N-511> (дата обращения: 02.03.2020 г.).

Суденко Владимир Егорович

*Юридический институт Российского университета
транспорта (МИИТ),
кандидат юридических наук, доцент,
Почётный работник сферы образования
(Москва, Россия)*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

УДК 343.14

Аннотация. Рассматриваются сущность и цель доказывания, понятие средств данного процесса, а также средства доказывания. Анализируются объект и предмет доказывания, понятие и содержание внутреннего убеждения следователя, его формирование и условия его обоснованности.

Ключевые слова: уголовный процесс; доказательства и доказывание, внутреннее убеждение; истина в расследовании.

Annotation. The essence and purpose of proof, the concept of the means of this process, as well as the means of proof are considered. The object and subject of proof, the concept and content of the investigator's inner conviction, its formation and the conditions for its validity are analyzed.

Keywords: criminal process; evidence and proof, inner conviction; the truth in the investigation.

Доказывание представляет собой процесс, в ходе которого происходит установление истины по делу посредством собирания, проверки, исследования, оценки и использования доказательств, то есть это единство познавательного и удостоверительного процесса. Доказывание объединяет в себе практическую процессуальную деятельность, умственную и логическую, направленную на поиск доказательств с последующей их проверкой и оценкой. Важность данной категории и её содержание обуславливают понимание сущности процедуры уголовно-процессуального доказывания. Данный вид доказывания представляет собой определенную форму познания, которая находит свое применение в ходе расследования определенного уголовного дела. В этой связи следует согласиться с В.Д. Арсеньевым, для которого доказывание есть один из ключевых элементов реализации уголовно-процессуальной деятельности, фактически выступая «сердцевиной» всего уголовного процесса [1, с. 130].

Говоря о процессе установления истины по делу, мы исходим из всеобщности процесса познания, когда субъект познания от чувственного восприятия предмета, явления, признаков и т.п. переходит к логическому осмыслению воспринимаемого и далее к рациональному мышлению.

Специфическими особенностями доказывания являются: исследование того, что было в прошлом, ныне не наблюдаем; ограничение сроков исследования доказательств законодательством; обязательное принятие решения; средствами исследования могут служить не только не противоречащие закону, но предусмотрены им; исследования осуществляются лишь уполномоченными законом субъектами доказывания.

При этом принципиальной является сама постановка целей уголовно-процессуального доказывания, позволяющих раскрыть явления и структуры процесса доказывания в рамках расследования уголовного дела. На доктринальном уровне, в частности, существует мнение относительно включения установления объективной истины в процесс доказывания, что и позволяет сформировать достоверное знание об объекте расследования.

Исходя из этого, можно утверждать, что в ходе доказывания в рамках производства по уголовному делу объективная истина является необходимым результатом процессуальных действий, определенных в процессуальном законодательстве. Следует понимать, что следователем могут быть приняты не все возможные доказательства, а только те, в отношении которых была проведена проверка их допустимости при проведении досудебного расследования. При этом восприятие истины как некоего результата деятельности следователя основывается на достоверных и доказанных обстоятельствах самого факта совершения уголовно наказуемого деяния исходя из их уголовно-процессуальной правовой оценки. Именно это позволяет трактовать полученные законным способом доказательства как основания для обоснованного, справедливого и законного приговора.

Достижение истины в ходе проведения предварительного следствия предполагает необходимость доказывания определенных обстоятельств, которые в совокупности и составляют предмет исследования по конкретному уголовному делу. В частности, согласно мнению С.С. Алексеева, доказывание включает не только деятельность субъектов по установлению истины, но и деятельность, обосновывающую выдвигаемые доводы и возражения, по убеждению других лиц в их истинности [2, с. 247-248].

Формирование внутреннего убеждения следователя в поиске истины базируется на весьма значительном массивом знаний, основная роль которых характеризуется определенной двойственностью: во-первых, необходимостью обеспечения истинности самого знания и, во-вторых, необходимостью обеспечения истинности средств и способов получения этого знания. В данном случае необходимо учитывать и наличие определенного эмоционального фона, который может внести определенные искажения в процесс определения истины, сформировав искаженную структуру внутреннего убеждения.

С психологической точки зрения состоятельность внутреннего убеждения должна исходить из доказательств, собранных в нормативно определенном порядке, с проведением их необходимой проверки и рассмотренных как самостоятельно, так и в совокупности со всеми остальными, тем самым подтверждая тезис об объективности, полноте и всесторонности анализа материалов уголовного дела. Игнорирование этих условий, как правило, свидетельствует о бездоказательной, бесконтрольной, самоуверенной внутренней убежденности следователя.

Обоснованность внутреннего убеждения субъекта доказывания относительно достижения объективной истины в рамках уголовного дела подтверждают суждения, обладающие не только характером абсолютной истины, но и практически достоверной истины [3, с. 20]. Учитывая способность преступления, как и иного события, отражаться в окружающей среде, его элементами выступают помимо вещей и предметов еще и люди, в сознании которых может быть отражено событие преступления. Это связано с тем, что процесс появления информации касательно преступления обладает необходимым, повторяющимся, устойчивым и общим характером, т.е. становится закономерностью.

Собственно, сам процесс доказывания раскрывается только в очень краткой ст. 85 УПК РФ, указывающей,

что «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса» [4]. Однако для практических целей расследования этого не достаточно, а потому необходимо более подробное толкование. В связи с этим следует согласиться с А.М. Лариным в том, что «ни в одной области познания, кроме доказывания по уголовным делам, исследователю не противостоит субъект, кровно заинтересованный в неудаче исследования, порою еще неизвестный и не брезгающий никакими средствами» [5, с. 45-46].

Доля Е.А. определяет процесс доказывания как осуществляемую в предусмотренном законом порядке деятельность органов расследования, прокурора и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления истины, что представляет частный случай применения теории познания» [6, с. 149]. Другим вариантом является позиция О.В. Левченко, полагающей, что доказывание – это обособленная, самостоятельная часть уголовно-процессуального расследования уголовного дела [7, с. 11].

В содержание процесса доказывания входит два взаимосвязанных аспекта – единство познания и единство практико-мыслительной деятельности, результатом чего на каждом этапе доказывания в рамках уголовно-процессуальных действий выступает собирание, проверка и оценка доказательств, либо доказывание обоснованности выводов и решений по делу, принимаемых лицами, осуществляющими доказывание [8, с. 183-184]. Исходя из этого к специфике уголовно-процессуального познания следует отнести такие качества, как достоверность и вероятность, что подтверждает точку зрения Р.В. Костенко относительно следующего тезиса: «При достижении достоверного знания об обстоятельствах предмета доказывания познание характеризуется одними пределами – состоянием достоверности; при получении вероятного знания об обстоятельствах предмета доказывания познание имеет другие пределы – состояние вероятности» [9, с. 68-69].

По сути, доказывание – это логический процесс, посредством которого следователь или суд формируют вывод относительно существования или отсутствия определенных фактов, действий, явлений, связей, отношений и т.д. Процесс приобретения знания в результате развертывания всех этапов доказывания без наличия совокупности логически обоснованных аргументов по конкретному уголовному делу едва ли может стать полезным для субъекта расследования. Отсутствие определенных аргументов не обеспечивает обоснованные выводы по делу. Иными словами, доказывание происходит с целью обоснования выводимых знаний [10, с. 9]. Определенные УПК РФ процессуальные способы собирания и исследования доказательств возможны при активной удостоверительной деятельности следователя по формированию источников доказательств, к примеру, протокола соответствующего действия или иных процессуальных документов.

Каждому преступлению свойственна уникальность. Этим объясняется невозможность четкой алгоритмизации в процессе уголовно-процессуального познания определенного исследовательского поведения. Благодаря этому предполагается достаточная свобода усмотрения по применению определенных способов и средств для достижения целей доказывания. При этом следует учитывать наличие различий между

доказыванием и познанием, которые обусловлены правовой регуляцией познавательной деятельности в правовой сфере. При этом содержанием уголовно-процессуального доказывания является познавательная и удостоверительная деятельность специальных государственных органов [11, с. 12].

Сам по себе процесс доказывания представляет собой сложное логическое действие, связанное с переходом от определенной степени незнания к некоей форме знания на основе формализованной в процессуальном законодательстве совокупности когнитивных операций и физических действий. Как справедливо указывает В.М. Савицкий, «выяснение обстоятельств уголовного дела продолжается до тех пор, пока исследование не приведет к определенному выводу, который воплощается в конкретном процессуальном решении. С этого момента исследование всей проблемы о преступлении и уголовной ответственности превращается в доказывание, обоснование уже достигнутого вывода, тезиса».

При всей вероятностной самостоятельности осуществляемой при расследовании познавательной деятельности все структурные элементы процесса доказывания обладают надежными взаимосвязями между собой, где доказывание процессуально формируется на основании общих закономерностей, существующих познавательной деятельности в её различных областях в силу определения гносеологии ее методологической основой. Законы отражения в сознании людей, которые были раскрыты в рамках теории познания, обладают всеобщим значением и применимы ко всем областям познавательной деятельности, включая сферу уголовно-процессуального доказывания.

Таковы весьма краткие рассуждения об отдельных вопросах доказывания в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. - М., 1964. - С. 130.
2. Алексеев С. С. Проблемы теории права. - Свердловск, 1973. Т. 2. - С. 247-248.
3. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. - М.: Норма, 2007. - С. 20.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. - М., АСТ. - 2020.
5. Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. - М., 1966. - С. 45-46.
6. Доля Е. А. Доказательства и доказывание // Уголовный процесс / Под ред. В. П. Божьева. - М., 2004. - С. 149.
7. Левченко О. В. Презумпции и преюдиции в доказывании. - Астрахань, 1999. - С. 11.
8. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. - М., 1913. - С. 183-184.
9. Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. - Краснодар, 2006. - С. 68-69.
10. Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. - Красноярск, 1984. - С. 9.
11. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. - М.: Норма, 2007. - С. 12.
12. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. - М., 1971.
13. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательство и доказывание. - Воронеж, 1995. - С. 5.

Тарасов Максим Юрьевич,

Научно-исследовательский институт Федеральной
службы исполнения наказаний
кандидат юридических наук
(Москва, Россия)

ОБ УТОЧНЕНИИ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО РОЗЫСКА

УДК 343.985.5

Аннотация. На основе сравнительного анализа оснований прекращения межгосударственного розыска, предусмотренных в Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц и в ведомственных нормативных актах ФСИН России, делается вывод о значительной зауженности и излишней казуистичности последних, о необходимости приведения их в соответствие с общими нормами, содержащимися в международных нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: межгосударственный розыск; международный розыск; прекращение межгосударственного розыска; основания прекращения розыска; розыскное дело; оперативно-розыскная работа.

Annotation. Based on a comparative analysis of the grounds for terminating the interstate search, provided for in the Rules of the competent authorities for the implementation of interstate search for persons and in departmental regulatory acts of the Federal Penitentiary Service of Russia, it is concluded that the latter are significantly narrowed and excessive casuistic, and that they must be brought into line with the general norms contained in international legal acts.

Key words: interstate search; international search; termination of interstate search; grounds for termination of the search; search case; operational investigative work.

Межгосударственный розыск — это вид розыска, направленный на обнаружение разыскиваемых лиц, находящихся за пределами государства (инициатора розыска), но на территории государств — участников СНГ, при котором используются сигнальные системы всех оперативно-справочных учетов ИЦ и адресных бюро МВД стран Содружества [1, с. 532; 2, с. 82-83].

Вопросы межгосударственного розыска помимо нормативно-правовых актов общего характера специально регулируются Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22 января 1993 года [3]; Договором государств-участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц, подписанном в г. Москве 10 декабря 2010 года [4]; Решением Совета глав правительств СНГ «О Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц», принятом в г. Душанбе 30 октября 2015 года [5], самим этим Регламентом компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц [6], а также рядом подзаконных актов, касающихся розыскной деятельности МВД России, ФСБ России, ФСПП России, ФСИН России и т.д. [7, 8, 9, 10, 11].

Конкретные основания прекращения межгосударственного розыска установлены Регламентом компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц. Согласно п. 18 Приложения 5 к Регламенту (Постановление о прекращении межгосударственного розыска), являющегося неотъемлемой частью Регламента, причиной [такая категория употреблена в тексте Регламента] прекращения

межгосударственного розыска лица, совершившего преступление, может быть:

арест, задержание, установление местонахождения, задержание при совершении нового преступления, опознание трупа, в том числе с признаками насильственной смерти, прекращение уголовного дела, решение суда о прекращении розыска, установление местонахождения разыскиваемого лица с отказом в его экстрадиции, прекращение по сроку давности и пр.

Соответственно, по этим же основаниям может быть прекращено розыскное дело, так как в контексте рассматриваемого документа понятия прекращение розыска и прекращение розыскного дела взаимообусловлены.

Ведомственными нормативными актами ФСИН России, регулирующими розыскную работу (далее — наставление ФСИН России), также установлены основания для прекращения розыска. В целом они сходны с приведенными выше основаниями, однако не во всем соответствуют друг другу.

Так, в Регламенте межгосударственного розыска, например, как об основании прекращения розыска говорится о прекращении уголовного дела, а в наставлении ФСИН России — о прекращении производства по уголовному делу по факту побега из учреждения УИС или уклонения от отбывания лишения свободы в отношении разыскиваемого лица. Подобное различие представляет по сути детализацию общей нормы применительно к специфике и предмету деятельности розыскных подразделений ФСИН России и представляется оправданным.

Вместе с тем, такая детализация, обусловленная специализацией розыскной работы оперативных подразделений ФСИН, вызывает вопросы с точки зрения полноты охвата всех категорий разыскиваемых лиц. В качестве разыскиваемых названы только лица, совершившие побег из учреждения УИС (ст. 313 УК РФ) или уклоняющиеся от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ). Между тем, в ст. 314 УК РФ наряду с уклонением от лишения свободы предусмотрена также ответственность за уклонение от отбывания ограничения свободы и от применения принудительных мер медицинского характера. В этой связи возникает вопрос о необходимости включения в число оснований прекращения розыскного дела прекращение производства по уголовному делу в отношении и иных осужденных лиц, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, тем более что в круг лиц, для осуществления розыска которых заводится розыскное дело, они включены.

Но есть и другие варианты разночтений в формулировках оснований прекращения розыска, по-разному определяющие, например, момент (этап) принятия соответствующего решения. Так, в Регламенте межгосударственного розыска, например, говорится о прекращении розыска в связи с задержанием разыскиваемого лица, а в наставлении ФСИН России для принятия аналогичного решения в подобной ситуации, когда решается вопрос об экстрадиции, требуется в дополнение к самому факту задержания еще поступление сообщения о прибытии разысканного лица на территорию Российской Федерации или поступление сообщения из соответствующих органов государственной власти Российской Федерации о направлении в иностранное государство уголовного дела для осуществления его дальнейшего уголовного преследования. Такое разночтение не обусловлено ни спецификой предмета деятельности, ни специализацией

оперативных подразделений ФСИН России, поэтому нуждается в устранении.

Встречаются и такие разночтения в основаниях прекращения розыскного дела, которые, с одной стороны, содержат оправданную спецификой предмета деятельности детализацию общей нормы, и вместе с тем, приносят в нее выходящее за эти рамки дополнительное содержание.

Так, в Регламенте межгосударственного розыска предусмотрено в качестве причины его прекращения установление местонахождения разыскиваемого лица, а в наставлении ФСИН России – получение документально-подтвержденной информации о нахождении на территории иностранного государства разыскиваемого лица, уклоняющегося от получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывшего к месту отбывания наказания в указанный в предписании срок, а также осужденного уклоняющегося от контроля уголовно-исполнительной инспекции, являющегося гражданином данного государства (информация о прекращении розыскного дела и оригиналы полученных документов направляются в соответствующий суд или уголовно-исполнительную инспекцию для принятия дальнейшего решения в соответствии с действующими международными договорами и соглашениями Российской Федерации).

Предметно-специальная детализация последней нормы здесь налицо, и в этой части она если и вызывает замечания, то из-за витиеватой техники изложения текста нормативного акта, и главным образом, отмеченной уже выше неполноты охвата приведенным в основании перечнем категорий подлежащих розыску лиц. Однако за витиеватостью избранной техники кроется норма, определяющая несколько иное основание для прекращения розыска чем предусмотрено в Регламенте межгосударственного розыска: информация о нахождении на территории иностранного государства разыскиваемого лица, являющегося гражданином данного государства. Включение в формулировку основания указания на принадлежность гражданства разысканного лица к запрашиваемому государству значительно сужает сферу (объем) применения данного основания. К тому же, данное основание не вполне согласуется с приведенным выше основанием прекращения розыскного дела из нормативного акта ФСИН России, – задержание с экстрадицией, для применения которого требуются сведения о прибытии разысканного лица на территорию Российской Федерации или о направлении в иностранное государство уголовного дела для осуществления его дальнейшего уголовного преследования. Такое разночтение не обусловлено ни спецификой предмета деятельности, ни его специализацией, поэтому также нуждается в устранении.

По существу же в данной ситуации подлежит применению завуалированное в тексте нормативного акта ФСИН России такое основание прекращения розыска как установление местонахождения разыскиваемого лица с отказом в его экстрадиции, установленное в упомянутом выше п. 18 Приложения 5 к Регламенту, поскольку речь идет о ситуации выдачи Стороной своего гражданина. В такой ситуации на основании пп. «а» п. 1 ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22 января 1993 года, выдача не производится, если лицо, выдача которого требуется,

является гражданином запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

Приведенные результаты сравнительного анализа межгосударственных и ведомственных оснований для прекращения розыскного дела свидетельствуют о значительной зауженности и излишней казуистичности и в связи с этим неполноте последних и необходимости их совершенствования, приведенных в соответствие с общими нормами, содержащимися, в частности, в Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц 2015 года, имеющем более высокую юридическую силу как межгосударственный нормативный правовой акт.

Литература:

1. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 848 с.

2. Дунаева А.В. О понятиях межгосударственного и международного видов розыска // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 82-85.

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Заключена в г. Минске 22.01.1993. Вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994 (с изм. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

4. Договор государств-участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц. Подписан в г. Москве 10.12.2010 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 39. Ст. 5619.

5. Решение Совета глав правительств СНГ «О Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц». Принято в г. Душанбе 30.10.2015 // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 05.04.2020].

6. Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц. Утвержден решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц от 30 октября 2015 года // Кодекс // <http://docs.cntd.ru/document/420389266> [дата обращения – 05.04.2020].

7. Указ Президента РФ от 13.07.2016 № 332 «О компетентных органах Российской Федерации, осуществляющих сотрудничество в рамках Договора государств - участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 29. Ст. 4798.

8. Положение о Федеральной службе исполнения наказаний. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. от 04.11.2019) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

9. Постановление Правительства РФ от 16.09.2013 № 809 (ред. от 03.06.2019) «О Федеральной таможенной службе» (вместе с «Положением о Федеральной таможенной службе») // Собрание законодательства РФ. 2013. № 38. Ст. 4823.

10. Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 05.04.2020].

11. Письмо ФССП России от 18.09.2017 № 00141/17/90064-ОП «О межгосударственном розыске лиц» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. № 11. 2017.

Утебаев Ержан Кенесович

Казахский гуманитарно-юридический инновационный
университет
кандидат юридических наук
(Семей? Казахстан)

Темиргазин Роман Хурмутуллаевич

Казахский гуманитарно-юридический инновационный
университет
магистр юридических наук
(Семей, Казахстан)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ СТРАН ЕВРАЗЭС

УДК 343.98

Аннотация: в статье излагается примерный алгоритм досудебного расследования первоначального этапа уголовных правонарушений, связанных с участием организованных форм экономической преступности. Предлагаются некоторые криминалистические тактические приемы, реализуемые в ходе производства следственных и негласных следственных действий.

Ключевые слова: Досудебное расследование, экономическая преступность, криминалистические тактические приемы

Abstract: The exemplary algorithm of pre-trial investigation of the primary stage of the criminal offences constrained with participation the organized forms of economic criminality is expounded in the article. Some criminalistics tactical receptions realized during a production inquisitional and secret inquisitional actions are offered.

Keywords: Pretrial investigation; economic criminality; criminalistics tactical receptions

Юристы относятся к той категории людей, чья профессиональная деятельность тесно связана с творческим подходом к выполнению своих служебных и иных обязанностей. Поэтому по роду своей деятельности им приходится изучать и читать не только юридическую литературу, но и художественную. В этой связи хотелось бы привести цитату из одного известного литературного произведения, относящегося к русской классической литературы 19-го века.

Так, в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» имеется такое описание дома Манилова, одного из персонажей данного произведения, характеризующего типичного представителя «николаевской» России 19-го века. «Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть ...» [1].

Данный пример, мы привели для того, чтобы сравнить его с современным Казахстаном, Россией и Белоруссией. Сейчас наши республики открыты для всех, и потоки людей въезжают и выезжают из Казахстана, России и Белоруссии во все четыре стороны света.

Общеизвестно, что Республика Казахстан имеет открытые границы с Западным Китаем, с новыми государствами на юге страны в лице – Киргизии, Узбекистана, Туркменистана, на севере с Российской Федерацией. Происходят многочисленные миграционные процессы населения, которые транзитом перемещаются через нашу страну. Трудовая миграция благоприятно вливается в сферу экономической деятельности, тем самым

выполняет фискальную политику государства в виде пополнения бюджета по сбору обязательных платежей.

Но есть и другие негативные стороны миграции, несущий криминальный оттенок. Ни секрет, что некоторые мигранты данную обстановку используют специально для реализации своих преступных намерений, например, участие в незаконном обороте наркотиков, оружия, контрабанды товаров и услуг, в том числе и перемещение людей для сексуальной эксплуатации, и рабства.

Однако особую тревогу продолжают вызывать корыстные уголовные правонарушения, совершаемые в сфере экономики. Значительное число хищений и иных уголовных правонарушений против собственности совершаются в области финансово-кредитного обращения, в банковской и налоговой системе, криминальном бизнесе, а также при лицензировании и вывозе (ввозе) сырья (продуктов, товаров) из (в) республики (-у). Такие уголовные правонарушения нередко сопряжены со взятничеством и другими должностными преступлениями.

Поэтому полагаем, что в содержание познавательной стороны коррупционных и общеуголовных преступлений в сфере экономической деятельности входят следственные и негласные следственные действия, и в том числе оперативно-розыскные мероприятия, которые являются объектом познания криминалистики. В процессе познания события уголовного правонарушения, механизма развития криминального бизнеса и самого субъекта уголовного правонарушения, следователь и оперативный работник применяют тактические приемы и их комбинации, которые составляют содержание тактики предварительного расследования и образуют чувственный уровень средств познания.

Мы остановимся и попробуем осветить только некоторые тактические приемы и комбинации, из того арсенала, которые научно разработаны и апробированы следственной и оперативно-розыскной практикой. Они коснутся производства осмотра, обыска, проверки и уточнения показаний на месте и следственного эксперимента, в совокупности с оперативно-розыскными мероприятиями.

Так, анализируя мнения отдельных ученых Р.С. Белкина, А.В. Дулова, В.К. Гавло [2], А.Я. Гинзбурга, А.Р. Белкина [3], Е.Г. Джакишева [4], С.Ю. Алесковского, И.Б. Зинкевича [5], А.С. Жиенбаева [6], М.Ч. Когамова [7] и других, преступления общей уголовной направленности, в том числе и в сфере экономической деятельности, могут выявляться и в ходе оперативно-розыскных мероприятий, что подтверждается нашими исследованиями [8].

Алгоритм производства негласных следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, гласного и негласного характера, может быть прямо зависеть от оперативной обстановки в регионе и сложившейся следственной ситуации по уголовному делу. Основная цель тактико-криминалистической комбинации или операции, это раскрыть истинный социальный облик «теневого дельца» и тех лиц, с которыми он реализовывал свой криминальный бизнес. В том числе, как мы полагаем, можно обратить внимание на тех лиц, которые оказывали ему содействие в осуществлении криминального бизнеса, и при этом умело манипулировали своим должностным положением. Можно параллельно пресекать деятельность таких лиц, которые организовали трафик людей для сексуальной эксплуатации и рабства. Как

правило, для сексуальной эксплуатации, вербуют или насильно принуждают заняться проституцией в основном лиц женского пола, молодых девушек и несовершеннолетних девочек.

Далее, можно продолжить разработку в виде оперативного наблюдения в местах концентрации криминального бизнеса, в отношении фигуранта по уголовному делу, под видом создания конспиративного предприятия или иного образования. Полученные данные в ходе доказывания включить в материалы уголовного дела (ст. 239 УПК РК) [9] и впоследствии они могут быть перспективным источником для производства последующих следственных действий и возможных негласных следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий.

Перед осмотром места криминального бизнеса следователь может встретиться со специалистом.

С.П. Вареникова, К.А. Мушатова [10] и другие утверждали о том, что нереально обеспечить эффективность применения в современных условиях статей уголовного кодекса с бланкетными диспозициями, прежде всего об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.

Поэтому, по нашему мнению, следователь и оперативный работник не может один и самостоятельно разрешить вопросы расследования без помощи специалистов – ученых, опытных практических работников в данных отраслях законодательства. Как мы полагаем, целесообразно в таких случаях привлекать одновременно специалистов, обладающих специальными знаниями в разных областях науки и техники. Кроме того, например, следователь может дополнительно ознакомиться со специальной научно-технической, экономической и иной литературой, в том числе со справочником или руководством для следователя [11].

Полученные данные следователь может внести в план будущего осмотра криминалистически значимых объектов криминального бизнеса, в котором определяет возможные границы осмотра, его узловые детали и составляют основу пространственного расположения места преступления в сфере экономики.

Теперь о других следственных действиях: обыск, проверка и уточнение показаний на месте, следственный эксперимент.

Так, перед началом данных следственных действиях следователь может провести рекогносцировку.

Под рекогносцировкой следует понимать: «... изучение расположения противника и местности перед предстоящими боевыми действиями» [12, с.702].

В нашем случае, мы под данным тактическим приемом понимаем предварительное изучение расположения места криминального бизнеса и личной характеристики «теневого дельца». По полученным данным, куда включаются последние результаты оперативно-тактических комбинаций и операций, составляется план будущего следственного действия. После этого следователь приступает к его реализации. Например, обыск желательно проводить в утреннее время, так как в указанный период можно застать желаемого фигуранта в месте его нахождения и реализовать такой криминалистический тактический прием в виде эффекта неожиданности.

В ходе производства проверки и уточнения показаний на месте следователь сопоставляет полученные раннее показания допрошенных лиц с реальными,

подлинными действиями участника данного следственного действия.

В производстве следственного эксперимента можно задействовать специалиста, сведущего в технологическом или ином процессе криминального бизнеса. В этом, по нашему мнению, и заключается особенность производства обыска, проверки и уточнения показаний на месте и следственного эксперимента.

Резюмируя, подведем такие выводы. Деятельность органов предварительного следствия и дознания, под которыми мы понимаем оперативно-розыскные подразделения, до возбуждения уголовного дела может быть направлена, по нашему мнению, на проведение профилактических мероприятий. Эти мероприятия и следственные действия могут быть проведены лично субъектом уголовного процесса, так и совместно с другими территориальными субъектами уголовного преследования и органами исполнительной власти.

Например, таковыми могут выступить: акимат, налоговый комитет и др., другие субъекты уголовного преследования в лице органов внутренних дел, таможенных органов и др. В содержание данных мероприятий и следственных действий может войти: доследственная проверка, документальная ревизия финансово-хозяйственной деятельности в совокупности с судебно-экономическими экспертизами.

В местах концентрации возможного криминального бизнеса попытаться провести негласные следственные действия или общие и специальные оперативно-розыскные мероприятия. Дальнейшее постоянное или временное оперативное присутствие в возможных местах концентрации криминального бизнеса продолжит познавательную деятельность субъекта уголовного процесса, где логическим итогом может выступить своевременное начало досудебного расследования уголовного дела. Основная цель, которую преследуют следователь и оперативный работник – это целенаправленная деятельность по выявлению лиц и мест криминального бизнеса, и последующему пресечению преступлений экономического и коррупционного характера.

Литература:

1. Гоголь Н.В. Мертвые души. – М.: Правда, 1984. – 368 с.
2. Криминалистика: Учебный словарь-справочник. – Москва, 1999.
3. Гинзбург А.Я., Белкин А.Р. Криминалистическая тактика: Учебник // Под общ. ред. А.Ф. Аубакирова. – Алматы, 1998.
4. Джакишев Е.Г. Криминалистическая тактика: Учебное пособие. – Алматы, 1997.
5. Гинзбург А.Я., Григорьев В.И., Алесковский С.Ю. Основы оперативно-розыскных действий: Учебно-практическое пособие. Под ред. И.Б. Зинкевича. – Алматы, 1999.
6. Жиенбаев А.С. Глава 7. «Криминалистическая тактика производства проверки и уточнения показаний на месте», с.319-331. – Криминалистика. – Алматы, 2003
7. Когамов М.Ч. Предварительное расследование уголовных дел в Республике Казахстан: состояние, организация, перспективы. – Алматы, 1998.
8. Утебаев Е.К. Методика расследования преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с незаконным предпринимательством, лжепредпринимательством и ложным банкротством: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Астана, 2005.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, № 231 – V ЗРК, Алматы, 2014. – 368 с.
10. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью в контексте национальной концепции права» – Алматы: КазГЮУ, 2002. – 680с.
11. Гинзбург А.Я., Поврезнюк Г.И., Калинин А.В. Справочник следователя. – Алматы, 1998 // Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – Москва, 1998.
12. Словарь русского языка. – Москва, Т. 3, 1983.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ МЯСОМОЛОЧНОЙ ОТРАСЛИ

УДК 343.985.8

Аннотация: В настоящей статье рассмотрен ряд мероприятий, проводимых сотрудником правоохранительных органов при осуществлении профилактической деятельности. Отдельно рассмотрен вопрос, касающийся участия в проводимых профилактических мероприятиях представителей служб безопасности перерабатывающих предприятий и их взаимодействия с сотрудниками органов внутренних дел.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; профилактика преступлений; служба безопасности; взаимодействие; преступление; правоохранительные органы.

Annotation: This article discusses a number of measures undertaken by a law enforcement officer in the implementation of preventive activities. The issue of participation in the ongoing preventive measures of representatives of security services of processing enterprises and their interaction with employees of the internal affairs bodies was separately considered.

Key words: operational-search activity; crime prevention; security Service; interaction; the crime; law enforcement agencies.

В развитие агропромышленного комплекса Республики Беларусь, в том числе и перерабатывающую промышленность мясомолочной отрасли, осуществляется значительное вливание бюджетных и кредитных денежных средств, направляемых на модернизацию указанных предприятий. Таким образом, сотрудникам правоохранительных органов в обязанности вменяется осуществление ряда мероприятий профилактического характера, направленных на недопущение совершения противоправных деяний в указанной отрасли. Для мясомолочной отрасли наиболее актуальными являются следующие профилактические мероприятия:

1) направленные на осуществление проверок работы службы контроля по пропуску (выпуску) транспортных средств, а также работников предприятия, на качественность проводимых досмотровых мероприятий и правильность оформления (изучения) необходимых сопроводительных и пропускных документов. Последние реализуются сотрудниками правоохранительных органов совместно с представителями службы безопасности предприятия и должны носить внезапный характер;

2) осуществление совместно со службой безопасности перерабатывающего предприятия внезапных проверок работников предприятия, после окончания рабочего дня на проходной с целью недопущения совершения мелких хищений продукции указанными работниками. Данные мероприятия должны осуществляться без долгосрочного уведомления работников службы безопасности, с целью недопущения утечки информации о планируемых профилактических мероприятиях либо без такого уведомления;

3) выполнение проверки служебных автомобилей, автомобилей поставщиков и перевозчиков, осуществляющих взаимодействие с перерабатывающим предприятием, с целью недопущения вывоза с территории предприятия готовой продукции, полуфабрикатов и сырья. В данной ситуации, преступниками могут выполняться действия, направленные на маскировку противоправной

деятельности, выражающуюся в создании дополнительных мест в грузовых автомобилях, внесение изменений в сопроводительные документы либо использование повторно для заезда и получения продукции (сырья) уже использованных накладных. Также представителями служб охраны предприятия, при наличии в ее составе сообщника преступной деятельности, могут допускать для выезда/заезда на территорию предприятия автомобили без необходимых сопроводительных документов, без внесения записи в журнал выпуска (пропуска) транспортных средств на территорию предприятия, либо отключения системы видеонаблюдения на определенный момент времени, с последующим пояснением о возможно произошедшем сбое системы контроля.

Кроме указанных выше способов профилактического характера, носящих «активный» характер, сотрудниками правоохранительных органов в своей повседневной деятельности могут использоваться иные способы, направленные на доведение и получение информации. Так, например, сотрудником органов внутренних дел может осуществляться посещение перерабатывающего предприятия с целью проведения профилактической беседы о недопущении совершения хищений, а также доведения до сведения работников предприятия информации о результатах деятельности правоохранительных органов в указанном направлении. Беседы могут проводиться как непосредственно сразу со всем рабочим коллективом предприятия, либо по группам, в зависимости от выполняемых трудовых обязанностей. В ходе проводимой беседы сотрудник правоохранительных органов может сведения о криминальной ситуации в районе, а также сообщить о достигнутых результатах в практической деятельности, о планируемых изменениях в законодательстве и иную информацию. По окончании беседы сотрудник правоохранительных органов может оставить свои контактные данные для работников предприятия, с целью последующего его информирования о ставших известных фактах противоправной деятельности либо предоставления иной информации, связанной с противоправной деятельностью на перерабатывающем предприятии.

Следующим способом получения информации о возможных фактах противоправной деятельности сотрудник правоохранительных органов может получить в процессе проведения опроса общественного мнения. Однако получая такого рода информацию, сотрудник органов внутренних дел должен понимать, что лицо ее указавшее может использовать правоохранительные органы в своих корыстных интересах, выражающихся в создании условий для последующего его увольнения с предприятия, и назначения на должность лица, более стоворчивого. Необходимо отметить, что информационную осведомленность сотрудников правоохранительных органов о возможных фактах противоправной деятельности могут составлять анонимные сообщения граждан. С целью обеспечения поступления в адрес правоохранительных органов информации о реальных фактах противоправной деятельности гражданам, пожелавшим остаться анонимными, должны гарантироваться их права на сохранение анонимности, с последующим рассмотрением вопроса о финансовом стимулировании указанной категории граждан. В данном случае возможно использование сети «Интернет», с созданием на сайте местных органов власти правоохранительной рубрики, где граждане могут оставлять соответствующую

информацию. В указанной рубрике правоохранные органы должны указать на положительные моменты, достигаемые в результате противодействия преступности, ее беспристрастности к лицам, независимо от занимаемого ими должностного положения, достигнутые результаты. Таким образом, использование средств массовой информации, может выражаться как в получении информации, так и осуществления профилактической деятельности.

Обобщая все вышеизложенное, необходимо отметить, что деятельность по профилированию преступлений в лице правоохранительных органов заключается в осуществлении ряда профилактических мероприятий, а также деятельности по пресечению и предотвращению подготавливаемых преступлений. Последняя, заключается в поиске причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также воздействия на лиц, с целью недопущения совершения последними преступлений.

Осуществляя мероприятия по профилактике преступлений на перерабатывающих предприятиях мясомолочной отрасли, сотрудники органов внутренних дел должны использовать сведения, полученные из различных источников, а также осуществлять взаимодействие как непосредственно с работниками предприятия, так и с представителями службы безопасности и руководства. Особое внимание в данном случае необходимо обратить на оказание содействия (предоставлении интересующей информации) со стороны работников службы безопасности перерабатывающего предприятия, поскольку последние обладают специфическими знаниями, необходимыми для успешного выявления преступлений, а также закрепления и поиска новых доказательств противоправной деятельности.

Щербич Л.А.

*Университет прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
(Москва, Россия)*

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ, ПОРОЖДАЮЩИХ ЛОЖЬ ИЛИ НЕПРОИЗВОЛЬНЫЕ ОШИБКИ В ПОКАЗАНИЯХ СВИДЕТЕЛЕЙ

УДК 343.9

Аннотация: Исследуются показания свидетелей с точки зрения их достоверности и объективности, кроме того рассматриваются такие понятия как ложь и произвольные ошибки, встречающиеся в показаниях выше указанных участников, которые возникают под воздействием различных обстоятельств.

Ключевые слова: свидетель, ложь, показания, произвольные ошибки, психология, криминалистика, расследование преступлений.

Annotation: We examine the testimony of witnesses in terms of their reliability and objectivity, in addition, we consider such concepts as lies and involuntary errors that occur in the testimony of the above-mentioned participants, which arise under the influence of various circumstances.

Keywords: witness, lies, testimony, involuntary errors, psychology, criminology, crime investigation.

Ложь -: одно из тех, все более поражающих уголовный процесс зол, с которым следователи сталкиваются при расследовании самых различных преступлений. По мнению В.А. Образцова источниками лжи являются

чаще всего подозреваемые, обвиняемые и свидетели. Перечень лжецов, по его мнению, может быть продолжен, поскольку подчас в этом качестве выступают потерпевшие, а иногда и эксперты. [1, С. 178].

Но всегда ли с достоверностью если не установлено обратное, можно говорить о том, что, давая показания участники намеренно искажают обстоятельства совершения преступления, с целью воспрепятствования установлению истинной картины произошедшего. Актуальность, рассматриваемого вопроса обусловлена на наш взгляд тем, что показания участников уголовного судопроизводства не всегда могут быть надежными и неоспоримыми доказательствами. Это связано с тем, что резкий технологический скачок изменил ритм и качество жизни увеличив информационный поток, что в первую очередь сказалось на психике человека, а именно на познавательных процессах личности (восприятия, переработке и репрезентации информации), с помощью которых происходит познание окружающего мира. Мы не будем рассматривать особенности выявления лжи или добросовестного заблуждения в показаниях всех участников, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства, а лишь остановимся на проблемах возникающих при производстве допросов свидетелей.

Расследование преступления – многогранный и многоступенчатый сложный процесс, представляющий собой исследование следователем событий, связанных с совершенным общественно-опасным деянием, в целях защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод. Для достижения указанной цели, закрепленной в ст. 6 УПК РФ, требует от следователя в пределах своей компетенции принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления и лиц виновных в его совершении.

Исследуя интересующие нас обстоятельства, мы сталкиваемся не с динамикой происходящих событий, а со следами, оставленными ими т.е. предметами и объектами материального мира, а также идеальными картинами, отобразившимися в сознании людей.

Сознание - это специфически человеческое качество, представляющее собой высшую форму психического отображения действительности [2. С.209]. Это означает, что человек не только отражает окружающее, но и осмысливает, анализирует происходящее и производит сознательные действия, то есть контактирует с окружающим его миром, познавая его. Именно благодаря такому свойству психики человек может составить воспоминание о событии прошлого причем это воспоминание будет содержать не только факты, но и оценки и умозаключения, а также анализ собственного поведения. «Психическое отражение, в отличие от зеркального и других форм пассивного отражения, является субъективным, а это значит, что оно является не пассивным, не мертвым, а активным, что в его определение входит человеческая жизнь, практика и что оно характеризуется движением постоянного «переливания объективного в субъективное» [3, С.125]. Активность воспринимаемых образов означает их субъективность, то есть «пристрастность», которая детерминирует качество воспринимаемой и репрезентируемой субъектом информации. В тоже время такая «пристрастность» вносит сомнения в оценку восприятия, воспоминаний и суждений людей о событиях прошлого [4, С.63]. Поэтому все это требует от

следователя, перед производством допроса изучить личность свидетеля с целью определения его волевых качеств, типа характера, темперамента, склонности к преувеличению и фантазированию, а также подверженности внушению. Относительно объема изучения личности свидетеля категоричных рамок не существует. По этому поводу, вполне убедительным, будет тезис Г.Г. Доспулова о том, что: «... границы изучения личности свидетеля, предусмотренные УПК РФ безусловно, узки с точки зрения криминалистической тактики. Следователь в каждом свидетеле должен стараться знать больше, чем это требует закон, чем лучше он знает особенности его личности, тем больше оснований для выбора правильного подхода» [5, С.292].

Но так бывает не всегда, в силу высокой нагрузки (большого количества уголовных дел) в производстве, у следователя порой отсутствует время для изучения личности обвиняемого, следовательно, он кроме выше перечисленного должен владеть знаниями, позволяющими установить наличие добросовестного заблуждения или лжи в показаниях допрашиваемого лица.

И так, о общежитейском смысле ложь – это неправда, вымысел. Согласно определению данному, в толковом словаре русского языка С И Ожегова - намеренное искажение истины, неправда» [6, С 356], ключевым на наш взгляд является слово «намеренное». В одной из своих работ уважаемый профессор В.А. Образцов указывает, что ложные показания могут быть даны в силу заблуждения. Причем к причинам, порождающим ложные показания свидетелей автор относит не только воздействие, которое свидетель мог испытывать со стороны заинтересованных лиц (просьбы последних, уговоры, подкуп, шантаж), но и болезненное состояние психики [7, С. 178-180]. В связи с чем справедливо ли утверждать, что болезненное состояние психики следует относить к причинам, порождающим ложные показания – (выделено нами Л.А. Щербич).

И так, как нами было сказано выше, человек обладает такой способностью отражения действительности, которая дает ему возможность, выделять себя из окружающего мира и осознавать т.е. отражательная функция сознания состоит в организации психических процессов (память, мышление, восприятие, представление), направленных на познание этого мира.

Следовательно, основой, в которой происходит формирование показаний свидетеля о событиях, являются протекающие психические процессы (восприятие, мышление, сознание речь, память, воображение, эмоции, борьба мотивов, принятие решения, постановка цели и др.).

Следовательно, опираясь на психологическую составляющую личности свидетеля дающего показания можно утверждать, что во-первых, показание может быть ложным и именоваться лжесвидетельством, то есть быть умышленным волевым действием допрашиваемого преследующего определенными целями, во – вторых показания могут быть неумышленно искажены, такое неумышленное искажение имеет бессознательную психологическую природу и не может быть управляемым посредством волевых сознательных актов в отличие от лжесвидетельства, которое объективно выражается в умышленном сообщении несоответствующих реальной действительности сведений об обстоятельствах. Входящих в предмет доказывания по конкретному делу с определенной целью.

По справедливому мнению С.С. Кузьминой, лжесвидетельство представляет собой многоступенчатый, сознательный процесс, который происходит три последовательно сменяющих друг друга этапа: принятие решения о даче ложного показания, разработка плана и исполнение задуманного. Различие между намеренной ложью и ложью бессознательной она формулирует в динамике ускоренного процесса: «... если у добросовестного свидетеля сам факт дачи показаний носит репродуктивный характер, то для лжеца он представляет собой творческий процесс. Лжец не только воспроизводит событие или сообщает другие сведения, относящиеся к делу, но одновременно создает воображаемую модель произошедшего, образ, которым хочет подменить истину» [8, С. 25]. Очевидно, что неумышленное искажение в показаниях свидетелей является неосознаваемым моментом, а соответственно и не контролируемым. Поэтому, зная о неосознанной природе искажения, мы не можем охарактеризовать его недобросовестное. Показания могут быть самыми чистосердечными, однако, независимо от честного стремления заключать в себе непреднамеренное заблуждение.

По образному выражению А.Ф. Кони: «Внутри почти каждого свидетельского показания есть своего рода язва, отравляющая понемногу весь организм показания, не только против воли, но и без осознания свидетелем» [9, С. 109]. Это мудрое изречение подразумевает не только ошибочность сознательно выбранной позиции человека, но и бессознательную ошибочность восприятия.

В криминалистическом контексте существенным негативным моментом, играющим роль в расследовании преступлений, является наличие бессознательного искажения в показаниях, касающихся предмета доказывания.

В криминалистике проблема причин, вызывающих ошибочные показания рассматривались в исследованиях многих ученых (М.С. Строговича, А.Р. Ратинова, С.Я. Розенблита, А.В. Дулова, В.С. Бурдановой и др.). Авторы указывали на широкий спектр причин, но единодушно разделяли их на две группы: объективные и субъективные. Объективные факторы относятся к внешним условиям и обстоятельствам восприятия и особенностям воспринимаемого объекта. К числу таких факторов следует относить: видимость и слышимость в различных погодных условиях, удаленность наблюдаемого явления и наличие преград в поле зрения, скоротечность восприятия и др. Субъективные факторы в свою очередь подразделяются на субъективно-физиологические и субъективно-психологические. Субъективно-физиологические факторы – это особые физические свойства анализаторов воспринимающего, например, нарушения органов зрения и слуха: близорукость, дальтонизм, дальнозоркость, глухота и т.п. Субъективно-психологические факторы обусловлены индивидуальными особенностями психики личности воспринимающего, то есть свидетеля, а также переживаемыми ими эмоциями как в момент совершения преступления либо после него. По нашему убеждению, именно субъективно-психологические факторы представляют для следователя наибольшую трудность в диагностировании и оценке [10, С. 15]. В данном контексте нельзя не упомянуть о негативной психологической ситуации в расследовании, когда следователь, обнаружив несоответствие показаний свидетеля фактическим материалам уголовного дела, встречает при этом упорное отстаивание своей позиции свидетелем,

которого подобное недоверие следователя возмущает, вследствие этого возникает конфликтная ситуация. Такой тип свидетеля, требует к себе повышенного внимания, так как почувствовав сомнения следователя относительно данных им показаний, в лучшем случае откажется содействовать следствию, а в худшем – заподозрит правоохранительные органы в коррумпированности, а следователя в сговоре с обвиняемым. Следовательно, это приведет к атмосфере враждебности между следователем и свидетелем.

По нашему мнению, конфликтных ситуаций при производстве по уголовному делу можно избежать, а возникшие ситуации необходимо разрешать, если, во-первых, следователю быть осведомленным о вероятности добросовестного заблуждения и объективно расценивать, и прогнозировать возможные ситуации, а во-вторых, активно применять данные судебной психологии и криминалистической тактики для оценки и диагностики «искаженных» показаний.

Литература:

1. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М.: Юрист, 1997. -336 с.

2. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. – М.: «Наука», 1971. -302 с.

3. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 2 - М.: Педагогика, 1983. - 392 с., ил. – (Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР).

4. Пиджаков А.Ю., Т.А. Сорокина. Л.А. Щербич Криминалистические особенности института показаний свидетелей и потерпевших /СПб ГУГА. СПб, 2007. - 181 с.

5. Психология показаний свидетелей и потерпевших / Г. Г. Доспулов, Ш. М. Мажитов ; АН КазССР. Ин-т философии и права. - Алмата : Наука, 1975. - 192 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. - 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1997. - 944 с.

7. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М.: Юрист, 1997. -336 с.

8. Кузьмина С.С. Лжесвидетельство. (Уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кузьмина С.С. - С.-Пб., 1991. - 233 с.

9. Кони А.Ф. Свидетели в суде //Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания. Вып. 1. СПб., 1095. 140 с.

10. Пиджаков А.Ю., Т.А. Сорокина. Л.А. Щербич Криминалистические особенности института показаний свидетелей и потерпевших /СПб ГУГА. СПб, 2007. - 181 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ануфриева Е.А., Омельченко Т.В. Проблемы возбуждения уголовных дел по ч. 1 ст. 303 УК РФ</i>	3
<i>Баев М. О. Понятие риска в уголовно-процессуальной защите</i>	6
<i>Белкин А. Р. Вновь о приглашении специалиста</i>	8
<i>Ватутина О. Ю. Процессуальный статус специалиста и его правовая регламентация</i>	10
<i>Гаврилов Б. Я. Современное уголовное судопроизводство России: теория и практика</i>	12
<i>Горский В. В. Об участии потерпевшего на стадии исполнения приговора по законодательству России и Великобритании</i>	16
<i>Горский М. В., Малык А. В. Влияние активной роли суда на формирование его тактики</i>	18
<i>Григорьев В. Н. О перспективах тактического приема осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике</i>	20
<i>Грицкевич О. Ю., Захарова А. Н. Об актуальных вопросах внутригоспитальных самоубийств и ответственности медицинского персонала.</i>	22
<i>Даниленко Ю. А. Особенности оперативно-розыскных мероприятий при расследовании и раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации</i>	25
<i>Дементьев В. В. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании убийств, сопряженных с падением потерпевшего с высоты</i>	26
<i>Журба О. Л., Кавецкий Э. Р. Проблемные вопросы производства обыска в уголовном процессе и пути их решения</i>	28
<i>Иванов П. И., Шитов А. С. Криминалистическое обеспечение деятельности по расследованию уголовных дел о налоговых преступлениях</i>	31
<i>Коваленко Э. Д. Соотношение оперативно-розыскной и разведывательной информации в контексте оптимизации отношений между ключевыми субъектами сектора безопасности</i>	33
<i>Кошман В. А., Паламарчук А. В. Актуальные проблемы реализации защитником своих полномочий в Российской Федерации</i>	36
<i>Кустов А. М. Роль цифровых технологий в моделировании механизма совершенного преступления</i>	38
<i>Куркова Н. А. Макарова О. А. Актуальные вопросы использования учения о личности свидетеля при его допросе в суде</i>	40
<i>Куценко М. В. Приоритет упреждающих и профилактических мер в обеспечении собственной безопасности органов внутренних дел российской федерации</i>	43
<i>Мещеряков В. А., Пошвин А. Л., Цурлуй О. Ю. Электрофотографические копии как объект почерковедческой экспертизы</i>	45
<i>Мироненко С. Ю. Криминалистическая классификация убийств, совершаемых организованными преступными группами</i>	48
<i>Михайлов М. А. Обучение приемам следственного мышления: возможность и необходимость</i>	50
<i>Михайлова Ю. Н. Особенности тактики допроса свидетелей в гражданском судопроизводстве</i>	54
<i>Морозова Т. А. Проблемные моменты несоблюдения процессуальных правил оформления доказательств</i>	56
<i>Островский О. А., Шевелева И. А. Проблематика формирования и правового регулирования больших данных в исследовании информационных цифровых следов</i>	57
<i>Патрушева А. А. Определение вида итогового судебного решения при рассмотрении уголовного дела в отношении умершего</i>	59
<i>Позий В. С. Эксперт-стажер как участник уголовного процесса</i>	61
<i>Суденко В. Е. Отдельные вопросы доказывания по уголовным делам</i>	63
<i>Тарасов М. Ю. Об уточнении оснований прекращения межгосударственного розыска</i>	65
<i>Утебаев Е. К., Темиргазин Р. Х. Криминалистические тактические приемы в ходе досудебного расследования уголовных правонарушений, и их реализация в приграничных районах стран ЕВРАЗЭС</i>	67
<i>Хмель Д. Н. Некоторые аспекты профилактики преступлений, совершаемых на перерабатывающих предприятиях мясомолочной отрасли</i>	69
<i>Щербич Л.А. К вопросу о причинах, порождающих ложь или произвольные ошибки в показаниях свидетелей</i>	70

**УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО:
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

**МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

(23-24 апреля 2020 года)
г. Симферополь-Алушта

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru